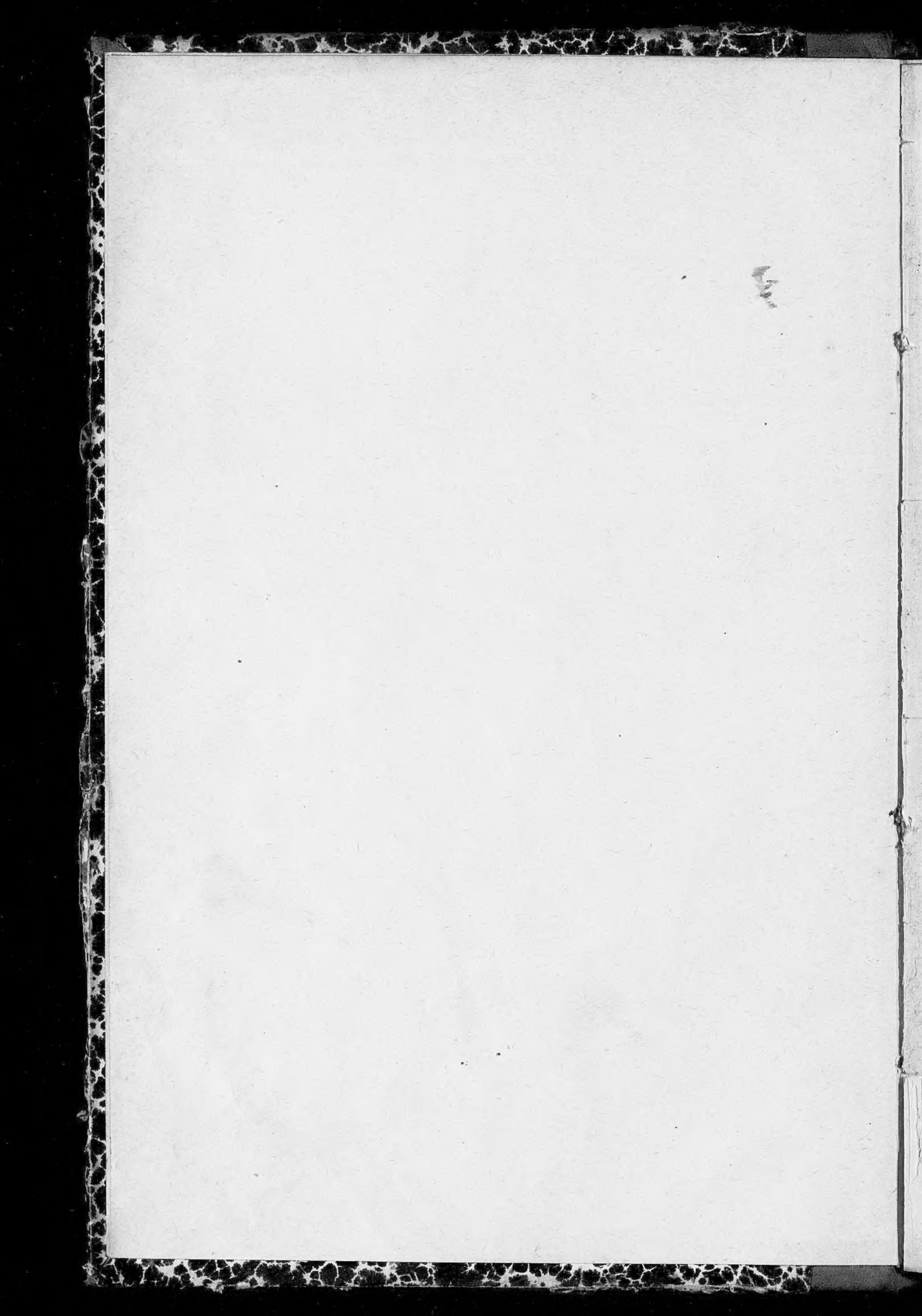
T 54

+



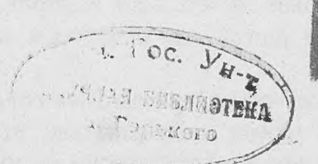
Б. ГЛИНСКІЙ

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БѢЛИНСКІЙ

и

ЧЕСТВОВАНІЯ ЕГО ПАМЯТИ

СЪ ПЯТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕГО ЮНОШЕСКАГО «ЖУРНАЛА ПОѢЗДКИ ВЪ МОСКВУ И ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ОНОЙ».



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1898

Дозволено цензурою 14 іюля 1898 г. С.-Петербургъ.

I.

Въ маѣ (26-го) текущаго года исполнилось 50 лѣтъ со смерти величайшаго нашего критика и истиннаго основателя русской журнальной публицистики — Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Это событіе, само по себѣ не представляющее ничего особенно радостнаго, веселаго и утѣшительнаго, вызвало, однако, въ столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ нашего отечества рядъ торжествъ, приравненныхъ общественнымъ мнѣніемъ къ разряду самыхъ свѣтлыхъ праздниковъ русскаго слова, русской мысли. И дѣйствительно, что̀, казалось бы, можетъ быть утѣшительнаго и отраднаго въ томъ, что полвѣка тому назадъ преждевременно скончался, сломленный жизнью и невзгодами, непосильными трудами и борьбою за народное и общественное благо, писатель, котораго при жизни даже друзья и близкіе люди мало понимали, котораго враги травили, преслѣдовали, и который всю жизнь былъ обреченъ на жестокую борьбу за существованіе? Казалось бы, тутъ нечему радоваться, нечему рукоплескать и, однако, что же мы видимъ? рядъ торжествъ смѣняется одно другимъ, и сословіе писателей, призывая на эти торжества русскій народъ въ лицѣ разнообразныхъ его представителей, съ гордостью восклицаетъ: «на нашей улицѣ праздникъ!» праздникъ того великаго солнца, которое властно и безпощадно гонитъ духовную тьму человѣчества и обдаетъ его жизнь мощными лучами свободы, братства и любви.

Такое явное противорѣчіе изъ двухъ положеній, двухъ моментовъ исторической жизни, раздѣленныхъ между собою 50-ти-лѣтнимъ промежуткомъ времени, — противорѣчіе только наружное, внѣшнее, служащее наглядною иллюстраціей тому, какъ жестокъ, труденъ и безпощаденъ процессъ достиженія человѣчествомъ счастія на землѣ, и какъ высоко, неизмѣримо высоко, должны мы ставить и чтить память

тѣхъ, на чьихъ слезахъ, костяхъ и крови созидается наше скудное духовное благополучіе. И вотъ, когда мы сравниваемъ и сопоставляемъ начало борьбы за это благополучіе съ тѣмъ, что стало въ настоящее время неотъемлемымъ нашимъ достояніемъ, какъ бы ничтожно оно ни было, когда мы вспоминаемъ имена героевъ-борцовъ, мы отметаемъ прочь все мрачное и печальное изъ нашей памяти, останавливаемся лишь на благихъ результатахъ и духовныхъ побѣдахъ, на нихъ, какъ таковыхъ, сосредоточиваемъ вниманіе современниковъ и ихъ-то приравниваемъ къ торжествамъ, достойнымъ радости и ликованія.

Бѣлинскій, одинъ изъ самыхъ видныхъ и блестящихъ борцовъ за просвѣщеніе и свободу русскаго народа, былъ физически раздавленъ непосильнымъ бременемъ жизни. Процессъ его житейской гибели трагиченъ, полонъ ужаса и мрака; но то, во имя чего онъ несъ свой земной крестъ, ради чего онъ боролся, что непрестанно провозглашалъ устно, въ письмахъ, на страницахъ журналовъ, что составляло его истинную жизнь, чѣмъ онъ дышалъ и въ чемъ находилъ настоящую радость и счастіе, о! это все, въ противность житейскому фону сѣрыхъ дней, въ противность повседневнымъ невзрачнымъ кулисамъ жизни, все это отличается удивительно свѣтлымъ колоритомъ, отражено тѣмъ сіяніемъ, что свидѣтельствуетъ и твердитъ намъ о праведности, о чистѣйшей красотѣ, съ чѣмъ соединены главнѣйшіе стимулы нашей жизни — вѣра, надежда, любовь. Вѣра—въ правоту своего дѣла и его святость, надежда—на побѣду этого дѣла надъ неправдою жизни и окружающимъ зломъ, любовь—къ человѣчеству, ради котораго подъята борьба и принесено въ жертву свое земное житейское я.

Каждая народность, каждое сословіе, каждая группа лицъ, объединенныхъ какою нибудь возвышенною задачею, имѣетъ своихъ праведниковъ-героевъ, которыхъ они могутъ въ любой моментъ представить съ гордостью на строгій судъ исторіи. Бѣлинскій—тотъ праведникъ-герой съ чистымъ сердцемъ, чистыми помыслами и непорочною жизнью, котораго именно русская литература можетъ выдвинуть передъ всѣми прочими своими дѣятелями на любой судъ, какъ бы строгъ и безпощаденъ онъ ни былъ. Обращаясь къ памяти великаго критика, Некрасовъ такъ характеризовалъ его:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
. . . .
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!

Въ этихъ строфахъ рядомъ съ вѣрной, хотя и нѣсколько блѣдной, характеристикой нашего критика, встрѣчается и нѣкоторая неточность. Бѣлинскій умеръ дѣйствительно «несчастливъ», будучи «безпримѣренъ печальной судьбой», но зато далеко не незнаемъ. Литературная извѣстность и слава его гремѣли уже и при жизни, хотя полная оцѣнка его дѣятельности, поскольку она отразилась на позднѣйшей русской дѣйствительности, выясняется только въ наши дни, когда 50-ти-лѣтнее чествованіе его памяти обращается въ яркое общественное торжество. Вотъ почему и дальнѣйшіе стихи поэта, стихи пророческаго характера, не встрѣчаютъ подтвержденія въ современной дѣйствительности.

«И съ дерева невѣдомаго плодъ»,—продолжаетъ Некрасовъ,—

Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возростилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила.
И память благородная друзей
Дороги къ ней не проторила...

Пророчество настоящихъ стиховъ не сбылось: современное поколѣніе черезъ своихъ представителей и ихъ былыхъ предшественниковъ знаетъ въ полной мѣрѣ, съ какого дерева мы вкушаемъ плоды нѣкоторой свободы и нѣкотораго просвѣщенія, и къ могильному памятнику Бѣлинскаго проторена уже широкая «народная тропа». Вотъ почему въ настоящіе дни, посвященные памяти великаго учителя, съ бо́льшею охотою вспоминаются другіе стихи того же поэта, написанные нѣсколько позднѣе, гдѣ мастерски изображено значеніе Бѣлинскаго, и которые всѣхъ лучше объясняютъ намъ, почему поминки его вполнѣ законно относятся русскимъ обществомъ къ категоріи радостныхъ торжествъ. Стихи эти являются отрывкомъ изъ поэмы «Медвѣжья охота»:

«...Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

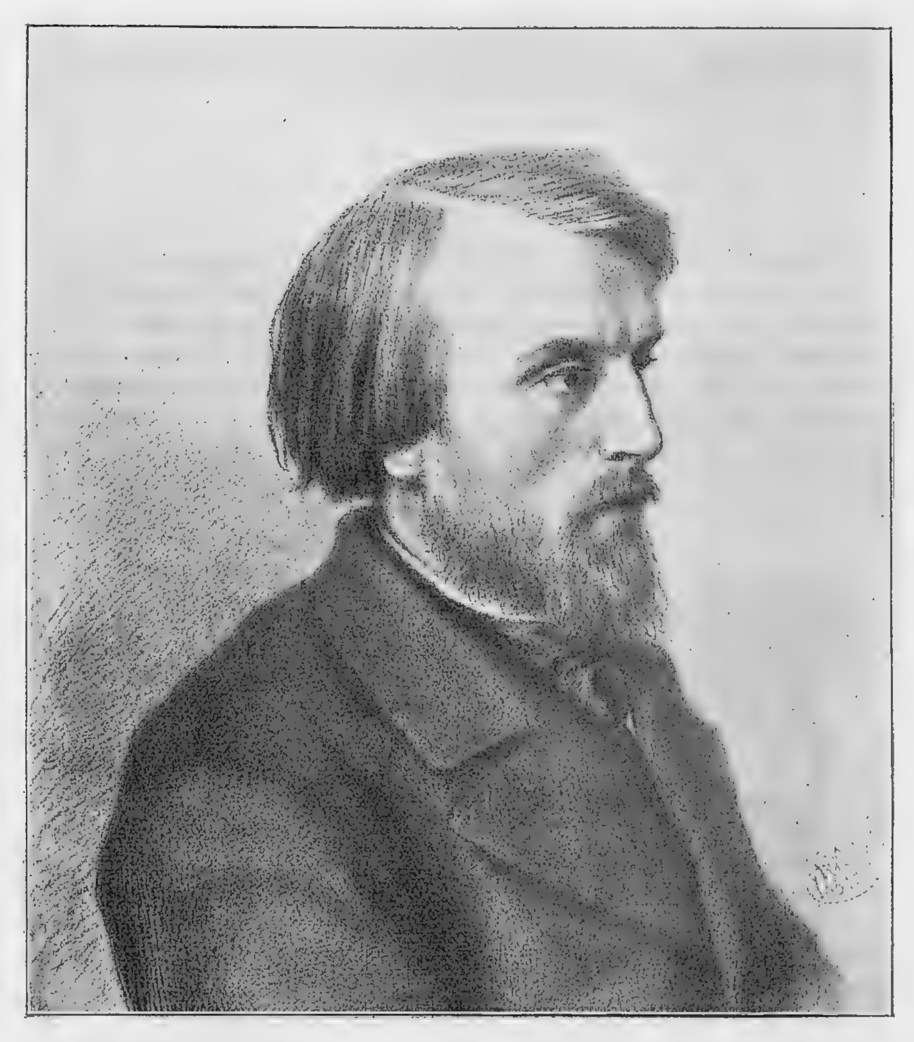
Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
«Чернорабочій я—не бѣлоручка»,
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едвали не первый вспомнилъ о народѣ,
Едвали не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ..,».

Эти-то великія и неоспоримыя заслуги передъ родною землею, мѣтко обрисованныя Некрасовымъ, въ соединеніи съ «безпримѣрно печальной судьбою» въ личной жизни, въ соединеніи съ наивностью, съ голубиною чистотою души, окружаютъ имя Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго ореоломъ праведника-героя, о которомъ я говорилъ выше, вѣнцомъ мученика за правду жизни. Это же содержаніе его литературной дѣятельности—проповѣдь гуманности, равенства, свободы и любви къ народу, создаютъ изъ него провозвѣстника позднѣйшихъ «великихъ реформъ», которыми мы по всей справедливости гордимся. Неразрывная связь дѣятельности геніальнаго критика съ лучшими сторонами нашей современной гражданской жизни—фактъ неоспоримый, и вотъ потому-то, переносясь памятью за полвѣка назадъ, къ печальнымъ днямъ мучительной кончины Бѣлинскаго, мы испытываемъ на первыхъ порахъ не чувство щемящей тоски, а горячую признательность «великому самоучкѣ», чувство радости и бодрости передъ сознаніемъ тѣхъ уже завоеванныхъ преимуществъ и благъ общественной жизни, которыми мы пользуемся нынѣ, благодаря его самоотверженной дѣятельности, упорному труду, и беззавѣтной любви къ русскому народу.

Посмотримъ же, какъ отмѣтило общество пятидесятую годовщину смерти своего лучшаго представителя и чѣмъ помянуло оно день его кончины. Эта маленькая хроника нашей общественной жизни и составляетъ главную тему моего текущаго очерка, но составить эту хронику и ничего не сказать о жизни, дѣятельности того, кому посвящается эта хроника, я не считаю удобнымъ, почему и обращаюсь прежде всего къ біографіи и характеристикѣ Бѣлинскаго, но при этомъ считаю долгомъ оговориться. Тѣхъ — кто интересуется предметомъ болѣе обстоятельно и подробно, отсылаю къ извѣстному труду А. Н. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» и «Очеркамъ гоголевскаго періода» Чернышевскаго, а также къ новѣйшимъ работамъ, посвященнымъ нашему критику: С. А. Венгерова «Великое сердце» («Русское Богатство» 1898 г.), книгѣ Е. Соловьева «В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ» и «Публичнымъ лекціямъ» В. Острогорскаго—«В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ». О послѣднихъ трехъ работахъ я буду говорить въ свое время, когда пойдетъ рѣчь объ общественныхъ чествованіяхъ памяти Бѣлинскаго. Кромѣ названныхъ статей и сочиненій, полезно также ознакомиться съ статьми М. М. Филиппова «Философскія убѣжденія Бѣлинскаго» («Научное обозрѣніе», 1897 г.), И. И. Иванова «Исторія русской критики», часть 3-я («Міръ Божій», 1898 г.)



Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.
Съ литографіи Астафьева.

и съ небольшой кіевской брошюрой г. Александровскаго «Къ пятидесятилѣтію смерти В. Г. Бѣлинскаго». Я указалъ лишь на работы самаго послѣдняго времени, гдѣ авторы взяли предметъ въ полномъ его объемѣ и обосновали его на всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ печатныхъ матеріалахъ, въ числѣ которыхъ «переписка» критика играетъ существеннѣйшую роль; полная же литература о Бѣлинскомъ помѣщена уже въ статьѣ г. Языкова «Бѣлинскій въ русской

литературѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., май), гдѣ интересующіеся могутъ найти указанія на разныя стороны жизни критика и на отдѣльные эпизоды изъ этой жизни.

II.

Біографія Бѣлинскаго черезвычайно бѣдна внѣшними фактами, скудна смѣною обстоятельствъ жизни. Вся эта недолгая жизнь протекла въ литературѣ и ради литературы, почему и интересъ жизнеописанія такихъ людей, какъ Бѣлинскій, главнымъ образомъ заключается въ томъ, поскольку ихъ литературная дѣятельность отразилась на складѣ ихъ собственной жизни, а еще болѣе на жизни общественной,—съ одной стороны, и съ другой — какіе общественные мотивы вносила эта жизнь (жизнь индивидуальная и жизнь современнаго имъ общества) въ ихъ литературную дѣятельность, въ работу ихъ ума и сердца. Но какъ бы тамъ ни было, безъ фактовъ не бываетъ жизни, а потому и обратимся къ нимъ прежде всего.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1810 году въ Свеаборгѣ, гдѣ въ тотъ годъ отецъ его, будучи лѣкаремъ флота, стоялъ съ экипажемъ, но собственно родословная его идетъ изъ села Бѣлыни, Пензенской губерніи, Нижнеломовскаго уѣзда. Тамъ, въ с. Бѣлыни, дѣдъ нашего критика состоялъ священникомъ, и отъ имени этого же села была дана ему фамилія Бѣлынскій (которую Виссаріонъ Григорьевичъ впослѣдствіи уже самъ передѣлалъ въ Бѣлинскій). Такимъ образомъ, по свидѣтельству Тургенева, «въ жилахъ Бѣлинскаго текла безпримѣсная кровь — принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы». Въ 1816 году Григорій Никифоровичъ Бѣлинскій бросилъ службу въ флотѣ и переѣхалъ на жительство въ родную Пензенскую губернію, гдѣ въ городѣ Чембарѣ занялъ должность уѣзднаго врача. Одно лицо, близко стоявшее къ В. Г. Бѣлинскому, такъ описываетъ домашній бытъ и обстановку, среди корыхъто протекло его дѣтство.

«Матеріальныя средства семейства были въ среднемъ уровнѣ уѣздной жизни. У Бѣлинскихъ былъ свой довольно просторный домикъ съ обычными хозяйственными принадлежностями; прислуга состояла изъ семьи крѣпостныхъ дворовыхъ людей. Но жалованье уѣзднаго лѣкаря было очень небольшое, а практика въ уѣздѣ, кажется, довольно значительная, мало вознаграждалась деньгами, а всего чаще присылкой къ большимъ праздникамъ разной провизіи, причемъ особенною щедростью отличалась г-жа Владыкина, родная племянница Бѣлинскаго-отца, бывшая за мужемъ за богатымъ помѣщикомъ. Подъ конецъ средства семьи стали еще уменьшаться, какъ вообще стали разстроиваться отношенія Бѣлинскаго-отца съ чембарскимъ обществомъ и самая домашняя жизнь. Это объясняется съ одной стороны

его характеромъ, съ другой—несчастною слабостью, которой онъ сталъ больше и больше поддаваться. Это былъ, по-своему, все-таки образованный человѣкъ и могъ стоять выше малограмотнаго уѣзднаго люда. Отъ многихъ предразсудковъ онъ былъ свободенъ и, склонный къ насмѣшливости, онъ не стѣснялся высказывать мнѣнія, которыя иногда казались слишкомъ рѣзкими. Въ религіозныхъ предметахъ Григорій Никифоровичъ, какъ говорятъ, пользовался репутаціей гоголевскаго Амоса Өедоровича, и все грамотное населеніе города и уѣзда обвиняло его въ безбожіи, нехожденіи въ церковь, въ чтеніи Вольтера, съ которымъ онъ, впрочемъ, соединялъ Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга. Недовѣрчивый и подозрительный, а вмѣстѣ лѣнивый и безпечный, онъ разошелся съ уѣзднымъ обществомъ; не находя и дома разумнаго сочувствія, онъ окончательно предался пьянству и мало заботился о семьѣ; съ этимъ стала уменьшаться практика и средства; онъ неохотно брался за лѣченіе, обнаруживалъ притворство, гдѣ оно было, и закончилось тѣмъ, что помѣщичья публика стала избѣгать его».

Несмотря на такое семейное неустройство, при которомъ, конечно, нельзя было ожидать слишкомъ добрыхъ отношеній между мужемъ и женою, положеніе маленькаго Виссаріона въ домѣ было достаточно сносное, и ничто не препятствовало его умственному развитію. Напротивъ, между отцомъ и сыномъ существовала даже явная симпатія, при чемъ Бѣлинскій—отецъ «не могъ не отличить и остроумія рѣчей, и страсти къ чтенію, и пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ разсказамъ отца о прошедшемъ, къ его сужденіямъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе». Въ бесѣдахъ съ отцомъ, въ книгахъ его библіотеки, онъ уже въ раннемъ возростѣ почерпнулъ начала борьбы, протеста и умственнаго упорства, каковыми качествами такъ богата его послѣдующая литературная дѣятельность. Шести лѣтъ уже Виссаріонъ обучился грамотѣ у вольнопрактиковавшей учительницы Цыпровской, а тринадцати онъ былъ опредѣленъ въ только-что открывшееся тогда чембарское уѣздное училище. Обстановка и педагогическій персоналъ этого захолустнаго учебнаго заведенія были незавидные, но все же пребываніе здѣсь юнаго Бѣлинскаго было сносное, благодаря мягкой натурѣ смотрителя училища, и не наложило на его душу никакихъ особенно мрачныхъ слѣдовъ. Тогда же онъ обратилъ на себя вниманіе директора Пензенскихъ училищъ, извѣстнаго романиста Лажечникова. По этому предмету Лажечниковъ разсказываетъ слѣдующее:

«Въ 1823 г. ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ для него былъ только-что отстроенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ между тѣмъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серіозно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же

прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большею частію своими словами, прибавляя ими то, что не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ... Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостно, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотою привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства».

Этотъ разсказъ Лажечникова чрезвычайно важенъ для характеристики маленькаго Бѣлинскаго. Онъ рисуется намъ, какъ мальчикъ серьезный, съ обширною памятью, выдержанный, самостоятельный, съ независимымъ характеромъ, не привыкшій гнуть спины передъ сильными и властными міра сего.

Въ 1825 году, Бѣлинскій, на пятнадцатомъ году жизни, поступилъ въ четырехклассную Пензенскую гимназію, поселившись вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ на вольной квартирѣ, гдѣ имѣли жительство и семинаристы. Это сожительство оказало на его умственное развитіе и знакомство съ отвлеченными вопросами формальнаго знанія доброе вліяніе. Въ силу этого онъ вскорѣ заслужилъ среди товарищей-гимназистовъ прозвище «философа» и оказывалъ прекрасные успѣхи по логикѣ, исторіи, географіи и словесности, но плохо учился по математикѣ. Пережившій на много лѣтъ Бѣлинскаго, учитель естественной исторіи и словесности, М. Поповъ, повѣствуетъ о гимназическихъ годахъ нашего критика слѣдующее:

«Бѣлинскій, несмотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ запало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ въ гимназіи. Бывало, поэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей,—онъ изъ послѣднихъ, а поговорите съ нимъ дома, подружески, даже о точныхъ наукахъ—онъ первый ученикъ. Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросы за вопросами... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ. Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи онъ съ другими учениками слушалъ у меня естественную исторію. Но въ Казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету, и русская сло-

вестность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время учителемъ, сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или орнитологіи и старался держаться этого берега, но съ середины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго. А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдешь до пасѣки, что́ позади городского гулянья, или до рощи, что́ за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что́ волновало въ то доброе время наши молодыя сердца».

Въ тѣхъ же своихъ воспоминаніяхъ Поповъ даетъ еще слѣдующія свѣдѣнія о Бѣлинскомъ-гимназистѣ:

«Въ гимназіи,—повѣствуетъ онъ,—по возросту и возмужалости, Бѣлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи; онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его между хорошенькими личиками другихъ дѣтей казались суровыми и старыми. На вакансіи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу»...

Одинъ изъ товарищей Бѣлинскаго такъ описываетъ внѣшкольное житье Бѣлинскаго: «Онъ жилъ въ большой бѣдности,— говоритъ Ивановъ,— зимой ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасные боченки... онъ спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хераскова и восхищался романами Радклифъ. Изъ дома моего отца Бѣлинскій впервые получилъ для чтенія романы Вальтеръ-Скотта на русскомъ языкѣ и произведенія лучшихъ нашихъ писателей». Тогда же онъ началъ сильно увлекаться театромъ, который въ Пензѣ содержался помѣщикомъ Гладковымъ.

Сожитель Бѣлинскаго, г. Ивановъ раскрываетъ передъ нами и работу духа своего товарища, освѣщаетъ ту нравственную атмосферу, въ которой складывались его убѣжденія, формировался его характеръ.

«Совмѣстное житье съ семинаристами было благодѣтельно для насъ во многихъ отношеніяхъ,— говоритъ онъ. Видя передъ своими глазами суровую, полную

патріархальной простоты жизнь этихъ закаленныхъ въ нуждѣ тружениковъ школьнаго ученія, умѣвшихъ довольствоваться самыми малыми средствами... мы сами невольно учились безропотному перенесенію житейскихъ невзгодъ, мужали и крѣпли духомъ, запасались тою силою, безъ которой не возможна никакая борьба ни съ самимъ собою, ни съ жизнью. Не малую пользу приносили Бѣлинскому оживленные споры и бесѣды семинаристовъ о предметахъ, касавшихся философіи, богословія, общественной и частной жизни; при этихъ спорахъ онъ не всегда былъ только простымъ внимательнымъ слушателемъ, но принималъ въ нихъ и самъ дѣятельное участіе; уже здѣсь изощрялась его діалектическая сила... Семинаристы, жившіе съ нами, считали себя въ литературныхъ познаніяхъ ниже Бѣлинскаго, и настолько довѣряли его вкусу, что нерѣдко просили его выслушать школьныя произведенія пера своего. Бѣлинскій, бывало, читалъ имъ вслухъ статьи изъ добытыхъ имъ журналовъ, сообщалъ свои мнѣнія, дѣлился впечатлѣніями...».

Приводимыя показанія современниковъ Бѣлинскаго-гимназиста свидѣтельствуютъ, что ко времени перехода въ старшій классъ Пензенской гимназіи онъ стоялъ головою выше своихъ товарищей по классу, и становился по интересамъ къ вопросамъ литературы, науки и искусства въ ровень не только старшимъ его семинаристамъ, но и учителямъ. Онъ уже не подчиняется глухо и слѣпо ихъ авторитету, но анализируетъ самостоятельно предметъ изученія и по каждому вопросу смѣетъ имѣть свое сужденіе. «Бѣлинскій и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе,—говоритъ Поповъ. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возростаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте, подумаю, дайте, еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ со страшною увѣренностью: «совершенно справедливо».

Такое свободное отношеніе къ учительскому авторитету ясно показываетъ, что Бѣлинскій переросъ гимназію, которая ни по своему педагогическому персоналу, ни своими учителями, ни программою прохожденія курса уже оказывается не въ силахъ удовлетворить его запросамъ, его жаждѣ знанія. Прямымъ слѣдствіемъ было то, что онъ пересталъ посѣщать опротивѣвшую ему гимназію, а это въ свою очередь послужило основаніемъ къ его исключенію изъ числа воспитанниковъ «за нехожденіе въ классъ». Это «нехожденіе», кромѣ разочарованія въ пользѣ гимназіи для его умственнаго развитія, находилось также въ тѣсной связи съ влеченіемъ къ университету, гдѣ онъ надѣялся найти отвѣты одолѣвшимъ его вопросамъ, надѣялся обрѣсти душевный покой.

Но если гимназія не могла выдать своему питомцу диплома о благополучномъ окончаніи курса, если она снабдила его скуднымъ багажемъ фактическаго знанія, то все-же мы не можемъ отнести ученическихъ годовъ Бѣлинскаго къ пропадшимъ годамъ, поглотившимъ массу времени и не давшимъ взамѣнъ ничего. Въ этотъ періодъ времени, подъ вліяніемъ во всякомъ случаѣ счастливыхъ

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.
Съ гравированнаго портрета Пожалостина.

обстоятельствъ, встрѣтившихся совершенно случайно на его жизненномъ пути (М. Поповъ, семинаристы, обильное чтеніе, театръ), складываются въ опредѣленномъ направленіи его характеръ, его вкусы, его стремленія. Не только на гимназической скамейкѣ, но даже еще когда онъ былъ ученикомъ уѣзднаго училища, въ немъ сказывается

будущій литераторъ, которому никогда не суждено избѣгнуть своей участи, для котораго литература и только литература будетъ всегда единой стихіей.

«Еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища,—говоритъ онъ въ одной рецензіи,—я въ огромныя кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ..., и плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу», и вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума».

А. Н. Пыпинъ въ своей основной и до настоящихъ дней біографіи Бѣлинскаго подчеркиваетъ писательство нашего критика въ дѣтскихъ еще и юношескихъ годахъ... «Чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ въ Бѣлинскомъ сказывалось влеченіе, которое, развиваясь, превратилось въ страсть, наполнившую всю его жизнь,—говоритъ онъ. Въ его натурѣ глубоко вкоренилось это стремленіе къ прекрасному и доброму, и самая любовь къ литературѣ была именно выраженіемъ этого стремленія, для котораго онъ почти исключительно здѣсь находилъ пищу. Бѣлинскій не былъ, что называется, «воспитанъ» на какомъ нибудь изъ великихъ писателей, напротивъ, онъ читалъ безъ разбора все, что попадалось подъ руку; уже съ той поры ему знакома была не только новая, но и старая литература русская; онъ даже восхищался Сумароковымъ... Бѣлинскій вносилъ въ свое чтеніе всю свою страсть; въ нескладныхъ произведеніяхъ XVIII-го вѣка или сентиментальной школѣ онъ могъ находить себѣ удовлетвореніе, потому что и въ нихъ умѣлъ отыскивать и почувствовать проблески истиннаго чувства и намеки на поэзію. Для одного и чтеніе Шекспира или Гёте останется безплодно; для Бѣлинскаго довольно было произведеній, гораздо болѣе скромныхъ, чтобы поддержать въ немъ уже готовыя идеальныя стремленія. Кромѣ того, какова бы ни была литература, которую перечитывалъ тогда Бѣлинскій, это была литература того общества, къ которому онъ самъ принадлежалъ, которому онъ долженъ быть нѣкогда служить; и для его «воспитанія» не осталось безъ значенія то обстоятельство, что именно и только эта литература была ему тогда доступна: въ своемъ чтеніи онъ, такъ сказать, пережилъ ее, тѣмъ опредѣленнѣе и ярче было потомъ его представленіе объ ея историческомъ развитіи. Отсутствіе выбора въ чтеніи не повредило и его эстетическому пониманію. Неразвитый дѣтскій вкусъ удовлетворялся и грубоватыми произведеніями XVIII-го вѣка; мало-по-малу этотъ вкусъ развился, становился требовательнѣе,

и гимназистъ Бѣлинскій былъ не только поклонникомъ Пушкина, но имѣлъ свои опредѣленныя предпочтенія, и не вдругъ поддавался возраженіямъ, хотя бы они и были довольно авторитетны».

III.

Въ началѣ 1829 г., по выдержаніи вступительнаго экзамена, Бѣлинскій былъ принятъ въ Московскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ и поселился въ № 11 студенческаго общежитія. Въ университетѣ съ нимъ повторилась почти та же исторія, что и въ Пензенской гимназіи. Само по себѣ высшее учебное заведеніе, какъ таковое, съ его профессорами и обязательными лекціями и административнымъ режимомъ не послужило для него источникомъ умственнаго и душевнаго просвѣтленія, котораго такъ пламенно искала его страстная натура. Увлеченіе университетомъ на первыхъ порахъ вскорѣ уступило мѣсто разочарованію, недовольству и даже антипатіи къ формальной наукѣ. Вся его духовная жизнь, всѣ интересы сосредоточились, какъ нѣкогда на родинѣ, въ товарищескомъ кружкѣ, сплотившемся въ № 11 общежитія, въ спорахъ, въ чтеніи, а также въ близости къ нѣкоторомъ представителямъ тогдашней передовой московской интеллигенціи. № 11-му общежитія суждено было сыграть въ жизни критика выдающуюся роль. Тутъ собралась компанія съ хорошо развитыми литературными вкусами, страстно тяготѣвшая къ театру, восторженная и шумная, шумная въ хорошемъ смыслѣ слова.

«Умственная дѣятельность въ 11-мъ нумерѣ шла бойко,—разсказываетъ Прозоровъ:—споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбѣ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагосклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы «Вѣстника Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фаль-

шивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось реторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него не только Ломоносову, но и Державин за реторическіе стихи и пустозвонныя фразы».

Рядомъ съ интересами къ литературѣ высоко стоялъ въ нумерѣ 11-мъ и интересъ къ театру. Уже въ Пензѣ театръ Гладкова былъ тѣмъ прибѣжищемъ, гдѣ гимназистъ-Бѣлинскій находилъ истинное утѣшеніе въ сѣрой окружавшей его жизни; теперь, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ жизни, опять-таки московскій театръ и игра Мочалова становится для него храмомъ, куда онъ страстно несетъ свои молитвы искусству и творчеству, гдѣ его восторженная натура обрѣтаетъ неизсякаемый источникъ блаженства и наслажденій.

Театръ и литература становятся центрами всѣхъ его помысловъ и мечтаній, заслоняя собою все остальное въ жизни, не исключая университета и профессоровъ. Зачатки литературныхъ наклонностей, проявленные имъ еще въ Чембарскомъ училищѣ, встрѣчаютъ въ эти дни благодарную почву, такъ что на ней рано или поздно неминуемо долженъ былъ реализироваться какой нибудь опредѣленный фактъ литературно-общественнаго характера.

Послѣдній дѣйствительно не заставилъ себя долго ожидать: въ 1831 году онъ преподноситъ товарищамъ по общежитію трагедію въ 5 дѣйствіяхъ, произведеніе очень слабое въ литературномъ отношеніи, но въ высшей степени замѣчательное, какъ явленіе общественнаго характера, сыгравшее въ жизни нашего критика рѣшающую, роковую роль. Я не стану передавать здѣсь содержаніе пьесы, уже достаточно извѣстной въ нашей литературѣ, отмѣчу лишь ея общественное значеніе. Въ этой пьесѣ Бѣлинскій первый послѣ Радищева выступаетъ рѣзкимъ обличителемъ крѣпостного права, истолкователемъ его зла и позора. Въ одномъ изъ монологовъ герой пьесы говоритъ: «Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться надъ правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?»

Пьесу свою Бѣлинскій представилъ въ комитетъ цензуры, состоявшій тогда изъ профессоровъ университета, и вотъ каковы дальнѣйшія слѣдствія этого представленія, изложенныя Бѣлинскимъ въ письмѣ къ роднымъ:

«Собравши всѣ обстоятельства моей жизни,—писалъ онъ,—я въ правѣ назвать себя несчастливѣйшимъ человѣкомъ. Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ, высокихъ и благородныхъ, которыя бываютъ удѣломъ немногихъ избранныхъ, и при всемъ томъ меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать... Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя, какъ въ разсужденіи самого себя, такъ и другихъ, оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ же и, что всего хуже, навлекали на меня нареканіе и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ. Доказательства передъ глазами. Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности... Поѣхалъ въ Москву съ пламеннымъ желаніемъ опредѣлиться въ университетъ; мое желаніе сбылось. По вѣтрености, а болѣе по неопытности, истратилъ данную мнѣ сумму денегъ, которая въ моихъ глазахъ казалась огромною, неистощимою. Потомъ поступилъ на казенный коштъ... о, да будетъ проклятъ этотъ несчастный день!.. Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу (т. е. тетрадь), которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ немалыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными: его мысли вольны, поступки бѣшены, и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности, и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что же вышло?.. Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что, несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ—дѣло улажено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подавать особыя донесенія... Каково это?.. Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться—и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную».

Таковъ былъ печальный финалъ первой встрѣчи литературнаго опыта съ повседневною дѣйствительностью. Кромѣ печали, разочарованія и горя, ничего отсюда не вышло. Мало того, что идеальныя стремленія юноши были отнесены къ разряду безнравственныхъ дѣяній, они были занесены и въ рубрику поступковъ, достойныхъ отмщенія. Начальство отмѣтило студента, держало на виду, готовясь при первомъ случаѣ опустить на его голову возмездіе и наказаніе. Неудача съ комедіей окончательно оттолкнула Бѣлинскаго отъ университетскаго режима, онъ затосковалъ, захандрилъ и сталъ усиленно пропускать лекціи. Вся жизнь его и энергія сосредоточились въ спорѣ съ товарищами, гдѣ онъ заслужилъ, благодаря своей за-

пальчивости, прозвище «неистоваго Виссаріона», въ сходкахъ, въ книгахъ и театрѣ. Все это вмѣстѣ взятое усугубило недовольство начальства, и въ сентябрѣ 1832 г. мы уже видимъ его исключеннымъ изъ университета «за неспособность», выброшеннымъ за порогъ общежитія, на улицу, гдѣ его приняли въ свои объятія голодъ, нужда и страхъ передъ каждымъ завтрашнимъ днемъ... Какъ отнесся самъ Бѣлинскій къ своему исключенію изъ университета, всего лучше выясняется изъ письма его къ матери, которое рисуетъ намъ исключеннаго студента въ удивительно симпатичномъ свѣтѣ.

«Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе,—писалъ онъ—обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце, но теперь не могу болѣе. Вѣдь когда нибудь надобно же узнать вамъ. Можетъ даже быть, что вы уже знаете, можетъ быть, сообщено это съ преувеличеніями, а вы—женщина, мать. Чего не надумаетесь вы? При одной мысли объ этомъ сердце мое обливается кровью. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хоть сколько нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе... Я не щадилъ себя, употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломинку и, претерпѣвая неудачу, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе—для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязанности, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами, сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха. Вы знаете, что проходитъ уже четвертый годъ, какъ я поступилъ въ университетъ; вы, можетъ быть, считаете по пальцамъ мѣсяцы, недѣли, дни, часы и минуты, насъ раздѣляющіе; думаете съ восторгомъ о томъ времени, о той блаженной минутѣ, когда нежданый и незванный я, какъ снѣгъ на голову, упаду въ объятія семейства кандидатомъ или по крайней мѣрѣ студентомъ!.. Мечта очаровательная! И меня обольщала она нѣкогда! Но, увы, въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета!!! Предчувствую, что это вамъ будетъ стоить большихъ слезъ, тоски и даже отчаянія, — и это-то самое меня и сокрушаетъ... Но, маменька, все-таки умоляю васъ не отчаиваться и не убивать себя безплодною горестію. Есть счастье въ несчастіи, есть утѣшеніе и въ горести, есть благо и въ самомъ злѣ. Я видѣлъ людей въ тысячу разъ несчастнѣе себя и потому смѣюсь надъ своимъ несчастіемъ».

Также горячо написано и письмо къ отцу.

«Я уже не мальчикъ и свой собственный умъ для меня всего страшнѣе,— говоритъ онъ. Но счастливъ тотъ, кто еще можетъ остановиться во время и употребить себѣ въ пользу собственныя ошибки и суровые уроки судьбы! Я еще только выѣхалъ на своемъ челнѣ въ это открытое море свѣта, а до сего времени держался у береговъ; слѣдовательно, еще не все потеряно. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ умные люди. Только тогда при плескахъ вызываютъ или освистываютъ актера, когда совсѣмъ разыграетъ свою роль; только тогда можно произнести судъ человѣку, когда онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще. Впрочемъ... вы можете быть всегда твердо увѣренными, что ничѣмъ предосудительнымъ не обезчестилъ имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крѣпкими узами связанъ съ кровными—и вотъ только потому-то и огорчаюсь. Итакъ, простите!»..

Въ этихъ письмахъ къ родителямъ сказывается горячее, благородное сердце Бѣлинскаго. Онъ не сваливаетъ вины цѣликомъ на другихъ, постороннихъ, или на независящія обстоятельства; онъ готовъ принять въ значительной мѣрѣ постигшее его несчастіе за свой счетъ, ни о чемъ родныхъ не проситъ, но спѣшитъ лишь ихъ успокоить словомъ ободренія, спѣшитъ вселить въ нихъ бодрость, а главное выражаетъ опасеніе, чтобъ что нибудь грязное, пошлое, недостойное не легло клеймомъ на его благородное сердце, не оскорбило его дѣвственно-чистой души; его совѣсть чиста, ему не за что и не передъ кѣмъ краснѣть, ну, а съ горемъ, съ невзгодами жизни онъ сумѣетъ справиться... Пусть не будетъ только упрековъ, пусть не возмущаютъ понапрасну его и безъ того скорбнаго душевнаго состоянія!

IV.

Итакъ, Бѣлинскій за порогомъ университета, въ состояніи интеллигентнаго нищаго, у котораго просвѣщенное начальство отняло даже казенное платье... «Невесела ты, родная картина!» Вспоминается рядъ послѣдующихъ литературныхъ силуетовъ, которыхъ на зарѣ жизни встрѣтили тоже матеріальныя невзгоды и общественныя неудачи. Мы знаемъ, что̀ было тамъ, мы достаточно оплакивали ихъ паденіе, ихъ разрушеніе духа и тѣла, но Бѣлинскій не былъ созданъ, чтобы пасть, опуститься или прійти къ отчаянію и самоотреченію. Его восторженный духъ разгорался съ каждой невзгодой все пышнѣе, все ярче и чище, и не какимъ нибудь внѣшнимъ обстоятельствамъ суждено было воспрепятствовать его духовной побѣдѣ, которая впослѣдствіи вознесла его выше «главою непокорной Александрійскаго столпа».

По исключеніи изъ университета, для Бѣлинскаго наступаетъ періодъ хроническаго голоданія, въ самомъ прямомъ смыслѣ этого ужаснаго слова; съ этимъ голоданіемъ на сцену выступаютъ и неизбѣжные спутники его—болѣзни. Бѣлинскій начинаетъ страдать одышкою, болью въ груди, кашлемъ. Зловѣщіе симптомы будущей чахотки уже рѣютъ надъ молодою жизнью, кладбищенство откуда-то издали произноситъ свое первое грозное слово... Онъ борется, однако, мужественно за каждый завтрашній день, бѣгая по грошевымъ урокамъ, въ поискахъ любого интеллигентнаго труда, хватаясь даже за переводъ романовъ Поль-де-Кока; какъ ни тяжело, какъ ни больно, онъ вынужденъ обратиться за помощью и въ Чембаръ, въ родительскій домъ, надъ которымъ уже давно повисли черные дни, гдѣ отецъ пилъ мертвую, гдѣ мать выбивалась изъ силъ ради дѣтей, куда нужда уже глубоко запустила свои костлявые и цѣпкіе пальцы. Вотъ одинъ изъ эпизодовъ тогдашняго періода его жизни.

Онъ получилъ свѣдѣнія, что съ оказіей, черезъ одну знакомую барыню г-жу Горнъ, ему высланъ изъ родительскаго дома рубль денегъ; за этимъ рублемъ надо къ Горнъ сходить, но какъ это сдѣлать, когда буквально не въ чемъ выйти на улицу, когда въ гардеробѣ полнѣйшая пустота? Наконецъ, кое-какъ онъ собралъ «съ міра» одежду и отправился.

«Я хотѣлъ занять денегъ на извозчика, ибо идти мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, версты три. Къ счастію, что ни у кого не было ихъ, и мнѣ никто не далъ. Являюсь къ Горнъ, и хотя чужое платье было и не совсѣмъ по мнѣ, однако же я не уронилъ себя. Сынъ ея расцѣловался со мною, какъ со стариннымъ знакомцемъ, и повелъ меня въ гостиную къ своей матери, которая сначала меня не узнала. Я говорилъ съ нею и о томъ, и о семъ, а объ деньгахъ не рѣшался упомянуть, ибо ждалъ, чтобы она сама мнѣ ихъ вручила. Наконецъ я увидѣлъ, что уже пора убираться восвояси, вручилъ ей письмо, простился и ушелъ. Она оставляла меня обѣдать, но я не остался, ибо мнѣ нужны были деньги, а не обѣдъ ея. Вышедши, позабылъ калоши. На другой день я пишу записку къ ея сыну, въ которой прошу его напомнить своей маменькѣ о моихъ деньгахъ, и чтобы онъ велѣлъ отдать калоши, и записку сію послалъ съ сапожникомъ... Какой же я отвѣтъ получилъ? Сына ея не было дома, и потому записку прочла она сама и сказала, что цѣлковый она возвратила моей маменькѣ, и что если бы деньги были у ней, то она бы и безъ записки сама отдала бы мнѣ. Потомъ стали искать калоши, но онѣ сплыли, и слѣдъ пропалъ».

Обстановка его жизни въ это тяжкое время описана Лажечниковымъ, пожелавшимъ навѣстить своего пензенскаго «ястребенка». Бѣлинскій квартировалъ, по его словамъ, въ бельэтажѣ, въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Бельэтажъ этотъ былъ ужасенъ. Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его коморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слышать за дверями упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Обстановка комнаты была самая несчастная, причемъ сама комната не запиралась, такъ какъ изъ нея нечего было украсть; прислуги, конечно, не было, а столоваться приходилось тою же пищею, чѣмъ прокармливались сосѣди. Лажечниковъ принялъ сердечное участіе въ судьбѣ Бѣлинскаго, выхлопоталъ ему мѣсто домашняго секретаря въ одномъ аристократическомъ домѣ, и этимъ самымъ, казалось, судьба его была устроена. Но Бѣлинскій недолго выдержалъ аристократическій режимъ; его плебейскіе вкусы и демократическія убѣжденія пришли въ скорое столкновеніе съ устоями генеральскаго дома; на компромиссы и уступки онъ оказался неспособенъ, и вотъ, въ одно прекрасное утро, завязавъ все свое имущество въ носовой платокъ (!!), онъ бѣжалъ

снова въ трущобу, обрекая себя на знакомый уже голодъ, но сохраняя притомъ свою независимость, свою свободу духа и неподкупность убѣжденій.

Послѣ того, не безъ содѣйствія добрыхъ людей, онъ пытался, было, подыскать себѣ новыхъ обезпечивающихъ его постоянныхъ занятій, но ничего путнаго отсюда не выходило, и всѣ замыслы разлетались прахомъ. Надъ его судьбой тяготѣлъ какой-то неизбѣжный рокъ, который точно сознательно и систематически отрѣзалъ его отъ всякихъ путей жизни, стягивалъ его непреоборимымъ рядомъ несчастій и злоключеній... И изъ всѣхъ этихъ путей лишь одна дорога оставалась для него не закрытой, лишь она одна все болѣе и болѣе, день ото дня, согласовалась съ стремленіями, можетъ быть, нѣсколько не оформленными и неясными, его пытливаго ума и бурнаго чувства. Дорога эта была—дорога «литературы россійской», которой нашъ критикъ и отдалъ всецѣло свою «плоть и кровь». Мы уже знаемъ, что, еще будучи въ уѣздномъ училищѣ, онъ писалъ стихи и мнилъ видѣть въ своемъ лицѣ опаснаго соперника Жуковскому; въ университетѣ онъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ по литературному пути и терпитъ на первыхъ же порахъ настоящій погромъ. Въ этомъ погромѣ—наличность ряда моментовъ, столь знакомыхъ писательскому сословію въ его прошломъ, настоящемъ и, вѣроятно, еще далекомъ будущемъ. Тутъ съ одной стороны литературный успѣхъ и признаніе даже со стороны врага достоинствъ и качествъ, съ другой, тутъ же — цензорское чернильное крещеніе и административная кара, ломающая всю жизнь и накладывающая на эту жизнь опредѣленный, рѣзко-отчеканенный штемпель. Это одна сторона дѣла, формальная и внѣшняя, но тѣмъ не менѣе для того времени чрезвычайно характерная. Другая же сторона — характеръ писательства, содержаніе литературнаго произведенія и настроеніе ума и чувства въ молодомъ авторѣ. Сѣрая дѣйствительность и проза жизни въ дѣтствѣ и юности, въ обстановкѣ родимой семьи, въ училищѣ, гимназіи и въ университетѣ, рано поставили нашего писателя лицомъ къ лицу съ вопросами о правдѣ и злѣ, съ вопросами о счастіи и горѣ людскомъ, съ задачами соціальнаго порядка. Умъ острый и глубоко-проникающій, чувство пылкое и благородное не могли не остановиться на величайшемъ современномъ злѣ—крѣпостномъ правѣ, и вотъ мы видимъ въ его первомъ литературномъ произведеніи соціальные мотивы, которые здѣсь доминируютъ надъ всѣми другими. Онъ сразу выступаетъ въ роли публициста, чутьемъ предугадывая свое призваніе, сразу становясь на ту дорогу, гдѣ его въ будущемъ ожидаетъ слава и громкая извѣстность. Въ этомъ выборѣ жизненнаго пути онъ повиновался болѣе велѣнію сердца, нежели холоднаго разсудка, и безъ всякаго сторонняго руководительства и вліянія прямо подошелъ къ такой сторонѣ русской жизни, разработка

которой лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стала общимъ дѣломъ всей русской литературы въ лицѣ лучшихъ передовыхъ ея представителей. Писательство дѣлается отнынѣ его почти постояннымъ занятіемъ, тѣмъ средствомъ, гдѣ онъ въ тяжкія минуты жизни обрѣтаетъ даже скудное пропитаніе. «Телескопъ», «Молва», «Листокъ»— вотъ тѣ случайные очаги, у коихъ онъ иногда находилъ себѣ тепло, принося сюда то стихотворенія, то рецензіи, то переводы. Но все это было неопредѣленно, урывчато. Нуженъ былъ человѣкъ, нуженъ былъ заправскій дѣятель печати, который бы тѣснѣе сблизилъ его съ столь привлекавшей его писательской профессіей, который бы, угадавъ въ немъ зачатки великаго таланта, явился бы его крестнымъ отцомъ отъ литературы. И такой человѣкъ нашелся въ лицѣ профессора Московскаго университета, издателя «Молвы» и «Телескопа», Надеждина — этого предшественника Бѣлинскаго, которому суждено было сыграть въ жизни нашего критика такую рѣшающую роль.

Именно Надеждину русская литература обязана поддержкой Бѣлинскаго въ самый тяжелый періодъ жизни, когда, казалось, всѣ злыя силы собрались, чтобъ раздавить эту уже надломленную и физически-слабую юную жизнь. Эта поддержка еще недостаточно оцѣнена нашей литературой, и въ дни юбилейныхъ торжествъ Бѣлинскаго мало кто вспомнилъ о бурсакѣ—Надеждинѣ, пригрѣвшемъ и въ своемъ журналѣ и въ своей квартирѣ будущаго автора «Литературныхъ мечтаній». И каковы бы ни были впослѣдствіи ошибки этого злополучнаго дѣятеля нашей литературы, мы во всякомъ случаѣ обязаны ему тѣмъ, что онъ и только онъ вывелъ намъ Бѣлинскаго на широкую дорогу общественнаго служенія Россіи. Это уже одно сама по себѣ столь великая заслуга, за которую Надеждину должны быть отпущены многія его вольныя и невольныя прегрѣшенія... Уже въ августѣ 1834 г. Бѣлинскій писалъ къ брату: «Я перебрался къ Надеждину и живу у него уже двѣ недѣли, жить мнѣ очень недурно; у меня особенная комната... и такъ я совершенно обезпеченъ со стороны содержанія... Вотъ видишь ли, и на моей улицѣ настаетъ праздникъ; терпѣлъ, терпѣлъ, да и вытерпѣлъ. Теперь Надеждинъ уѣхалъ... ревизовать Тульскую и Рязанскую губернію, и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ... пользуюсь его библіотекой, и живу припѣваючи»...

Итакъ, Надеждинъ не только обогрѣлъ и пріютилъ своего сотрудника, но, что еще важнѣе, онъ призналъ въ немъ настоящаго профессіональнаго писателя, чьи произведенія не только можно печатать, но которому можно даже поручить отвѣтственность за журналъ. Письмо къ брату было писано въ августѣ, а уже съ сентября мѣсяца начался въ «Молвѣ» рядъ статей подъ названіемъ «Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ», которыя подобно электрической искрѣ обѣжали всю Россію, явились преддверіемъ славы

Бѣлинскаго и составили вступительную главу къ исторіи новой русской литературы.

Когда умираетъ какой нибудь нашъ общественный дѣятель, и мы съ благоговѣніемъ обращаемся памятью къ обстановкѣ его жизни и лицамъ, его окружавшимъ, его любившимъ и лелѣявшимъ, мы вполнѣ послѣдовательно переносимъ и на нихъ частицу нашей любви къ почившему. Такъ и съ Надеждинымъ въ отношеніи Бѣлинскаго. «Молва» была тою колыбелью, гдѣ геній нашего критика впервые увидѣлъ свѣтъ, а Надеждинъ былъ тѣмъ пѣстуномъ, который далъ возможность этому генію окрѣпнуть и созрѣть. Вотъ почему и въ настоящіе юбилейные дни Бѣлинскаго благодарное потомство должно съ признательностью вспомнить и предтечу Бѣлинскаго, чья судьба была также безпримѣрно-печальна, но у котораго не хватало лишь нравственной силы противоборствовать невзгодамъ жизни...

V.

Важный моментъ въ жизни Бѣлинскаго — открытое вступленіе на литературное поприще, совпалъ и съ другимъ не менѣе серьезнымъ моментомъ, имѣвшимъ неотразимое вліяніе на всю его послѣдующую дѣятельность, какъ писателя, какъ философа-публициста. Я разумѣю его сближеніе съ кружкомъ Станкевича, выразителемъ большинства взглядовъ котораго онъ и явился въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Отсюда, изъ нѣдръ этого кружка, на него хлынули шумнымъ и бурнымъ потокомъ выводы послѣдняго слова философскаго знанія, здѣсь онъ тѣснѣе сроднился съ корифеями европейской литературы—Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, а въ особенности Гофманомъ. Кружокъ Станкевича, умственные интересы этого кружка, содержаніе бесѣдъ и споровъ, здѣсь происходившихъ, явились для Бѣлинскаго своего рода новымъ университетомъ, который пополнилъ тотъ фактическій матеріалъ знаній, съ которымъ онъ прибылъ въ Москву еще четыре слишкомъ года тому назадъ изъ глуши Пензенской губерніи и котораго не дали ему офиціальный университетъ и профессорскія лекціи. Интересы театра и искусства, вопросы религіозные и философскіе въ самыхъ мудреныхъ туманныхъ формахъ и проявленіяхъ — вотъ та пища духовная, которой питались члены кружка и къ которой припалъ жадными устами неофитъ-Бѣлинскій. Далѣе я еще скажу, каковъ былъ запасъ идей, почерпнутыхъ авторомъ «Литературныхъ мечтаній», здѣсь же мнѣ важно лишь отмѣтить, что онъ сблизился съ самой блестящей толпой молодой интеллигентной Москвы 30-хъ годовъ, которой суждено было имѣть такое рѣшающее вліяніе на дальнѣй-

шія судьбы русскаго просвѣщенія. Каковы же были отношенія кружка къ Бѣлинскому, и какъ онъ самъ относился къ своимъ новымъ друзьямъ-учителямъ?

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что отношенія эти носили въ высшей степени ненормальный характеръ, причемъ всѣ симпатіи должны быть положены на вѣсы Бѣлинскаго. Съ одной стороны, мы видимъ кружокъ баричей-дворянъ, наслаждающихся плодами жизни, существующихъ за счетъ крѣпостнаго труда, а потому не понимающихъ значенія этого труда, не интересующихся никакими соціальными болѣзнями и невзгодами. Искусство, литература, религія, философія были для нихъ тѣми роскошными блюдами, которыми они, подобно древнимъ эллинамъ-эпикурейцамъ, наслаждались, запивая свои возвышенныя бесѣды бокалами дорогихъ и тонкихъ винъ. Съ другой стороны, передъ нами въ ихъ средѣ голодный разночинецъ, прошедшій уже, несмотря на свои юные годы, страшную школу нужды и бѣдъ, человѣкъ, для котораго во всѣхъ этихъ диспутахъ и бесѣдахъ былъ интересенъ не самый процессъ диспута и словопреній, но тотъ конечный финалъ, къ которому они должны были привести. Въ центрѣ этого финала у него положено было человѣческое я, благо этого я, философское значеніе этого я. Но, кромѣ того, свѣдѣнія изъ всѣхъ этихъ областей были для него дороги не только сами по себѣ, но и какъ орудія, долженствовавшія принести ему даже насущный кусокъ хлѣба. Они, эти новые друзья, знакомы съ послѣднимъ словомъ европейской науки, онъ— малосвѣдущъ, односторонне-образованъ и то только въ области нѣкоторыхъ вопросовъ родной жизни. Они разглагольствуютъ, они поучаютъ, онъ жадно внимаетъ всякому слову, впитываетъ въ себя всякую громко высказанную мысль, переработываетъ ее на свой ладъ и спѣшитъ набросать ее на листѣ писчей бумаги. И результатъ такого неравенства положенія и состоянія быстро даетъ о себѣ знать: друзья относятся къ нему съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, погосподски-покровительственно, готовы даже отрицать его талантъ и право на общественное руководительство; больше того, они требуютъ, чтобы Бѣлинскій прекратилъ свою критическую дѣятельность въ журналѣ Надеждина, такъ какъ у него слишкомъ мало «эстетическаго вкуса». Въ этомъ отношеніи кружокъ Станкевича оказался, по своему чутью на людей, ниже издателя «Молвы».

Но какъ ни какъ, а все же этотъ кружокъ, независимо отъ своего личнаго отношенія къ нашему критику, своими духовными интересами принесъ громадную пользу его умственному развитію и снабдилъ его цѣнными богатствами изъ сокровищницы европейскаго знанія.

Что касается душевныхъ, интимныхъ отношеній къ членамъ кружка, какъ они сложились сначала и какъ они, съ видо-

измѣненіями впослѣдствіи въ составѣ членовъ, въ свою очередь видоизмѣнялись, то ближе всего онъ сошелся съ Боткинымъ. Этотъ представитель интеллигентной Москвы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ ему особенно дорогъ, какъ знатокъ европейской изящной литературы и философіи, какъ человѣкъ съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, какъ цѣнитель всего красиваго, изящнаго. Отношенія съ Боткинымъ у него установились сразу самыя лучшія, и таковыми же они оставались до конца дней, если не считать одной временной размолвки. Сблизился онъ, по отъѣздѣ Станкевича за границу, и съ Бакунинымъ, сошелся съ его семьей, бывалъ у него въ деревнѣ и даже одно время окончательно подпалъ подъ вліяніе этого неистоваго гегеліанца; но впослѣдствіи, съ переѣздомъ въ Петербургъ, его отношенія къ Бакунину значительно охладѣли, онъ сбросилъ съ себя умственное иго будущаго «апостола анархіи» и окончательно съ нимъ разошелся. Что касается Герцена, когда онъ послѣ изгнанія появился снова на горизонтѣ московской жизни, то отношенія къ нему Бѣлинскаго прошли нѣсколько стадій; сначала они, было, подружились, потомъ рѣзко разошлись изъ-за принципіальныхъ разногласій по общественнымъ вопросамъ, а затѣмъ снова помирились. Какъ Бѣлинскій Герцена, такъ послѣдній Бѣлинскаго, ставили другъ друга очень высоко, но въ ихъ отношеніяхъ не было тѣхъ элементовъ теплоты и сердечности, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Боткину или Герцена къ Огареву.

Во всякомъ случаѣ индивидуальное одиночество нашего критика въ Москвѣ для меня несомнѣнно. Онъ близокъ и въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣми новыми знакомыми, но близость эта имѣетъ главнымъ своимъ основаніемъ не личныя дѣла, не дѣла сердца, а скорѣе элементъ общественности—интересы науки, искусства, журналистики. Бѣлинскій принималъ мало непосредственнаго участія въ домашнихъ дѣлахъ и дрязгахъ своихъ друзей; ихъ ссоры, романы и драмы протекали какъ-то мимо его, не вызывая съ его стороны какого либо активнаго вмѣшательства. Онъ тутъ какъ тутъ, онъ на первомъ планѣ лишь тогда, когда на сцену выступаютъ принципы, идеи, опредѣленныя научныя и философскія положенія. О, тогда онъ весь жизнь, весь кипѣніе, тогда мы видимъ его ссорящимся и мирящимся, дружащимъ и враждующимъ.

Изъ всѣхъ литературныхъ дѣятелей Москвы того времени онъ обнаруживаетъ, даже въ періодъ временно постигшаго его умственнаго квіетизма, наибольшее тяготѣніе къ вопросамъ общественнымъ, наибольшую общественную нервность, столь необходимыя для публициста, для передоваго общественнаго дѣятеля, для общественнаго руководителя. И эта общественная жилка сказывается и видится во всѣхъ его даже первоначальныхъ статьяхъ, главнымъ

образомъ сильныхъ своимъ нервнымъ настроеніемъ, своей страстностью, своимъ повышеннымъ темпераментомъ—тѣми аттрибутами, которые являются неотъемлемымъ достояніемъ крупнаго передоваго публициста, общественнаго трибуна. Недаромъ же первая оцѣнка его явилась не изъ круга друзей или людей науки, свысока смотрѣвшихъ на молодаго писателя, какъ на недоучившагося гимназиста и студента, а со стороны читающей публики, той интеллигентной толпы, которая вѣчно ищетъ своего героя, вѣчно чутко прислушивается къ каждому независимому, оригинальному и громкому голосу.

«Литературныя мечтанія» были той ракетою въ дѣятельности Бѣлинскаго, которая возвѣстила читателямъ и обществу, что новый блестящій вождь уже явился на сцену русской жизни, что недалеко то время, когда этотъ вождь займетъ прочное мѣсто, укрѣпится въ занятомъ положеніи и скажетъ то новое, оригинальное и властное слово, въ которомъ въ данный моментъ чувствуется такая настоятельная надобность.

Послѣ «Литературныхъ мечтаній» въ журналахъ Надеждина появляется непрерывный рядъ статей Бѣлинскаго, онъ временно даже редактируетъ, за отсутствіемъ издателя изъ Москвы, его изданія и становится такимъ образомъ все болѣе извѣстенъ, все болѣе на виду у публики. Послѣ тяжелыхъ годовъ неудачъ и бѣдствій, для Бѣлинскаго, видимо, наступили счастливые дни, принесшіе ему нѣкоторое матеріальное обезпеченіе и душевный покой; но этимъ днямъ не суждено было долго длиться—во второй половинѣ 1836 г.,благодаря извѣстному «философическому письму» Чаадаева, «Телескопъ» и «Молва» были запрещены, издательству Надеждина положенъ конецъ, и Бѣлинскій снова остается не у дѣлъ, безъ работы, безъ куска хлѣба. Конецъ 1836 г. и весь 1837 г. проходятъ для него въ безработицѣ; онъ ведетъ переговоры то съ Полевымъ, то съ Плюшаромъ, то съ Краевскимъ, но изъ всѣхъ этихъ сношеній не выходитъ ничего путнаго и только весною 1838 г. ему удается стать во главѣ «Московскаго Наблюдателя», который подъ его умѣлымъ руководствомъ становится лучшимъ журналомъ того времени, гдѣ принимаютъ самое живое участіе лучшія силы кружка Станкевича. Но благодаря разнымъ обстоятельствамъ, въ числѣ которыхъ играли немалую роль и цензурныя строгости, журналъ шелъ плохо, а еще хуже складывались обстоятельства самого Бѣлинскаго, который въ виду этого все чаще и чаще начинаетъ помышлять о Петербургѣ, въ надеждѣ найти себѣ тамъ болѣе обезпеченный кусокъ хлѣба. Каково было его матеріальное положеніе и состояніе духа въ тѣ дни, всего лучше видно изъ сохранившагося его письма къ Панаеву и изъ воспоминаній послѣдняго о своемъ посѣщеніи нашего критика. Къ Панаеву Бѣлинскій писалъ:

«Безъ 2.000 мнѣ нельзя даже и пѣшкомъ пройти заставу: около этой суммы на мнѣ самаго важнаго долгу, а сверхъ того,—я хожу, какъ нищій въ рубищѣ. Кромѣ г-на Краевскаго, поговорите съ другими, сами отъ себя или черезъ кого нибудь: я продаю себя всѣмъ и каждому отъ Сеньковскаго до (тьфу, гадость какая!) Булгарина,—кто больше дасть, не стѣсняя притомъ моего образа мыслей, выраженія, словомъ—моей литературной совѣсти, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій, или голодная смерть,—у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть, какъ собакѣ, нежели живому отдаться на позорное съѣденье псамъ... Я готовъ взять на себя даже черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будетъ платиться соразмѣрно трудамъ. Денегъ! Денегъ! А работать я могу, если только мнѣ дадуть мою работу. Итакъ, скорѣе отвѣть...»

Въ виду переговоровъ между Бѣлинскимъ и Краевскимъ, Панаевъ, въ качествѣ посредника, посѣтилъ критика въ Москвѣ, и вотъ что онъ разсказываетъ о положеніи Бѣлинскаго и дѣлахъ «Наблюдателя».

«Къ Бѣлинскому я заходилъ каждое утро,—повѣствуетъ Панаевъ.—Онъ очень хандрилъ и жаловался на боль въ груди... Обстоятельства его были въ то время печальныя. Степановъ, издатель «Московскаго Наблюдателя», платилъ ему помѣсячно (да и то неаккуратно) какія-то ничтожныя деньги за редакцію. Бѣлинскій сначала былъ увлеченъ мыслію стать во главѣ журнала, сотрудниками котораго должны были сдѣлаться всѣ его молодые и талантливые друзья... Онъ твердо былъ убѣжденъ, что при ихъ содѣйствіи, соединенномъ съ его кипучей, энергической дѣятельностью, — успѣхъ журнала будетъ несомнѣненъ... Но надежды не оправдались. Подписка на «Наблюдатель» оказалась незначительной, и при выходѣ пятой книжки всѣ средства издателя уже совершенно были прекращены. Причинами этого были: невозможность объявить о томъ, что журналъ переходитъ подъ редакцію Бѣлинскаго; непрактичность и издателя и редактора, пустившихъ очень небольшое число объявленій о преобразованіи журнала, въ которыхъ, притомъ, глухо и неопредѣленно сказано было о переходѣ «Наблюдателя» отъ г. Андросова (бывшаго редактора) подъ новую редакцію, и наконецъ, то примирительное направленіе первыхъ книжекъ возобновленнаго «Наблюдателя»,—направленіе, которому публика не могла симпатизировать».

Весною 1839 г. онъ бросилъ «Наблюдатель», и снова очутился временно почти въ безвыходномъ положеніи, а осенью того же года онъ уже становится сотрудникомъ Краевскаго, съ каковаго времени начинается новый, Петербургскій періодъ его жизни.

VI.

Панаевъ повѣствуетъ, что переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ. Онъ согласился на условія Краевскаго, который долженъ былъ выслать ему незначительную сумму на уплату долговъ и на отъѣздъ, и обѣщалъ платить ему 3500 руб.

асс. въ годъ, съ тѣмъ чтобы Бѣлинскій принялъ на себя весь критическій и библіографическій отдѣлъ «Отеч. Записокъ». Условія эти, конечно, были очень тяжкія, особенно если принять во вниманіе, ту массу, и при томъ безобразную по содержанію библіографіи, которая выпадала на долю нашего критика въ журналѣ Краевскаго, но разсуждать не приходилось много, благо дѣло, литературное дѣло было найдено. Кромѣ того, Бѣлинскому пора была уже ѣхать вонъ изъ Москвы. Москва тогдашнихъ дней дала ему все, что она могла лишь дать, извѣстность его достаточно окрѣпла, за нимъ былъ признанъ авторитетъ всѣми кружками, не исключая и вражескихъ, а публика, чуткій читатель, уже привыкли смотрѣть на него, какъ на глашатая новыхъ истинъ. Содержанія этимъ истинамъ въ Москвѣ не находилось, воздухъ здѣсь для него былъ слишкомъ спертъ; надо было освѣжиться, разорвать съ кружковщиной, надо было перекочевать на новое мѣсто, памятуя то положеніе, «что пророку не бывать въ своемъ отечествѣ».

Петербургъ произвелъ цѣлый переворотъ въ мысляхъ и душѣ Бѣлинскаго; «онъ поразилъ его,—говоритъ Пыпинъ,—какъ новое явленіе русской жизни, невольно приковывавшее къ себѣ вниманіе. Та «дѣйствительность», которой съ такой ревностью доискивался Бѣлинскій въ своихъ кабинетныхъ теоріяхъ, предстала предъ нимъ во всей своей реальности и была рѣшительно не похожа на теорію. Эта дѣйствительность сама бросалась въ глаза; отъ нея нельзя было укрыться, какъ въ Москвѣ, въ своемъ кружкѣ, гдѣ друзья жили, какъ въ укромномъ захолустьѣ, не видя и не слыша той машины, которая управляла ихъ теоретической дѣйствительностью. Здѣсь машина была на лицо, и Бѣлинскій, какъ ни избѣгалъ встрѣчъ съ чужимъ ему міромъ, не могъ ея не видѣть и не чувствовать на себѣ ея толчковъ»...

Послѣднія книжки «Отечеств. Записокъ» 1839 г. и первая 1840 г. могутъ быть, по статьямъ здѣсь Бѣлинскаго, разсматриваемы, какъ послѣдній отголосокъ его московскаго настроенія, но уже въ дальнѣйшемъ мы видимъ его охваченнымъ новыми петербургскими вѣяніями, въ роли того учителя и публициста-борца, которому суждено было сдѣлать настоящій переворотъ въ исторіи нашей литературы, въ нашей журналистикѣ, которому по силѣ слова, по страстности рѣчи и ясности мысли, не было равнаго до тѣхъ поръ, нѣтъ равнаго и о сю пору. Со вступленіемъ Бѣлинскаго въ «Отечественныя Записки», въ сопутствіи блестящей плеяды московскихъ друзей, уже успѣвшихъ къ тому времени признать право на учительство автора «Литературныхъ мечтаній», органъ Краевскаго обращается въ арену кипучей борьбы за гражданскія и человѣческія права русскаго народа, въ ту арену, которая становится историческимъ подножіемъ послѣдующей русской публицистики, отъ временъ сороковыхъ годовъ по наши дни.

Своей высоко-художественной кистью Герценъ рисуетъ намъ Бѣлинскаго тѣхъ дней и его значеніе въ «Отечеств. Запискахъ» слѣдующими красками:

«Въ рядѣ критическихъ статей, онъ кстати и некстати касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, часто поднимаясь до поэтическаго одушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія, на полдорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой нибудь вопросъ. Ему достаточенъ стихъ:

Родные люди вотъ какіе—

въ Онѣгинѣ, чтобы вызвать къ суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношенія родства. Кто не помнитъ его статей о «Тарантасѣ», о «Парашѣ» Тургенева, о Державинѣ, о Мочаловѣ, о Гамлетѣ? Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустрашимая послѣдовательность, ловкость плаванія между цензурными отмелями и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ взять противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, не антикритикой, такъ доносомъ. Бѣлинскій стегалъ ихъ безпощадно, терзая мелкое самолюбіе чопорныхъ ограниченныхъ творцевъ эклогъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжностей; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія, задушевныя мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтущія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую лентой! Какъ же за то его и ненавидѣли! Славянофилы съ своей стороны начали оффиціально существовать съ войны противъ Бѣлинскаго; онъ ихъ додразнилъ до мурмулокъ и зипуновъ. Статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли О. З., тяжелый № рвали изъ рукъ въ руки— «есть Бѣлинскаго статья?» Есть — и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало. Недаромъ Скобелевъ, комендантъ крѣпости, говорилъ шутя Бѣлинскому, встрѣчаясь на Невскомъ проспектѣ: «Когда же къ намъ, у меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ его и берегу».

Къ этому описанію общественной роли и общественнаго значенія Бѣлинскаго въ началѣ сороковыхъ годовъ, сдѣланному Герценомъ, не приходится много прибавлять. Воспользуемся тѣми же воспоминаніями, чтобъ дорисовать и портретъ нашего критика, характерныя черты его духовнаго образа...

«Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладіаторская натура! Да, это былъ сильный боецъ! Онъ не умѣлъ проповѣдовать, научать, ему надобенъ былъ споръ. Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерываться, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной поэзіей развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больнаго лилась изъ горла; блѣдный, задыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ

говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью... Притѣсняемый денежно-литературными подрядчиками, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми мало-симпатичными, снѣдаемый болѣзнію, для которой балтійскій климатъ былъ убійственнъ, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе. Онъ чуждался постороннихъ, былъ до дикости застѣнчивъ и иногда недѣли цѣлыя проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Тутъ редакція посылала записку за запиской, требуя оригинала, а закабаленный литераторъ со скрежетомъ зубовъ брался за перо и писалъ тѣ ядовитыя статьи, трепещущія негодованіемъ, тѣ обвинительные акты, которые такъ поражали читателей».

Въ этихъ словахъ черезвычайно важно отмѣтить три указанія Герцена: указаніе на болѣзненное состояніе Бѣлинскаго, на душевное одиночество и на притѣсненія со стороны литературныхъ подрядчиковъ, то-есть со стороны Краевскаго. Дѣйствительно, хотя съ переѣздомъ въ Петербургъ матеріальныя обстоятельства Бѣлинскаго улучшились, но за то непомѣрно возросла и тягота работы. Въ Москвѣ онъ голодалъ, бѣдствовалъ, но не надрывался трудомъ, здѣсь же исчезъ факторъ голоданія, но взамѣнъ явился новый, не менѣе жестокій. Человѣкъ такимъ образомъ явно попалъ изъ огня да въ полымя. Мы знаемъ, на какихъ условіяхъ Бѣлинскій вступилъ въ журналъ Краевскаго, и должны сказать, что издатель «Отечественныхъ Записокъ» съ лихвой бралъ отъ таланта своего сотрудника погашенія на затрачиваемый капиталъ. Помимо ежемѣсячной статьи, тотъ вынужденъ былъ рецензировать уймищу книгъ самаго вздорнаго содержанія, въ числѣ которыхъ попадались сонники и сочиненія, посвященныя домашнему хозяйству.

Въ послѣднее время въ нашей печати раздался голосъ, пытавшійся, было, реабилитировать Краевскаго заявленіямъ, что по тому времени онъ разсчитывался съ Бѣлинскимъ добропорядочно, и съ его стороны не было никакой эксплоатаціи силъ главнаго сотрудника журнала. Лицо, утверждавшее это, очевидно, никогда не жило чисто-литературнымъ трудомъ и не дало себѣ труда, принявшись за неблагодарную защиту, соразмѣрить качество продаваемаго товара съ его покупной цѣной. Если вспомнить, что каждая статья Бѣлинскаго была настоящимъ событіемъ, если вдуматься въ созданный имъ журналу успѣхъ, если дать себѣ трудъ подсчитать, скольхихъ крупныхъ дѣятелей печатнаго слова привелъ за собою къ Краевскому Бѣлинскій, если сообразить, на какую высоту поставилъ онъ журналъ, то, конечно, фактъ эксплоатаціи и выжиманія послѣднихъ соковъ становится безспорнымъ, какъ это уже давно признано и установлено въ литературѣ. При этомъ необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, на какого сорта работу направлялись силы критики и ради какого вздора требовалось напряженіе его больного организма!.. Можетъ быть, на это возразятъ, что таковъ неумолимый

законъ издательскаго дѣла, которое не сообразуется съ внутренними и внѣшними обстоятельствами сотрудника и которому нѣтъ дѣла до крови, льющейся изъ горла литературнаго поденщика... можетъ быть, но согласитесь, что тутъ чувствуется какая-то звѣрская жестокость, слышится что-то хищное и злобное. И вотъ почему, какъ бы кто ни старался обѣлить Краевскаго, измученный образъ Бѣлинскаго, съ впалыми блѣдными щеками, лихорадочно блестящими глазами и съ скомканнымъ облитымъ кровью платкомъ въ рукѣ, становится еще болѣе трагичнымъ и достойнымъ слезъ и горечи, по сравненію съ кругленькой и жирненькой фигуркой издателя «Отечеств. Записокъ», уже тогда преисправно откладывавшаго въ банкъ деньги для покупки будущей недвижимой собственности.

Итакъ, во внѣшнія условія жизни Бѣлинскаго Петербургъ мало внесъ утѣшительнаго; достатокъ явился не Богъ вѣсть какой и во всякомъ случаѣ далеко несоразмѣрный затрачиваемымъ силамъ. Жестокая болѣзнь, начало которой положили московскія голодовки и неблагопріятныя санитарныя условія жилыхъ помѣщеній, въ сосѣдствѣ съ прачешными и кузницами, подъ вліяніемъ непомѣрнаго труда, журнальныхъ огорченій и петербургскаго климата, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, предвѣщая недалекій конецъ этой многострадальной жизни. Ко всему еще одиночество, одиночество больного холостяка, брошеннаго въ водоворотъ огромнаго нервнаго города, гдѣ нѣтъ по близости ни добраго друга, ни любящаго женскаго сердца, съ которымъ бы можно было подѣлить радость и горе. А именно Бѣлинскій, по всей организаціи своей нѣжной души, по своему рыцарски-высокому поклоненію передъ женщиной, болѣе чѣмъ кто нибудь изъ его друзей нуждался въ другѣ женѣ, которая бы внесла тепло и ласку, уходъ и попеченіе въ его сирое и страдальческое существованіе.

VII.

Въ Петербургѣ Бѣлинскій нашелъ знакомыхъ, много знакомыхъ, которые его высоко ставили, какъ человѣка, какъ писателя, какъ журнальнаго вождя, но онъ не обрѣлъ здѣсь новыхъ друзей, могшихъ замѣнить ему старыхъ московскихъ пріятелей, тѣхъ самыхъ, какъ бы хороши или дурны они ни были, съ которыми пережито столько увлеченій и волненій, столько духовныхъ и матеріальныхъ радостей и горестей. Всѣ чувства и ощущенія такого рода остались позади, тамъ, въ Бѣлокаменной, откуда такъ недавно онъ бѣжалъ, отряхая прахъ ногъ своихъ. Въ Петербургъ же онъ пріѣхалъ съ готовымъ, вполнѣ созрѣвшимъ чувствомъ любви къ дѣвушкѣ, которая платила ему горячей взаимностью, и которую онъ страстно стремился назвать скорѣе своею, на всю жизнь. Дѣвушка эта была Марія Ва-

сильевна Орлова, классная дама Екатерининскаго института, съ которой нашъ критикъ познакомился еще въ 1835 г.

Орлова родилась въ 1812 г., воспитаніе получила въ Александровскомъ институтѣ, гдѣ кончила курсъ первою съ медалью. Выдѣляясь среди сверстницъ своими умственными способностями, Марія Васильевна отличалась и замѣчательной красотою, на которую еще обратилъ вниманіе Николай I во время коронаціонныхъ празднествъ 1826 г. По окончаніи курса, Орлова оставлена была пепиньеркою при институтѣ, затѣмъ она была гувернанткою въ семьѣ племянницы Лажечникова, а въ 1835 г. поступила классной дамой въ Екатерининскій институтъ. Знакомство ея съ Бѣлинскимъ относится именно къ этому году. Раньше она зачитывалась Бѣлинскимъ, при чемъ особенное впечатлѣніе произвели на нее извѣстныя «Литературныя мечтанія». Познакомилась Орлова съ критикомъ въ домѣ Петрова, впослѣдствіи ученаго оріенталиста. Бѣлинскій посѣщалъ Марію Васильевну въ институтѣ и приносилъ ей книги для чтенія. Лѣтомъ 1843 г. онъ сдѣлалъ ей предложеніе, и въ ноябрѣ того же года состоялась ихъ свадьба.

Это была не первая привязанность Бѣлинскаго. Еще въ тридцатыхъ годахъ, на зарѣ юной жизни, у него былъ романъ, который, однако, кончился неудачно—ему не отвѣтили взаимностью. Второй романъ былъ удачливѣе; влюбленные вполнѣ сознательно относились другъ къ другу, обоюдно высоко цѣнили нравственныя качества и шли къ разрѣшенію конечной цѣли ихъ отношеній твердымъ, увѣреннымъ шагомъ. Этотъ второй романъ Бѣлинскаго въ настоящее время, благодаря отпечатаннымъ въ 1896 г. его письмамъ къ М. В. Орловой въ «Починѣ», извѣстенъ намъ во всѣхъ подробностяхъ и представляетъ собою удивительно свѣтлыя страницы жизни критика, является матеріаломъ высокой цѣнности для характеристики его нравственнаго облика. По силѣ выраженій, по огненности языка и смѣлости мысли, эти письма къ невѣстѣ должны быть поставлены на ряду съ его знаменитымъ письмомъ къ Гоголю, и во всякомъ случаѣ они стоятъ неизмѣримо выше многаго изъ того, что имъ было напечатано въ журналахъ.

Уже въ первомъ письмѣ къ невѣстѣ онъ говоритъ:

«Я разорванъ пополамъ и чувствую, что не достаетъ цѣлой половины меня самого, что жизнь моя не полна, и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мною, подлѣ меня. Бываютъ минуты страстнаго, тоскливаго стремленія къ вамъ. Вотъ полетѣлъ бы хоть на минуту, крѣпко, крѣпко пожалъ бы вамъ руку, тихо сказалъ бы вамъ на ухо, какъ много я люблю васъ, какъ пуста и безсмысленна для меня жизнь безъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ скорѣе, скорѣе, или я съ ума сойду»

Въ слѣдующій разъ онъ пишетъ въ заключеніи письма:

«Прощайте. Храни васъ Господь! Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастія, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе

сны. А я — я хотѣлъ бы теперь хоть на минуту увидать васъ, долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платья. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно дольше не видаться, совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту, и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за эту глупую болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаетъ слеза: въ такомъ глупомъ состояніи обыкновенно хочется сказать много, и ничего не говорится, или говорится очень глупо. Странное дѣло! Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіи. Что-то теперь Сокольники? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастія въ грусти этого воспоминанія!»

Въ письмѣ отъ 20-го сентября Бѣлинскій, шутливо возражая на замѣчанія невѣсты о ея недостаткахъ, говоритъ:

«Что же касается до старой, больной, бѣдной, дурной жены, sauvage въ обществѣ и не смыслящей ничего въ хозяйствѣ, которымъ наказываетъ меня Богъ, то позвольте имѣть честь донести вамъ, Marie, что вы изволите говорить глупости. Я особенно благодаренъ вамъ за эпитетъ бѣдной; въ самомъ дѣлѣ, вы погубили меня своею бѣдностью: вѣдь я было располагалъ жениться на толстой купчихѣ съ черными зубами и 100.000 приданаго. Что касается до вашей старости, я былъ бы отъ нея въ совершенномъ отчаяніи, если бы, во-первыхъ, мнѣ хотѣлось имѣть молоденькую жену, à la madame Maniloff, и, во-вторыхъ, если бы я не видѣлъ и не зналъ людей, которые отъ молодости женъ своихъ страдаютъ такъ, какъ другіе отъ старости. Изъ этого я заключаю, что дѣло ни въ старости, ни въ молодости, и вообще нѣтъ ничего безполезнѣе, какъ загдядывать впередъ и говорить утвердительно о томъ, что еще только будетъ, но ничего еще нѣтъ. Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не расчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все—быть человѣчески достойными счастія, если судьба дастъ намъ его, и съ достоинствомъ, почеловѣчески, нести несчастіе, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ, кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ».

Но не только однимъ упоеніемъ любви и бодрымъ призывомъ на новую разумную жизнь были наполнены письма Бѣлинскаго къ невѣстѣ, нѣтъ и тутъ нашлись черныя тучи, которыя заволокли, было, чистое небо и грозили бурями и непогодами. Орлова по какимъ-то соображеніямъ пожелала, чтобы ихъ свадьба состоялась въ Москвѣ, по всѣмъ правиламъ стараго этикета, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ. Такія требованія задѣли Бѣлинскаго, противорѣча его убѣжденіямъ и вызывая его на уступки и сдѣлки съ совѣстью, къ которымъ онъ менѣе всего былъ способенъ. Между женихомъ и невѣстой возникла размолвка, поднялась по настоящему предмету цѣлая переписка, и раздраженный Бѣлинскій писалъ между прочимъ:

«Я не думалъ ни о дядюшкахъ и тетушкахъ, ни о м-мъ Charpiot... ни объ офиціальномъ обѣдѣ, съ шампанскимъ и поздравленіями, съ идіотскими улыбками и, можетъ быть, infame! — съ чиновническими шутками и любезностями. Въ этой по

истинѣ плѣнительной картинѣ не достаетъ только свахи, смотринъ, сговора, дѣвичника съ свадебными пѣснями. Кажется, и при этой мысли ужасъ проникаетъ холодомъ до костей моихъ—въ посаженомъ отцѣ и посаженой матери недостатка не будетъ, и насъ съ вами встрѣтятъ съ образомъ, и мы будемъ кланяться въ ноги. Знаете ли что!—мнѣ больно не одно то, что вы осуждаете меня на эту позорную пытку, но то, что вы обнаруживаете столько resignation въ этомъ случаѣ въ отношеніи къ самой себѣ. Это для меня всего тяжелѣе. Вы даже не хотите понять причины моего ужаса и отвращенія къ этимъ позорнымъ церемоніямъ и приписываете это трусости Подколесина. Во мнѣ такъ много недостатковъ, что уже ради одной ихъ многочисленности не слѣдуетъ мнѣ приписывать не существующихъ во мнѣ. Подколесинъ труситъ мысли, что вотъ де все былъ неженатъ и вдругъ женатъ. Я понимаю такую мысль, но она не можетъ же испугать меня до того, чтобы я хотя на секунду въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою пожалѣлъ о моемъ рѣшеніи жениться. Въ такомъ случаѣ, я чувствовалъ бы себя недостойнымъ васъ и сталъ бы самъ себя презирать. Такая мысль (т. е. Подколесинскій страхъ женатаго состоянія) можетъ меня безпокоить, какъ необходимость въѣхать въ собраніе или пройти по улицѣ въ мундирѣ, но не больше. Подколесинъ пугается не церемоній и неприличныхъ приличій; напротивъ, онъ не понимаетъ возможности брака безъ нихъ, и безъ нихъ пропалъ бы отъ ужаса, при мысли, что объ этомъ говорятъ. Изъ окна я не выброшусь, но не ручаюсь, что наканунѣ вѣнчанья не проснусь съ сильною просѣдью въ головѣ и что въ эту ночь не переживу длиннаго, длиннаго времени тяжелой внутренней тревоги. И пиша эти строки, я глубоко скорблю и глубоко страдаю отъ мысли, что вы не поймете моего отвращенія къ позорнымъ приличіямъ и шутовскимъ церемоніямъ. Для меня противны слова: невѣста, жена, женихъ, мужъ. Я хотѣлъ бы видѣть въ васъ ma bien aimée, amie de ma vie, ma Eugenie... По моему кровному убѣжденію, союзъ брачный долженъ быть чуждъ всякой публичности, это дѣло только двоихъ—больше никого. Вы боитесь scandale, анаѳемы и толковъ—этого я просто не понимаю, ибо я давно позволилъ безнаказанно проклинать меня и говорить обо мнѣ все, что угодно, тѣмъ, съ которыми я на всю жизнь разстался. Таковые для меня не существуютъ. У меня есть свой кругъ и свое общество, состоящее все изъ людей, женившихся совсѣмъ не пороссійски. Вы пишете, что теперь поняли всю дикость нашего общества и проч. Знаете ли, что вѣдь ваши слова не болѣе, какъ слова, слова и слова? Ибо они не оправдываются дѣломъ. Общество улучшается черезъ благородныхъ своихъ представителей, и вѣдь кому нибудь надо же начинать. Вы похожи на раба-отпущенника, который хотя и знаетъ, что его бывшій баринъ не имѣетъ надъ нимъ никакой власти, но все, по старой привычкѣ, почтительно снимаетъ передъ нимъ шапку и робко потупляетъ передъ нимъ глаза; мнѣ кажется, что разумъ данъ человѣку для того, чтобы онъ разумно жилъ, а не для того только, чтобы онъ видѣлъ, что неразумно живетъ».

Послѣ долгихъ увѣщеваній и доводовъ Бѣлинскій переубѣдилъ Орлову. Она пріѣхала въ Петербургъ, и свадьба ихъ состоялась, какъ онъ на томъ настаивалъ, безъ всякой помпы и торжествъ. Съ этихъ поръ для Бѣлинскаго начинается новая полоса жизни, гдѣ уже исчезаетъ скука и тоска одиночества, но взамѣнъ которыхъ являются новыя тревоги и волненія, сопряженныя съ обязанностями семейнаго человѣка.

Въ нашей литературѣ послѣдняго времени былъ поставленъ вопросъ, дала ли Орлова и семейная жизнь счастье Бѣлинскому, при чемъ нѣкоторые изслѣдователи приходили въ рѣшеніи этого вопроса къ неблагопріятному выводу. Рядомъ съ этимъ живая и понынѣ свояченица Бѣлинскаго, А. В. Орлова, опровергаетъ такое утвержденіе и свидѣтельствуетъ о полномъ согласіи и любви, царившихъ въ семейной жизни ея сестры. Мнѣ кажется, что въ этихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ кроется нѣкоторое недоразумѣніе, проистекающее изъ неправильной постановки самаго вопроса: что называется счастьемъ, и кто можетъ считаться истинно-счастливымъ человѣкомъ? Абсолютнаго счастія на землѣ, конечно, нѣтъ, а есть только счастіе относительное, условное. Бѣлинскій, женившись на Орловой, нашелъ въ ней жену-друга, которая высоко ставила его, не только какъ человѣка, но и какъ писателя, какъ общественнаго дѣятеля; она берегла, лелѣяла его, и никакія личныя ссоры и дрязги не нарушали ихъ домашняго покоя. Но она была женщина тоже больная, нервная, и вотъ эта-то нервность отражалась на всемъ, что она дѣлала и говорила. Она слишкомъ, можетъ быть, горячо относилась къ мелочамъ жизни — вопросамъ хозяйства, вопросамъ домашняго обихода, можетъ быть, слишкомъ явно для больного оберегала его здоровіе и опекала отъ всѣхъ и вся; Бѣлинскій же не всегда былъ терпѣливъ, былъ мнителенъ, какъ чахоточный, часто раздражителенъ, переходя безъ достаточнаго основанія отъ восторженнаго состоянія духа къ унынію и огорченію. Отсюда повышенная нервная температура въ домѣ, кажущіяся мелкія тучи на ясномъ по существу горизонтѣ ихъ жизни, которыя производили неблагопріятное впечатлѣніе на окружающихъ. Сошлись на жизненномъ пути двѣ нервныя, больныя натуры, которыя, страстно любя другъ друга, причиняли вмѣстѣ съ тѣмъ другъ другу огорченія и недовольства. Въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ къ женѣ [1]) Бѣлинскій говоритъ:

«Ты пишешь, что разлука сдѣлаетъ насъ уступчивѣе въ отношеніи другъ друга, но и болѣе чуждыми другъ другу. Мнѣ кажется то и другое равно хорошо. Почему хорошо первое, толковать нечего, и такъ ясно; второе хорошо потому, что даетъ случай познакомиться вновь на лучшихъ основаніяхъ. Я уже не въ той порѣ жизни, чтобы тѣшить себя фантазіями, но еще не дошелъ до того сухого отчаянія, чтобы не знать надежды. Я потому жду много добра для обоихъ насъ отъ нашей разлуки. Я никакъ, напримѣръ, не могъ понять твоихъ жалобъ на меня, что будто я дурно съ тобою обращаюсь, и видѣлъ въ этомъ, въ этихъ жалобахъ, величайшую несправедливость ко мнѣ съ твоей стороны, а теперь, когда въ новой для меня сферѣ я смотрю на нашу прежнюю жизнь, какъ на что-то прошедшее, внѣ меня находящееся, то вижу, что если ты была не вполнѣ права, то и не совсѣмъ неправа. Я опирался на глубокомъ сознаніи, что не имѣлъ ни-

---

[1]) См. «Братская помощь»—сборникъ, изданный Г. А. Джаншіевымъ.

какого желанія оскорблять тебя, а ты смотрѣла на факты, а не на внутреннія мои чувства и, въ отношеніи самой себѣ, была права. Ежели разлука и тебя заставитъ войти поглубже въ себя и увидѣть кое-что такое, чего прежде ты въ себѣ видѣть не могла, то разлука эта будетъ очень полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпимѣе къ недостаткамъ одинъ другаго, и будемъ объяснять ихъ болѣзненностію, нервическою раздражительностію, недостаткомъ воспитанія, а не какими нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды. Что же касается до твоихъ словъ, что мужъ, безъ причины оставляющій жену и дѣтей, не любитъ ихъ, — ты права; но, во-первыхъ, я говорилъ тебѣ о разлукѣ съ причиною, хотя бы эта причина была просто желаніемъ разсѣяться и освѣжиться прогулкою, или и прямо желаніемъ освѣжить ею свои семейныя отношенія, и, во-вторыхъ, я кажется, уѣхалъ не безъ причины».

Рядомъ съ этимъ письмомъ мы находимъ, однако, и другія, написанныя въ такомъ повышенно-любовномъ тонѣ, съ такими заботами о домѣ, домочадцахъ, даже о домашней собакѣ, которыя пишутся и посылаются только при наличности большого запаса любви и въ полномъ сознаніи своего семейнаго счастія. Онъ пишетъ, напримѣръ, въ другой разъ:

«Письмо твое отъ 3 (15) іюля, chère Marie, я получилъ въ poste restante, на третій день по пріѣздѣ въ Парижъ. Хоть ты въ немъ и не говоришь положительно, что твое положеніе опасно, но оно тѣмъ не менѣе почему-то произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я теперь только о томъ и думаю, какъ бы поскорѣе домой, да чтобъ ужъ больше одному не ѣздить отъ семейства дальше, какъ изъ Петербурга въ Москву. Вообще все письмо твое дышитъ нездоровымъ. Конечно, къ нездоровью намъ давно уже пора привыкнуть, какъ къ нормальному нашему положенію, но мнѣ почему-то кажется, что ты не совсѣмъ въ безопасномъ положеніи. День, въ который новое письмо твое разувѣритъ меня въ этомъ предположеніи, будетъ однимъ изъ лучшихъ дней въ моей жизни. Мнѣ такъ тяжело и грустно отъ мысли о твоемъ здоровьѣ, что не хочется писать о себѣ, и если я дѣлаю это, то потому только, что могу сообщить тебѣ положительно хорошія извѣстія о состояніи моего здоровья и надѣюсь разсѣять твои болѣзненныя предположенія на мой счетъ.»

Еще незадолго передъ тѣмъ, изъ Харькова онъ посылалъ женѣ слѣдующія строки, свидѣтельствующія, сколько нѣжной любви, заботы и трогательнаго чувства питалъ онъ къ своему домашнему очагу.

«Я радъ, что наши псы съ вами, радъ и за нихъ, и еще больше за васъ. И потому Милкѣ жму лапу, и даже дураку Дюку посылаю поклонъ. Объ Ольгѣ не знаю что писать—хотѣлось бы много, а не говорится ничего. Что ты не говоришь мнѣ ни слова, начинаетъ ли она ходить, болтать, и что ея 8-й зубъ? Ахъ, собачка, барашекъ, какъ она теперь уже перемѣнилась для меня—вѣдь уже полтора мѣсяца! Поблагодари ее за память о моемъ портретѣ и за угощеніе его молокомъ и кашею. Она чѣмъ богата, тѣмъ и рада, и понюхать готова дать всякое кушанье. Должно быть, она очень довольна поведеніемъ своего портрета, который позволяетъ ей угощать себя не въ ущербъ ея аппетиту. Изъ Харькова я еще пошлю къ тебѣ письмо. А теперь пока прощай. Будь здорова и спокойна духомъ,

ma mie, и успокой скорѣе меня на счетъ твоего здоровья. Жму руку Агриппинѣ и желаю ей всего хорошаго, а я не объѣдаюсь и не простужаюсь, какъ она обо мнѣ думаетъ.»

Итакъ, я думаю, что вопросъ о семейномъ счастьѣ Бѣлинскаго и высказанныя по настоящему предмету подозрѣнія разрѣшаются вполнѣ его письмами къ женѣ и свидѣтельствомъ почтенной А. В. Орловой. Бѣлинскій былъ счастливъ, любилъ, былъ любимъ и, если тучки заволакивали подчасъ его жизнь, то у кого же этихъ маленькихъ тучъ не бываетъ, а особенно въ средѣ писательской, гдѣ нервность и бѣдность такъ часто идутъ рука объ руку и такъ часто накладываютъ тѣни тамъ, гдѣ при иныхъ условіяхъ соціальной жизни имъ не было бы мѣста.

VIII.

Въ 1843 г. Бѣлинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, вскорѣ затѣмъ женился и въ томъ же году начинаетъ печатаніе въ «Отечественныхъ Запискахъ» ряда статей о Пушкинѣ, считающихся по всей справедливости классическою работою въ нашей литературѣ, посвященной геніальному поэту. Тогда же онъ открываетъ свою блестящую полемику съ славянофилами, въ которой приняли горячее участіе и остальные его друзья и единомышленники, полемику, столь оживившую нашу журналистику, при помощи которой и подъ флагомъ которой стало возможнымъ косвенно касаться и современныхъ устоевъ русской жизни, мрачныхъ началъ тогдашней дѣйствительности. Благодаря статьямъ Бѣлинскаго (о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Кольцовѣ, Гоголѣ, Грибоѣдовѣ и друг.), а также его друзей-единомышленниковъ, журналъ Краевскаго сталъ по количеству подписчиковъ, по живости и занимательности, первымъ журналомъ въ Россіи, увеличивая тѣмъ изъ году въ годъ благоденствіе издателя и высасывая послѣдніе жизненные соки главнаго сотрудника, основной силы журнала. Подъ тяжестью громадной срочной работы Бѣлинскій положительно изнывалъ, чувствовалъ отупеніе, впадалъ все въ большую раздражительность и задумывалъ все чаще разорвать съ Краевскимъ. Касаясь своего тогдашняго состоянія, онъ писалъ московскимъ друзьямъ:

«Я теперь рѣшился оставить «Отечественныя Записки». Это желаніе давно уже было моею idée fixe; но я все надѣялся выполнить его чудеснымъ способомъ, благодаря моей фантазіи, которая у меня услужлива не менѣе фантазіи г. Манилова, и надеждамъ на богатыхъ земли... журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно я недѣли двѣ въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно

съ похмелья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздношатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье видимо разрушается. Но трудъ мнѣ не опротивѣлъ. Я больной писалъ большую статью о жизни и сочиненіяхъ Кольцова и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время я въ три недѣли чуть не изготовилъ къ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня веселымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ. Стало быть, мнѣ не выносима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ»...

Насколько тяжело ему было въ журналѣ Краевскаго, видно изъ того, что онъ сравнивалъ «Отечественныя Записки» со скалою, себя съ Прометеемъ, а Краевскаго съ коршуномъ, клюющимъ его тѣло и высасывающимъ его кровь. Отношенія сотрудника и издателя становились натянутѣе, обостреннѣе и, наконецъ, Бѣлинскій рѣшился на важный шагъ—разорвалъ съ Краевскимъ, оставшись такимъ образомъ съ семьей на плечахъ, безъ всякаго обезпеченнаго заработка. Надежды матеріальнаго характера были основаны на выпускѣ подъ его редакціей обширнаго «Сборника», куда всѣ пріятели, московскіе и петербургскіе, должны были сдѣлать свои вклады; но пока шли по этому предмету переговоры, и дѣло затягивалось, состояніе его духа, а еще болѣе здоровья, становилось со дня на день хуже и опаснѣе. Въ видахъ поправленія расшатавшихся нервовъ, упадка силъ и возстановленія здоровія, его уговорили предпринять путешествіе на югъ Россіи; деньги для того были найдены, и вотъ 16 мая 1846 г. онъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ, предпринимавшимъ артистическое турне по Россіи, двинулся въ путь.

Путешествіе его продолжалось до сентября мѣсяца, а тѣмъ временемъ пріятели успѣли подготовить ему самый лучшій сюрпризъ, котораго онъ только могъ желать или видѣть во снѣ. На средства Панаева былъ пріобрѣтенъ отъ Плетнева захирѣвшій «Современникъ» главнымъ образомъ, какъ говорили въ литературныхъ кружкахъ, для того, чтобы избавить Бѣлинскаго отъ безработицы, отъ угнетавшей его поденщины и вѣчной кабалы у предпринимателей-капиталистовъ. Когда велись переговоры съ Плетневымъ, то дѣло рисовалось такъ, какъ будто Бѣлинскій будетъ полнымъ хозяиномъ журнала и его имя будетъ стоять на обложкѣ, какъ редактора изданія; на дѣлѣ же оказалось иначе—хозяевами, фактическими и юридическими, стали Панаевъ и Некрасовъ, Бѣлинскій же снова очутился въ ряду чернорабочихъ, хотя и съ повышенной заработной платой. Несмотря на такую новую невзгоду судьбы, Бѣлинскій горячо принялся за работу и оказалъ журналу сразу такую поддержку, которая и послужила главнымъ основаніемъ успѣха «Современника». Пыпинъ по этому предмету повѣствуетъ:

«Когда появились первыя книжки журнала, въ который перенесена была дѣятельность Бѣлинскаго, гдѣ собрались такія произведенія, какъ «Кто виноватъ?»

(полное изданіе) и другіе разсказы Герцена, «Обыкновенная исторія» г. Гончарова, первые «Разсказы охотника» г. Тургенева, повѣсти Григоровича, Дружинина, Достоевскаго, воспоминанія Щепкина, стихотворенія г. Некрасова, статьи Кавелина... Соловьева и проч.,—эти первыя книжки произвели сильное впечатлѣніе, и успѣхъ журнала могъ считаться обезпеченнымъ. Большая доля этого успѣха была именно дѣломъ Бѣлинскаго, нравственный и литературный авторитетъ котораго собралъ эти замѣчательныя силы. Но уже вскорѣ изъ этихъ отношеній журнала возникли тягостныя для Бѣлинскаго недоразумѣнія. Московскіе друзья, горячо принимавшіе къ сердцу интересы Бѣлинскаго, считали новый журналъ не иначе, какъ журналомъ Бѣлинскаго; но уже скоро, недовольные устройствомъ дѣлъ редакціи, гдѣ интересы Бѣлинскаго, по ихъ мнѣнію, не получили достаточнаго къ себѣ вниманія,—начали даже устраняться отъ «Современника».

Такимъ образомъ, и новое дѣло, не сулившее, какъ казалось, ничего иного, какъ счастье и общее довольство, принесло на самомъ дѣлѣ массу душевныхъ волненій и горестей. Не поправило оно и матеріальныхъ обстоятельствъ нашего критика—онъ продолжалъ нуждаться и мучительно биться въ тискахъ жизни. Не принесли облегченія здоровью и поѣздка по Россіи — чахотка разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, и доктора гнали его за границу; но на такую поѣздку денегъ не было, и Бѣлинскій печально говорилъ: «поѣздка моя на воды—миѳъ». Однако, этотъ миѳъ вскорѣ обратился въ дѣйствительный фактъ и въ маѣ 1847 года онъ былъ уже въ Берлинѣ, гдѣ его поджидалъ Тургеневъ. Въ эту поѣздку имъ было написано знаменитое «письмо» къ Гоголю по поводу вышедшей «Переписки съ друзьями», облетѣвшее всю Россію и составившее Бѣлинскому репутацію самаго сильнаго и страстнаго борца за свободу русскаго народа. Письмо это почти полностью напечатано нынѣ въ трудѣ о Погодинѣ г. Барсукова, и при чтеніи его даже въ настоящіе дни, по прошествіи 50 лѣтъ, оно производитъ впечатлѣніе одного изъ самыхъ сильныхъ произведеній, которое только когда либо появлялось въ русской литературѣ. Можно же себѣ представить, сколь сильное впечатлѣніе произвело оно тогда, когда все кругомъ, по словамъ поэта, «раболѣпствовало покорно», и всякое проявленіе свободнаго мнѣнія принималось чуть ли не за призывъ къ оружію, чуть ли не за государственное преступленіе. Да и въ наши дни нашлось немало людей, которые пытались, было, набросить тѣнь на письмо Бѣлинскаго и приняли на себя неблагодарную роль реабилитаціи Гоголевской «переписки», дѣлая изъ нея чуть ли не евангеліе, изъ котораго русскому обществу надлежитъ почерпать правила жизни и руководство къ разумѣнію задачъ русскаго просвѣщенія. По счастію, однако, эти не въ мѣру старавшіеся голоса успѣха не имѣли и даже въ трудѣ Шенрока, посвященномъ спеціально произведеніямъ и біографія Гоголя, «Переписка съ друзьями» не отнесена къ числу его лучшихъ произведеній и причислена къ литературѣ психіатрическаго свойства.

Въ теченіе 1848 г. Бѣлинскій успѣлъ сдать въ «Современникъ» работы только для четырехъ книжекъ, и на этомъ прекратилась его литературная дѣятельность, вслѣдъ за чѣмъ вскорѣ и онъ самъ отошелъ въ вѣчность, при самыхъ печальныхъ послѣднихъ минутахъ своей многострадальной жизни.

«Зима 1847—1848 г. тянулась для Бѣлинскаго мучительно,—повѣствуетъ Панаевъ, часто его видавшій.—Съ физическими силами падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому рѣдко; дома, когда у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже не долго остается жить. Говорятъ, что больные чахоткой обыкновенно не сознаютъ опасности своего положенія... У Бѣлинскаго не было этой иллюзіи; онъ не разсчитывалъ на жизнь и не утѣшалъ себя никакими надеждами... Болѣзненныя страданія его развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ его, статьи его разсматривались все строже и строже. Онъ получилъ два весьма непріятныя письма, написанныя, впрочемъ, съ большою деликатностью, отъ одного изъ своихъ прежнихъ наставниковъ, котораго онъ очень любилъ и уважалъ. Ему надобно было по поводу ихъ ѣхать объясняться, но онъ уже въ это время не выходилъ изъ дому...»

Эти два письма, о которыхъ упоминаетъ Панаевъ, присланныя ему съ жандармомъ, и послужили канвою для легенды о бывшемъ, будто, у Бѣлинскаго обыскѣ, о появленіи наканунѣ его смерти въ его квартирѣ толпы жандармовъ, пришедшихъ его арестовать. Эта легенда повторена въ напечатанномъ г. Захарьинымъ очеркѣ о Бѣлинскомъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», и она же послужила какъ будто моментомъ для картины г. Наумова, которая воспроизводится при настоящей статьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по наведеннымъ мною архивнымъ справкамъ вполнѣ устанавливается, что никакого обыска и никакой толпы жандармовъ въ квартирѣ Бѣлинскаго не было. То же утверждаетъ и г. Якушкинъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», который, со словъ г. Ефремова, даетъ слѣдующее объясненіе картины Наумова.

«Художникъ представилъ на картинѣ, какъ около больнаго Бѣлинскаго, лежащаго на диванѣ, сидитъ Некрасовъ и Панаевъ,—говоритъ онъ. И вотъ приходится слышать, что Некрасовъ съ Панаевымъ не были при самой кончинѣ Виссаріона Григорьевича. Панаевъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ минуту смерти я не присутствовалъ», и что такимъ образомъ картина «Бѣлинскій передъ смертью» даетъ вымышленныя подробности. Здѣсь недоразумѣніе, происходящее отъ не вполнѣ, быть можетъ, точнаго названія картины, отъ буквальнаго его пониманія. «Передъ смертью» не означаетъ при самой кончинѣ, и художникъ изобразилъ Бѣлинскаго во время его послѣдней тяжкой болѣзни, но не въ самые послѣдніе дни, а за нѣкоторое время передъ смертью. Извѣстно, что въ 1848 г. бывшій пензенскій учитель Бѣлинскаго Поповъ, служившій тогда въ канцеляріи III Отдѣленія, писалъ ему, вызывая явиться для объясненій. Первое письмо По-

Бѣлинскій передъ смертью.

Съ картины художника Наумова.

пова было послано 20 февраля; больной Бѣлинскій не могъ явиться на этотъ зовъ, но былъ встревоженъ такимъ требованіемъ. Прошло болѣе мѣсяца; Бѣлинскому становилось хуже и хуже; 27 марта послѣдовало второе письмо отъ Попова, въ которомъ бывшій учитель успокоивалъ, что приглашаютъ его только затѣмъ, что «желаютъ познакомиться» съ нимъ. Вотъ, 28 марта 1848 года, когда явился посланный со вторичнымъ письмомъ Попова, у больнаго Бѣлинскаго сидѣли Некрасовъ и Панаевъ. Послѣ этого втораго письма Попова, опять повторявшаго приглашеніе явиться, одинъ изъ пріятелей Бѣлинскаго отправился къ Попову для переговоровъ, и бывшій учитель великаго критика «просилъ успокоить больнаго и объяснить ему, что онъ вызывался не по какому либо частному дѣлу или обвиненію, но какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, единственно для того, чтобы познакомиться съ начальникомъ вѣдомства (гдѣ служилъ Поповъ), хозяиномъ русской литературы»... Такимъ образомъ Наумовъ изобразилъ на своей картинѣ, какъ 27 марта 1848 г. при Некрасовѣ и Панаевѣ въ квартиру Бѣлинскаго явился посланный Попова».

И г-жа Орлова, присутствовавшая въ домѣ, когда умиралъ Бѣлинскій, ничего не говоритъ объ обыскѣ и жандармахъ, но въ слѣдующемъ простомъ и безыскусственномъ разсказѣ повѣствуетъ о послѣднихъ минутахъ Бѣлинскаго [1]).

«Наканунѣ смерти, 25 мая, онъ былъ очень тихъ, совсѣмъ не кашлялъ. Нѣсколько ночей сряду сестра плохо спала, утомилась сильно и часовъ въ 10 вечера пришла ко мнѣ въ комнату, чтобы уснуть. Я осталась сидѣть въ спальнѣ прямо противъ его постели; взяла какую-то книгу и дѣлала видъ, что читаю, а сама изъ-за книги взглядывала на него. Онъ лежалъ тихо, не кашлялъ, ничего не говорилъ, а глядѣлъ какъ будто на меня такими большими глазами; отъ его взглядовъ я не знала, куда дѣваться, а между тѣмъ должна была казаться покойной. Онъ часто просилъ пить и спрашивалъ, который часъ, а самъ все двигался къ краю постели. Я подложила подушку подъ матрасъ, чтобы не упалъ. Сперва онъ пилъ изъ стакана, а потомъ прямо изъ графина и такъ много пилъ, тоска становилась все сильнѣе; все чаще спрашивалъ, который часъ. Такъ пробыла я до 1 часу, потомъ онъ говоритъ: «Позовите жену!» Я побѣжала за ней; она пришла и видитъ, что онъ уже не лежитъ, а сидитъ на постели, волосы поднялись дыбомъ, глаза испуганные. — Ты вѣрно чего нибудь испугался? — «Какъ не испугаться!—живого человѣка жарить хотятъ». Сестра успокоила его, говоря, что это ему приснилось; она уложила его покойнѣе и бѣгомъ побѣжала сказать мнѣ, что агонія началась. Но я заснула крѣпко, она не захотѣла меня будить. Вернувшись въ спальню, видитъ, что Бѣлинскій поднимается; она подложила ему подъ спину подушки и сама рукой поддерживала его. Необыкновенно громко, но отрывочно началъ онъ произносить какъ будто рѣчь къ народу. Онъ говорилъ о геніи, о честности, спѣшилъ, задыхался. Вдругъ съ невыразимой тоской, съ болѣзненнымъ воплемъ говоритъ: «А они меня не понимаютъ, совсѣмъ не понимаютъ!»—Это ничего: теперь не понимаютъ—послѣ поймутъ.—«А ты-то понимаешь ли меня?»—Конечно, понимаю.—«Ну, такъ растолкуй имъ и дѣтямъ». И все тише и невнятнѣе дѣлалась его рѣчь. Сестра уложила его. Онъ все продолжалъ говорить. Вдругъ заплакала его дочь; онъ услышалъ ее: «Бѣдный ребенокъ, ее одну, одну оста-

---

[1]) «Лепта Бѣлинскаго въ пользу голодающихъ», М., 1892 г.

Жена Бѣлинскаго, Марья Васильевна (слѣва), сестра ея, дѣвица Агриппина Васильевна Орлова (справа), дочь Бѣлинскаго, Ольга (посрединѣ).

Съ фотографіи, снятой въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

вилп!»—Нѣтъ, она не одна—сестра съ ней.—А я, какъ успокоила ее, тотчасъ же опять уснула. Наконецъ, въ шестомъ часу утра, 22 мая, онъ умеръ тихо. Сестра все время оставалась съ нимъ одна. Въ день смерти пришелъ Панаевъ, прошелъ въ заднюю комнату, гдѣ была сестра, и сказалъ ей захлебывающимся отъ рыданій голосомъ: «Ради Бога, ни о чемъ не заботьтесь, все будетъ сдѣлано». И дѣйствительно, похоронили его въ складчину пріятели, которые и содержали насъ до конца ноября; тутъ мы отправились съ двумя дѣтьми и съ собакой Бѣлинскаго въ Москву, страшно бѣдствовали дорогой.

«Весной передъ смертью Бѣлинскаго денегъ въ домѣ совсѣмъ не было. За квартиру и прислугѣ за нѣсколько мѣсяцевъ не заплачено; пришлось еще при жизни его продать рубашки, что онъ привезъ изъ-за границы. Трауръ не на что было купить, и сестра носила крашеное шолковое платье».

Таковъ былъ печальный конецъ жизни Бѣлинскаго, такъ много поработавшаго на пользу своей отчизны и такъ слабо вознагражденнаго при жизни и по смерти за свои труды. Онъ умеръ нищимъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, и оставилъ по себѣ семью въ нищетѣ и горѣ, столь рельефно описанныхъ дочерью Бѣлинскаго (Ольгою Вессаріоновною Бензи) въ ея недавней бесѣдѣ съ парижскимъ сотрудникомъ «Новостей», г. Семеновымъ.

«Послѣ смерти отца мы остались совершенно безъ средствъ,—говорила О. В.—матушка въ положеніи (она вскорѣ родила сестру Вѣру), тетушка и я. Я, разумѣется, не помню бѣдствій перваго времени. Но уже помню, хотя смутно, нашъ переѣздъ въ Москву. Матушка до замужества воспитывалась и служила въ Александровскомъ институтѣ въ Москвѣ. Начальница института, швейцарка родомъ, г-жа Шарпіо, узнавъ о ея положеніи, предложила ей мѣсто кастелянши въ институтѣ, съ жалованьемъ 11 рублей съ мѣсяцъ... Между голодной смертью и этимъ заработкомъ выбора, конечно, не могло быть, и мы въ ноябрѣ или декабрѣ отправились въ Москву. Должность кастелянши состояла въ надзорѣ за прачками и за бѣльемъ въ институтѣ (своего рода lingère en chef). Вы можете себѣ представить общественное положеніе, трезвость и, вообще, поведеніе этихъ прачекъ особливо въ то время, когда понятія о человѣческомъ достоинствѣ, о гигіенѣ и т. п. были менѣе, чѣмъ элементарны. Никогда не забуду перваго впечатлѣнія, перваго появленія этихъ 6 прачекъ, встрѣчи ихъ будущей начальницы! Когда я впослѣдствіи читала сцену вѣдьмъ въ «Макбетѣ», предо мною всегда возставало это первое появленіе подчиненныхъ моей матушки... Намъ отвели большую комнату, какъ разъ надъ прачешной. Съ содроганіемъ вспоминаю эту комнату во флигелѣ, угловую, большую въ 5 оконъ: 2 окна въ одной стѣнѣ и три въ другой рядомъ; отовсюду дуло; холодъ былъ такой, что вода въ графинѣ замерзала черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ ее приносили въ комнату. У насъ у всѣхъ были тѣневые—какъ ихъ звали—сапоги на мѣху, и то ноги мерзли! Тетушка — мастерица на этотъ счетъ — обила всѣ окна войлокомъ, оставивъ одно только оконцо для свѣта, но это, разумѣется, мало помогло. Меня, я помню, держали изъ-за холода 8 мѣсяцевъ въ году въ постели,—меня, живого, рѣзваго ребенка! Я ужасно отъ этого страдала. Къ этому холоду надо прибавить жизнь почти впроголодь. Насъ было четыре человѣка на одну порцію, которую отпускали матушкѣ, а на одиннадцать рублей въ мѣсяцъ многаго не прибавишь къ одной порціи на четверыхъ! Но ужаснѣе всего были постоянный угаръ и дымъ, проникавшіе къ намъ снизу.

Я до сихъ поръ не могу понять, какъ мы остались живы... Потомъ, правда, прачешную перевели въ другое мѣсто и нижнюю комнату топили только разъ въ мѣсяцъ, но и разъ въ мѣсяцъ угаръ, какъ диверсія отъ холода,—это было ужасно! Сестра вскорѣ сдѣлалась жертвой этой ужасной жизни и обстановки и умерла... Я тоже заболѣла; призванный институтскій врачъ оказался разумнымъ человѣкомъ и понялъ мою болѣзнь: «Да ее кормить надо — не то и она умретъ!». Вынесла же горя и страданій моя матушка: всѣ несчастія обрушились на нее. Даже съ квартирой ей не повезло: у нея была помощница, такъ та уже давно была на мѣстѣ и имѣла свою квартиру, а моя матушка пріѣхала новичкомъ, и ей отвели первую попавшуюся комнату. Да, вотъ, эта помощница! Она, очевидно, относилась враждебно къ моей матушкѣ, которую она, вѣроятно, считала помѣхой для своей карьеры (!), для своего положенія—une intrue—и интриговала, какъ и гдѣ могла. Помню, какъ всѣ эти матеріальныя и моральныя мученія отражались на матушкѣ, которая всегда и раньше была нервная, больная... Боже мой! эти семейныя сцены горя и слезъ въ комнатѣ кастелянши! А подчиненныя матушки! Сцены, при которыхъ ей приходилось присутствовать! Рѣчи, которыя ей приходилось слышать! Помню, разъ прибѣжала помощница съ крикомъ: «барыня, барыня! Идите скорѣе внизъ; такая-то и такая-то подрались». Матушка поспѣшила внизъ, я, воспользовавшись суматохой, изъ дѣтскаго любопытства шмыгнула въ открытую дверь за матушкой, и Боже мой! какая картина представилась моимъ глазамъ: двѣ прачки въ изодранномъ въ клочки платьѣ, съ распущенными, растрепанными въ дракѣ волосами, съ окровавленными лицами, оглашали прачешную ужасной бранью!».

Печально кончились многострадальные дни величайшаго русскаго критика, печальная участь постигла на первыхъ порахъ его семейство, обреченное на жестокую борьбу за право существованія. Мало того, самое имя критика сдѣлалось символомъ чего-то опаснаго, подозрительнаго, о чемъ можно было говорить съ большою осторожностью лишь въ тѣсномъ кругу. О величаніи его заслугъ передъ русской литературой и русской жизнью не могло быть и рѣчи, благодаря чему Чернышевскій въ своихъ критическихъ «очеркахъ» вынужденъ даже окрестить ихъ произвольнымъ именемъ «Гоголевскіе», дабы только не группировать ихъ вокругъ имени Бѣлинскаго, который на самомъ дѣлѣ являлся, однако, центральною фигурой этихъ «очерковъ». Но время сдѣлало свое дѣло; понемногу и постепенно Россія освободилась отъ разныхъ ложныхъ страховъ и опасностей; выяснилось съ полною очевидностію значеніе ея наиболѣе просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ работниковъ, содѣйствовавшихъ сокрушенію ложныхъ основъ ея дореформенной жизни, и вотъ въ настоящее время мы свободно и безстрашно можемъ говорить,

Какой свѣтильникъ разума погасъ,
Какое сердце биться перестало

пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ одну изъ самыхъ темныхъ эпохъ русской жизни текущаго столѣтія. Русское общество, въ предѣлахъ своей

свободы и своихъ средствъ, дружно сознало необходимость достойнымъ образомъ почтить великую память своего павшаго въ жизненной борьбѣ героя-праведника, и то, что обществомъ было сдѣлано съ этою цѣлью, вполнѣ наглядно показываетъ его умственную зрѣлость, ростъ его національнаго (въ лучшемъ смыслѣ слова) самосознанія. Посмотримъ же теперь, какъ отмѣчено было значеніе пятидесятой годовщины кончины нашего критика, и какія именно его заслуги передъ родною землею выступили съ особенною рельефностью въ знаменательные дни литературныхъ торжествъ, посвященныхъ имени Бѣлинскаго и кратковременной его литературной дѣятельности.

IX.

Приготовленія къ чествованію памяти Бѣлинскаго и стремленіе подчеркнуть общественный смыслъ готовящагося полувѣковаго юбилея со дня его кончины относятся еще къ 1896 г., когда вышло удешевленное Павленковское изданіе «сочиненій» нашего критика. По поводу этого новаго изданія въ журналахъ и газетахъ появляется въ теченіе всего 1897 г. рядъ статей о Бѣлинскомъ, изъ коихъ я уже обратилъ вниманіе читателей на статью г. Филиппова «Философскія убѣжденія Бѣлинскаго», напечатанныя въ его журналѣ «Научное Обозрѣніе» за 1897 г. Осенью же 1897 г., въ Кіевѣ, въ коллегіи Павла Галагана, преподаватель Г. В. Александровскій произноситъ публичную рѣчь «Къ пятидесятилѣтію смерти В. Г. Бѣлинскаго», которая затѣмъ поступаетъ въ продажу отдѣльной брошюрой. Съ начала 1898 г. предвѣстники наступающаго юбилея попадаются все чаще и чаще. Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ, г. Якушкинъ читаетъ въ Историческомъ музеѣ публичныя лекціи о Бѣлинскомъ, собирающія массу публики и производящія обстоятельностью изложенія фактовъ жизни нашего критика и теплотою чувствъ, вложенныхъ лекторомъ въ свои чтенія, сильное впечатлѣніе на слушателей. По мнѣнію Якушкина, «взгляды и идеи Бѣлинскаго дали содержаніе всей дальнѣйшей критической литературѣ; великій критикъ впервые представилъ надлежащую оцѣнку всѣмъ выдающимся явленіямъ русской словесности, онъ первый напутствовалъ дѣятельность писателей, которыми гордится новѣйшая русская литература, онъ содѣйствовалъ общественному воспитанію подроставшихъ поколѣній».

Въ той же Москвѣ, на святой недѣлѣ, состоялось торжественное чествованіе памяти Бѣлинскаго Обществомъ любителей россійской словесности, въ актовомъ залѣ университета.

Предсѣдатель Общества, Н. И. Стороженко, открылъ торжество обращеніемъ съ привѣтствіемъ отъ имени Общества къ свояченицѣ Бѣлин-

скаго, А. В. Орловой, причемъ передалъ ей въ воспоминаніе о чествованіи заслугъ ея великаго родственника букетъ цвѣтовъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ своей рѣчи проф. Стороженко остановился главнымъ образомъ на одномъ вопросѣ,—вопросѣ объ эволюціи критическихъ взглядовъ Бѣлинскаго. Перечисливъ всѣ тѣ переходы въ воззрѣніяхъ критика на художественное творчество, которые слѣдовали другъ за другомъ вплоть до петербургскаго періода дѣятельности критика, проф. Стороженко указалъ, какъ подъ вліяніемъ условій русской дѣйствительности Бѣлинскій постепенно превращался изъ критика-эстетика въ критика-публициста, отрѣшившагося подъ напоромъ предъявляемыхъ жизнью требованій отъ эстетическихъ и гегеліанскихъ увлеченій и замѣнившаго ихъ опредѣленнымъ общественно-моральнымъ ученіемъ. Это, однако, не была измѣна однимъ взглядамъ и предпочтеніе имъ другихъ, противоположныхъ; это было постепенное развитіе, переработка воззрѣній, неустанное движеніе впередъ.

Послѣдовавшее за симъ сообщеніе И. И. Иванова «Бѣлинскій, какъ русскій культурно-историческій типъ» представило живую картину внутренней жизни и постепеннаго духовнаго роста критика. Это былъ,—говорилъ г. Ивановъ,—прирожденный апостолъ, искавшій прозелитовъ во что бы то ни стало и несмущавшійся, когда встрѣчалъ на своемъ пути несогласныхъ съ собою. Если онъ шелъ не всегда одною дорогою, то цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, принципы, которымъ служилъ, были всегда неизмѣнны. Завѣты, оставленные Бѣлинскимъ, далеко еще не осуществлены; средства и способы, которые онъ примѣнялъ въ своихъ писаніяхъ,—обнаженіе русской дѣйствительности и сопоставленіе съ нею результатовъ и выводовъ европейской общественной мысли и жизни,—надолго еще останутся надежными и неизбѣжными. И если одинъ изъ враговъ Бѣлинскаго сказалъ про него: «Бѣлинскій умеръ,—живъ Бѣлинскій», то въ этихъ словахъ заключается лучшая похвала знаменитому дѣятелю, невольное признаніе его неумирающаго вліянія на послѣдующую жизнь и послѣдующія поколѣнія.

Фактическій, по преимуществу, характеръ имѣло сообщеніе В. Е. Якушкина: «Бѣлинскій, его друзья и враги», гдѣ лекторъ напомнилъ главнѣйшіе эпизоды изъ жизни и дѣятельности великаго критика. По поводу раздававшихся нерѣдко возгласовъ о недостаточности знаній Бѣлинскаго г. Якушкинъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Если офиціальный университетъ и не призналъ Бѣлинскаго, то годы студенчества оказали тѣмъ не менѣе на него огромное вліяніе, а потомъ люди и книги сдѣлали то, что не всегда въ состояніи сдѣлать и университетъ. Бѣлинскій въ годы своего ученія встрѣчается вездѣ съ людьми выше средняго уровня, впитавшими въ себя, такъ сказать, всѣ результаты предшествующей работы общественной мысли, и на него въ общемъ оказала вліяніе вся сово-

купность тогдашней русской образованности. Въ заключеніе своего сообщенія г. Якушкинъ остановился на вопросѣ о редакціи изданій сочиненій Бѣлинскаго. Г. Якушкинъ отмѣтилъ, что первое изданіе, выпущенное въ 1859 году К. Т. Солдатенковымъ и Н. М. Щепкинымъ подъ редакціей Н. Х. Кетчера и отчасти А. Д. Галахова, имѣвшее такое важное значеніе, не было полнымъ: Кетчеръ не все написанное Бѣлинскимъ внесъ въ изданіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напечатаннаго имъ были сдѣланы пропуски. Между тѣмъ это изданіе перепечатывалось затѣмъ безъ перемѣнъ, а въ изданіи, выпущенномъ въ 1896 году г. Павленковымъ, были произведены еще и новыя сокращенія. Г. Якушкинъ высказалъ пожеланіе, чтобы въ настоящее время было предпринято такое собраніе сочиненій Бѣлинскаго, которое можно было бы назвать дѣйствительно полнымъ.

Яркою характеристикою душевнаго склада Бѣлинскаго явилось сообщеніе А. Н. Веселовскаго «Orlando furioso» [1]). Напомнивъ о томъ, какъ произведеніе Аріосто, усердно читавшееся Бѣлинскимъ и его товарищами-студентами, дало поводъ къ наименованію страстнаго и увлекающагося юноши сначала «неистовымъ Роландомъ», затѣмъ «неистовымъ Виссаріономъ», проф. Веселовскій провелъ параллель между героемъ Аріосто и его русскимъ снимкомъ въ лицѣ Бѣлинскаго. При кипучемъ темпераментѣ Бѣлинскаго, при томъ ускоренномъ темпѣ, которымъ билась его жизнь, для него были особенно тягостны общественныя условія тогдашней русской жизни, когда приходилось молчать или тщательно скрывать свои мысли, между тѣмъ какъ, по выраженію Бѣлинскаго, «хотѣлось порою умереть отъ избытка жизни». Статьи Бѣлинскаго представляютъ лишь слабую копію, блѣдный оттискъ того первичнаго образа, который имѣли мысли Бѣлинскаго, и не только потому, что статьи урѣзывались цензурою, но и потому, что бумага никогда не передастъ того увлеченія волненія и страсти, которыми горѣлъ Бѣлинскій, когда писалъ свои произведенія. И ни въ западной литературѣ, ни въ русской послѣ Бѣлинскаго нельзя указать такого удивительнаго слиянія критическаго чутья, публицистическаго таланта и горячаго чувства, которое представилось въ лицѣ знаменитаго нашего критика. И если въ литературной критикѣ имя Бѣлинскаго останется незабвеннымъ, то въ исторіи личности въ Россіи этотъ «гладіаторъ» и рыцарь правды займетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

«Сложнымъ, извилистымъ, полнымъ переходовъ, колебаній, разочарованій и радостныхъ открытій, представляется долгій путь, пройденный Бѣлинскимъ въ поискахъ за истиной,—сказалъ А. Н. Веселовскій,—но черезъ всѣ ступени развитія проходитъ цѣльный и не пострадавшій отъ столкновеній съ дѣйствительностью нравственный образъ, которому на старомъ литературномъ жаргонѣ не нашлось

---

[1]) Рѣчь эта нынѣ полностью напечатана въ «Новостяхъ» (№ 142), 26-го мая, въ день пятидесятилѣтія кончины Бѣлинскаго.

иного прозвища, кромѣ эпическаго имени Аріостова героя. Въ наше время золотой середины и мудрой практической умѣренности, когда воодушевленіе начинаетъ казаться чѣмъ-то старомоднымъ, добытымъ изъ архивовъ сороковыхъ или шестидесятыхъ годовъ, образъ этотъ является еще поразительнѣе.

«Пусть же исторія русской критики вѣнчаетъ Бѣлинскаго, какъ ея творца,— исторія развитія личности на Руси будетъ всегда считать однимъ изъ своихъ лучшихъ украшеній такого рыцаря правды, какъ нашъ незабвенный «неистовый Орландъ».

Сообщеніе Г. А. Джаншіева «Бѣлинскій и эпоха реформъ» устанавливало связь реформъ 60-хъ гг. съ публицистическою дѣятельностью Бѣлинскаго. Наиболѣе крѣпка эта связь, конечно, съ главнѣйшею язвой нашего дореформеннаго быта--крѣпостнымъ правомъ. Еще на студенческой скамьѣ Бѣлинскій написалъ драму «Дмитрій Калининъ», бичующую зло крѣпостнаго права и аттестованную начальствомъ «безчестною». Этимъ произведеніемъ юноша какъ бы далъ Аннибалову клятву бороться всю жизнь съ существовавшимъ въ русской дѣйствительности порабощеніемъ человѣка. Если на необходимость другихъ реформъ Александра II въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго и нѣтъ прямыхъ указаній, то, съ одной стороны, они подготовили ту почву, благодаря которой сдѣлалось возможнымъ возрожденіе Россіи, съ другой—въ письмахъ Бѣлинскаго разбросано множество мыслей, показывающихъ, что знаменитымъ публицистомъ ясно сознавался не только духъ, въ которомъ предстояло произвести преобразованіе русской жизни, но и тѣ конкретныя сферы ея, которыя въ преобразованіяхъ нуждались.

Въ заключеніе артистъ Сумбатовъ прочиталъ поэму Некрасова «Бѣлинскій», не попавшую въ полное собраніе стихотвореній поэта.

Торжество засѣданія находилось въ связи съ «выставкой» въ память Бѣлинскаго, устроенною обществомъ. Портреты, бюсты, рукописи Бѣлинскаго, портреты его друзей, литературныхъ противниковъ, его издателей,—все, что имѣется въ извѣстныхъ частныхъ собраніяхъ и связано съ именемъ знаменитаго критика, доставлено было на выставку. Большинство предметовъ по разнымъ отдѣламъ выставки взято было изъ собранія П. А. Ефремова, другіе предметы доставлены отъ М. Е. Коршъ, К. Т. Солдатенкова, кн. Н. В. Шаховскаго, А. И. Станкевича, Е. И. Якушкина, Н. И. Стороженко, В. Е. Якушкина, А. Ѳ. Ушакова, А. Н. Невѣрова, Е. С. Некрасовой, А. Б. Щепкиной, М. П. Щепкина, А. П. Ивановой, Ѳ. Е. Корша, Н. Н. Щепкина, П. В. Толченова, А. А. Астапова, А. П. Бахрушина, Д. М. Щепкина. Въ первомъ отдѣлѣ выставки портреты Бѣлинскаго и виды его могилы представлены изъ собранія П. А. Ефремова. Здѣсь помѣщены были портреты критика въ литографіи, исполненной въ 1843 году по рисунку съ натуры академика К. А. Горбунова, въ нѣсколькихъ другихъ литографіяхъ и политипажахъ съ того же оригинала; гравюра Ѳ. И. Іордана 1859 года съ того же оригинала,

съ прибавкой усовъ и бороды, сдѣланною самимъ К. А. Горбуновымъ на его литографіи на другой день кончины Бѣлинскаго; рисунокъ карандашемъ А. Редера, 1858 г., для Н. А. Некрасова по оригиналу О. М. Языковой, сдѣланному съ натуры въ маѣ 1848 года и находящемуся въ Третьяковской городской галлереѣ; фототипія художника Астафьева, 1881 г., сдѣланная по бюстамъ и портретамъ Бѣлинскаго; Бѣлинскій въ гробу, раскрашенная фотографія A. Deveria съ оригинала, писаннаго масляными красками К. А. Горбуновымъ на другой день по кончинѣ геніальнаго критика и хранящагося у его дочери О. В. Бензи; эскизъ могилы Бѣлинскаго, сдѣланный съ натуры масляными красками художникомъ Н. Н. Ге, 15-го августа 1856 г.; фотографія съ могилы Бѣлинскаго, послѣ похоронъ Добролюбова, съ могилою послѣдняго, 1862 г.; видъ могилъ Бѣлинскаго и Добролюбова, политипажъ въ Сіяніи 1872 г. и пр. Въ томъ же отдѣлѣ выставлены три бюста В. Г. Бѣлинскаго: бронзовый—работы Н. Н. Ге, изъ собранія К. Т. Солдатенкова, и два гипсовыхъ, одинъ—работы того же художника, а другой работы А. С. Козлова, и посмертная гипсовая маска, а также подлинная фотографія М. В. Бѣлинской съ дочерью Ольгой Виссаріоновной и сестрою А. В. Орловой (фототипія этого портрета была помѣщена въ «Братской помощи») и фотографіи 1898 г. дочери критика О. В. Бензи и ея сыновей Владиміра и Евгенія. Въ отдѣлѣ, представляющемъ университетскій кружокъ и московскихъ друзей Бѣлинскаго, помѣщены были портреты въ литографіяхъ, фотографіяхъ, фототипіяхъ, гравюрахъ, акварел яхъ и политипажахъ: Н. В. Станкевича (два портрета и медальонъ), М. А. Бакунина, М. Н. Каткова, И. П. Клюшникова, Н. X. Кетчера, К. С. Аксакова (очень интересный оригиналъ, рисованный К. К. Павловой), Ю. Ѳ. Самарина, Я. М. Невѣрова, А. П. Ефремова, Н. П. Фролова, А. И. Герцена (8 портретовъ), Н. А. Герценъ, Герцена и Огарева, дѣтей Герцена, Н. П. Огарева, В. В. Пассекъ, Н. М. Сатина, Т. Н. Грановскаго (два портрета, бюстъ медальонъ), Е. Б. Грановской, Е. Ѳ. Коршъ, М. Ѳ. Коршъ, С. К. Коршъ, А. Д. Галахова, П. Н. Кудрявцева, А. В. Кольцова, И. И. Лажечникова, Н. Ф. Павлова, Н. А. Полеваго, П. Я. Чаадаева, М. С. Щепкина, Д. М. Щепкина, П. С. Мочалова. Въ отдѣлѣ, представляющемъ московскихъ славянофиловъ, выставлены фотографіи, фототипіи, гравюры и литографіи: С. Т. Аксакова, К. С. Аксакова, Ю. Ѳ. Самарина, И. С. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. Кирѣевскаго и Н. М. Языкова. Начальство и профессора Московскаго университета 30-хъ и 40-хъ годовъ представлены портретами: попечителя кн. С. М. Голицына, ректора И. А. Двигубскаго, профессора и инспектора П. С. Щепкина, профессора и цензора Л. А. Цвѣтаева, профессоровъ Н. И. Надеждина, М. Г. Павлова, М. Т. Каченовскаго, А. М. Кубарева, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и И. И. Давыдова. Въ отдѣлѣ, изображающемъ петер-

бургскихъ друзей и знакомыхъ Бѣлинскаго, выставлены портреты: А. А. Краевскаго, И. И. Панаева, Е. Я. Панаевой-Головачевой, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева (1838—1839 гг.), Д. В. Григоровича, И. А. Гончарова, Ѳ. М. Достоевскаго, А. В. Дружинина, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, К. Д. Кавелина, гр. В. А. Соллогуба, гр. Л. Н. Толстого, И. И. Лажечникова, В. Г. Бенедиктова, Ѳ. Н. Глинки, Н. Ѳ. Щербины, Н. М. Львова, А. Н. Майкова, А. Ѳ. Писемскаго, П. И. Мельникова и Я. П. Полонскаго. Рядомъ помѣщалась группа фотографическихъ портретовъ работы Левицкаго, снятыхъ въ 1850-хъ годахъ съ литераторовъ: В. П. Боткина, кн. П. А. Вяземскаго, Ѳ. И. Тютчева, П. В. Анненкова, А. С. Струговщикова, А. Н. Островскаго, А. А. Потѣхина и упомянутыхъ выше первоклассныхъ нашихъ писателей; далѣе портреты Пушкина, Лермонтова и Гоголя, какъ нашихъ великихъ писателей, оцѣнка дѣятельности которыхъ дана Бѣлинскимъ, и портреты авторовъ болѣе выдающихся сочиненій и статей о В. Г. Бѣлинскомъ: Н. Г. Чернышевскаго, Н. А. Добролюбова, Д. Д. Минаева, А. А. Григорьева, архимандрита Ѳеодора (А. М. Бухарева), Д. И. Писарева, О. Ѳ. Миллера, А. Н. Пыпина, А. М. Скабичевскаго, Н. К. Михайловскаго. Въ отдѣлѣ, представляющемъ противниковъ Бѣлинскаго, помѣщены портреты: Ѳ. В. Булгарина, Греча, Сенковскаго, А. Ѳ. Воейкова, графа А. Х. Бенкендорфа, графа А. Ѳ. Орлова и Л. В. Дубельта. Имѣются также портреты художниковъ, давшихъ изображенія критика,—К. А. Горбунова, Н. Н. Ге и А. А. Наумова,—и издателей его сочиненій: К. Т. Солдатенкова, Н. М. Щепкина, А. И. Глазунова.

Подлинныя черновыя рукописи Бѣлинскаго представлены были изъ собранія П. В. Толченова въ количествѣ 357 листовъ. Рукописи эти представляютъ части статей В. Г. Бѣлинскаго: «Гамлетъ» въ переводѣ Н. Полеваго, 1837 г.; «Уголино», драма Полеваго; «Сто русскихъ литераторовъ»; «О народной поэзіи»; «Стихотворенія графини Ростопчиной», 1841 г.; «Взглядъ на русскую литературу», 1846 г.; «Мертвыя души Гоголя» и др. Вмѣстѣ съ рукописями выставлены 11 записочекъ В. Г. Бѣлинскаго къ А. П. Ефремову, письмо къ нему и письмо Бѣлинскаго къ его невѣстѣ. Изъ журналовъ и сборниковъ, гдѣ помѣщались статьи Бѣлинскаго, выставлены были: Молва 1834 г., Телескопъ, въ которомъ между прочимъ помѣщены первая статья Герцена о Гофманѣ и «Философскія письма» Чаадаева, московскій Наблюдатель съ статьей Бѣлинскаго о «Гамлетѣ» и Мочаловѣ въ роли Гамлета; Отечественныя Записки съ первою статьей Бѣлинскаго въ этомъ журналѣ— «Бородинская годовщина» и послѣднею—«Сочиненія А. Пушкина», статья 11-я и послѣдняя; «Современникъ» Некрасова и Панаева съ первою статьей Бѣлинскаго въ этомъ журналѣ и послѣднею въ № 4-мъ за 1848 г.—«П. С. Мочаловъ», которою закончилась дѣя-

тельность великаго критика; «Физіологія Петербурга», сборникъ Некрасова, и его же «Петербургскій сборникъ». Въ этомъ же отдѣлѣ выставлены: Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г., въ которомъ помѣщена драма Бѣлинскаго, послужившая однимъ изъ поводовъ къ увольненію его изъ университета; сборникъ «Въ пользу голодающихъ» 1892 г., гдѣ помѣщены воспоминанія А. В. Орловой, письма Бѣлинскаго и Боткина, «Жизнь и труды М. П. Погодина», Николая Барсукова, 1894 г., гдѣ помѣщено письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его «Переписки съ друзьями»; «Почпнъ», сборникъ общества любителей россійской словесности на 1896 г., гдѣ помѣщены письма Бѣлинскаго къ невѣстѣ, и «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ», изд. Г. Джаншіева, 1897 г., гдѣ напечатаны отрывки изъ переписки Бѣлинскаго съ женою. Вмѣстѣ съ тѣмъ выставлены книги, изданныя Бѣлинскимъ: «Основанія русской грамматики», «Н. А. Полевой», а также книги и брошюры о Бѣлинскомъ, отдѣльно изданныя: «Очерки гоголевскаго періода русской литературы» Н. Г. Чернышевскаго, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» А. Н. Пынина; «Бѣлинскій какъ педагогъ» О. Ѳ. Миллера, «Бѣлинскій какъ моралистъ» арх. Ѳеодора, «Русская народная поэзія и Бѣлинскій» С. Бураковскаго, а также статьи о Бѣлинскомъ Свіяжскаго, Скабичевскаго, Туркина, И. Ѳеоктистова и Протопопова. На выставкѣ находился оригиналъ картины А. А. Наумова—«Бѣлинскій передъ смертью»; рядомъ съ нею помѣщались снимки съ апоѳеоза Бѣлинскаго, нарисованнаго французскимъ художникомъ Полемъ Леруа, и фотографія съ проекта памятника Бѣлинскому, изготовляемаго художникомъ Каплановъ.

Откликами въ литературѣ этихъ московскихъ торжествъ являются вышедшія недавно два изданія юбилейнаго характера: «Альбомъ выставки, устроенной обществомъ любителей россійской словесности въ память Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго», и сборникъ подъ заглавіемъ «Семь статей». Первое изданіе выполнено художественной фототипіей въ Москвѣ К. А. Фишера и содержитъ въ себѣ по большей части прекрасно и отчетливо воспроизведенныхъ 114 снимковъ съ разныхъ портретовъ, гравюръ, картинъ и рукописей, фигурировавшихъ на юбилейной выставкѣ 8—12-го апрѣля. Значеніе альбома г. Фишера двоякое: во-первыхъ, онъ является виднымъ памятникомъ общественной русской жизни за 1898 годъ, когда около имени великаго отечественнаго писателя дружно собрались выдающіеся представители науки и литературы, объединенные общею любовью и уваженіемъ къ человѣку, столь много поработавшему на благо русскаго народа; во-вторыхъ,—и что наиболѣе существенно,—альбомъ представляетъ собою первую полную коллекцію портретовъ дѣятелей сороковыхъ (главнымъ образомъ) годовъ въ прекрасныхъ и интересныхъ экземплярахъ, составляю-

щихъ настоящую драгоцѣнную рѣдкость. Всѣ снимки въ альбомѣ сдѣланы, за исключеніемъ весьма немногихъ (Пыпина, Михайловскаго, Чернышевскаго), очень отчетливо, а вся ихъ совокупность, не исключая и каррикатуръ (на Греча, Булгарина, Краевскаго, а также каррикатуры Степанова «Типографскія превращенія»), обстоятельно воспроизводятъ среду, въ которой вращался покойный критикъ, и которая такъ или иначе имѣла вліяніе и отражалась на его жизни и дѣятельности. Къ сожалѣнію, «Альбомъ» не даетъ одной и очень притомъ существенной стороны жизни Бѣлинскаго: въ немъ нѣтъ ничего касающагося его родительской семьи, обстановки, въ которой протекали годы его дѣтства и юности, короче, нѣтъ ничего, что бы намъ говорило о Чембарѣ и Пензѣ. Конечно, винить въ этомъ издательскую фирму К. Фишера не приходится; она добросовѣстно лишь воспроизвела то, что было на выставкѣ въ Москвѣ, но устроители-то выставки объ этомъ могли въ свое время подумать. Вѣдь даже юбилейные №№ нашихъ иллюстрированныхъ изданій, «Нивы», «Живописнаго Обозрѣнія», «Всемірной Иллюстраціи», нашли возможнымъ воспроизвести кое-что изъ видовъ родины Бѣлинскаго, тѣмъ паче объ этомъ слѣдовало озаботиться при организаціи выставки, и тогда, напримѣръ, г. Фишеру не пришлось бы наполнять альбома, посвященнаго Бѣлинскому, воспроизведеніемъ въ нѣсколькихъ видахъ портретовъ одного и того же лица (напримѣръ, жены Герцена, имѣвшей, въ сущности, очень отдаленное отношеніе къ критику), а представилась бы возможность дать публикѣ портреты родителей и родичей Бѣлинскаго, найти которые, по всей вѣроятности, все же есть хоть нѣкоторая возможность.

Кромѣ портретовъ, изъ бывшихъ на выставкѣ рукописей въ «Альбомѣ» данъ снимокъ съ заключительныхъ строкъ въ статьѣ о «Гамлетѣ» Полевого, съ подписью Бѣлинскаго. Далѣе слѣдуютъ снимки съ трехъ записочекъ къ А. П. Ефремову, университетскому товарищу и близкому пріятелю критика. Снята также та страница изъ записной черновой книги инспектора П. С. Щепкина, гдѣ записано представленіе объ исключеніи Бѣлинскаго изъ университета. На одной страницѣ даны три снимка изъ полицейской книги дома Н. Г. Ефремовой, по Савеловскому переулку, гдѣ жилъ Бѣлинскій съ братомъ, племянникомъ и Бакунинымъ въ 1837—1838 гг. Наконецъ, изъ книги «Руководство къ механикѣ» снята страница, гдѣ написано о награжденіи этою книгой Бѣлинскаго, ученика 2-го класса Пензенской гимназіи.

Альбомъ по изяществу и интересу заключающагося въ немъ матеріала стоитъ недорого—1 рубль 75 копеекъ, и потому, вскорѣ по своемъ появленіи въ продажѣ, былъ разобранъ публикой.

Иное значеніе второго юбилейнаго изданія «Семь статей В. Г. Бѣ-

линскаго», гдѣ текстъ статей дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ редакціей П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина. Я уже отмѣтилъ въ рѣчи В. Е. Якушкина то мѣсто, гдѣ ораторъ говорилъ о необходимости воспроизведенія истиннаго текста статей Бѣлинскаго, а также изданія полнаго собранія его сочиненій, минуя тѣ выкидки и пропуски, которые были допущены первыми редакторами—Кетчеромъ и Галаховымъ. Вотъ вышедшій-то сборникъ «Семи статей» и является первымъ шагомъ по пути воспроизведенія текста статей Бѣлинскаго, какъ онѣ были имъ въ рукописяхъ переданы въ портфели редакцій. Изъ 357 листовъ рукописей, пріобрѣтенныхъ послѣ смерти Кетчера у букиниста Толченова, составляющихъ всего 11 статей, въ «юбилейное изданіе» вошло семь статей—«Гамлетъ въ переводѣ Полеваго», «Уголино», «Сто русскихъ литераторовъ», «Стихотворенія графини Ростопчиной», «Сумароковъ С. Глинки», «Взглядъ на русскую литературу 1846 г.», «Мертвыя души». Изъ предисловія редакторовъ сборника выясняется, что текстъ статей Бѣлинскаго имѣетъ иногда по четыре послѣдовательныхъ редакціи. Первая — подлинная редакція, въ какой, послѣ поправокъ и передѣлокъ, статья была сдана для печатанія. Въ этомъ подлинномъ текстѣ уже редакторъ журнала нерѣдко дѣлалъ свои измѣненія, и получалась вторая редакція; третья редакція, это — печатный текстъ журнала, съ измѣненіями и сокращеніями, сдѣланными цензурою [1]); наконецъ, четвертая редакція образовалась при изданіи сочиненій Бѣлинскаго въ 1859—1862 гг. Редакторъ этого изданія Н. Х. Кетчеръ воспользовался рукописями Бѣлинскаго, но не вполнѣ: изъ рукописей были внесены многія поправки, и частію возстановленъ подлинный текстъ Бѣлинскаго уничтоженіемъ чужихъ измѣненій, но сдѣлано это было далеко не вездѣ, и во многихъ мѣстахъ изданіе сочиненій сохранило пропуски и измѣненія журнальнаго текста. Кромѣ того, Н. Х. Кетчеръ съ своей стороны дѣлалъ измѣненія и сокращенія въ текстѣ печатаемыхъ статей. Наконецъ, при отдѣльномъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго цензура иногда не пропускала даже того, что было раньше напечатано въ журналѣ: такъ въ статьѣ о русской литературѣ 1846 года выпущено было почему-то безобидное замѣчаніе по поводу «Московскаго Сборника».

Такимъ образомъ, текстъ, напечатанный въ первомъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго и потомъ перепечатывавшійся въ послѣдующихъ изданіяхъ, представляется по отношенію къ журнальнымъ статьямъ отчасти исправленнымъ, хотя и недостаточно, а отчасти—сокращеннымъ и измѣненнымъ. Въ настоящее время издатели «Семи статей»

---

[1]) Эти мытарства текста и послужили мотивомъ для карикатуры Степанова въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ» 1848 г., на которой представленъ Бѣлинскій съ корректурными листами въ рукѣ, восклицающій: «Своей собственной статьи не узнаю въ печати!».

не ставили себѣ задачею полнаго сопоставленія четырехъ редакцій печатаемыхъ ими статей Бѣлинскаго; они воспроизвели лишь текстъ подлинныхъ рукописей, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ самимъ авторомъ. Въ примѣчаніяхъ они указали на особенности послѣдующихъ редакцій, образовавшихся изъ первой, при помощи чужихъ поправокъ, но при этомъ всѣ мелкія, незначительныя отличія ими оставлены не оговоренными. Такъ какъ, помимо чужихъ поправокъ, рукописи Бѣлинскаго содержатъ немало поправокъ самого автора, то издатели вносили такія мѣста въ подстрочныя примѣчанія, особенно если зачеркнутыя фразы и выраженія придавали особый оттѣнокъ мысли или заключали какую нибудь лишнюю черту, имѣющую то или иное значеніе.

Это изданіе «Семи статей» для публики и массы читателей не имѣетъ никакого значенія; оно представляетъ собою лишь значительную цѣнность для историковъ литературы, анализирующихъ текстъ произведеній писателя и по этому тексту устанавливающихъ нѣкоторыя мелкія индивидуальныя черты писательской физіономіи разбираемаго и характеризуемаго автора. Критика этого текста важна также для характеристики отечественной цензуры и исторіи общественныхъ настроеній, подчасъ рѣзко выясняющихся изъ соотношенія литераторскаго труда и редакціоннаго распоряженія этимъ трудомъ. Въ отношеніи Бѣлинскаго, именно его, въ жизни котораго играли такую важную роль всѣ отмѣченные факторы—редакторскій карандашъ, чернила цензора и особенно общественное настроеніе той эпохи, — «юбилейное изданіе» имѣетъ несомнѣнную цѣнность, значительно облегчая трудъ будущаго историко-литературнаго обслѣдованія его критической дѣятельности, которое до сего времени еще не нашло въ нашихъ писательскихъ рядахъ своего представителя. Изданіе «Семи статей» выпущено въ продажу чрезвычайно аккуратно и изящно и притомъ по доступной рублевой цѣнѣ.

X.

Почти одновременно съ Москвою и въ Петербургѣ открылись чтенія и собранія, посвященныя великому критику. Первымъ выступилъ извѣстный педагогъ В. П. Острогорскій съ двумя публичными лекціями, въ большой аудиторіи Соляного городка, на тему «В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ». Лекціи г. Острогорскаго, какъ и лекціи г. Якушкина, собрали громадную толпу, преимущественно учащейся молодежи, которая восторженно встрѣчала и провожала краснорѣчиваго оратора-педагога. Г. Острогорскій представилъ Бѣлинскаго своимъ слушателямъ на общемъ фонѣ русской жизни 1830-хъ годовъ, въ краткихъ чертахъ напомнилъ главнѣйшіе моменты

его жизни, указалъ, что сдѣлано было въ литературѣ критикою до Бѣлинскаго, какой поворотъ она приняла, благодаря исключительно его работамъ, обрисовалъ значеніе этихъ работъ, съ особенною обстоятельностью остановившись на воспитательныхъ идеяхъ Бѣлинскаго въ смыслѣ религіозномъ, патріотическомъ и моральномъ. Заключеніе лекцій было посвящено параллели между нашимъ критикомъ и Лессингомъ.

Лекціи г. Острогорскаго въ настоящее время вышли отдѣльною небольшою книгою; она можетъ быть рекомендована, какъ общедоступное чтеніе и пособіе къ изученію русской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и для массы читателей, которые бы оказались въ затрудненіи пріобрѣтать дорогія изданія (напр., трудъ Пыпина и др.), трактующія тотъ же вопросъ болѣе распространенно и біографически-спеціально.

Не задолго до появленія въ продажѣ «Лекцій» В. Острогорскаго вышелъ въ свѣтъ и трудъ г. Е. Соловьева (Скрибы) «В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ». Талантливый молодой критикъ выпустилъ свое сочиненіе безъ всякихъ претензій на какое нибудь значеніе самостоятельнаго изслѣдованія; онъ добросовѣстно отмѣтилъ, что его работа «составлена» по такимъ-то и такимъ-то источникамъ, причемъ указалъ даже, какого автора онъ считаетъ лучшимъ истолкователемъ литературнаго значенія Бѣлинскаго. Книга г. Соловьева читается очень легко и живо, причемъ особенное удовольствіе читатели получаютъ отъ ознакомленія съ многочисленными выдержками изъ писемъ Бѣлинскаго, которыхъ нѣтъ даже въ трудѣ А. Н. Пыпина. Авторъ обстоятельно остановился на романѣ Бѣлинскаго съ Орловой и выяснилъ все значеніе въ русской литературѣ частной корреспонденціи Бѣлинскаго, всю цѣнность этого матеріала для характеристики писателя. Послѣ книги г. Пыпина, работа Е. Соловьева, какъ критико-біографическій этюдъ о Бѣлинскомъ, должна быть поставлена вторымъ нумеромъ въ нашей литературѣ. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этими положительными чертами труда приходится отмѣтить и одну отрицательную, а именно тотъ неряшливый тонъ и стиль, которыми написана вся книга отъ начала и до конца. Положительно недоумѣваешь, какъ могъ человѣкъ отнестись такъ безшабашно-развязно къ такой темѣ, какъ жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго, темѣ, не представляющей никакого raison d'être'а для хлесткаго фельетона съ разными выкрутасами, «словечками» и даже полемическими шпильками, которыми обыкновенно отличаются газетныя работы, писанныя, что называется, «съ пылу-горяча». Въ данномъ случаѣ на г. Соловьевѣ очевидно отразилась неблаготворно роль еженедѣльнаго газетнаго фельетониста, амплуа, въ которомъ онъ исключительно фигурировалъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколь-

кихъ лѣтъ. За исключеніемъ, однако, этой неблагопріятной стороны книги, въ цѣломъ она представляетъ обстоятельно составленный трудъ о Бѣлинскомъ, въ которомъ сплошь и рядомъ попадаются оригинальныя мысли и прекрасно написанныя страницы.

Одновременно съ появленіемъ этихъ изданій, и ежемѣсячные журналы наполняются болѣе или менѣе обстоятельными монографіями, посвященными жизни и дѣятельности Бѣлинскаго. Статьи г.г. Венгерова («Русское Богатство»), Мазаева («Недѣля»), Боцяновскаго («Новый Журналъ Иностранной Литературы»), И. Иванова («Міръ Божій» и «Русская Мысль»), Скабичевскаго («Русская Мысль»), Вѣтринскаго («Образованіе»), Е. Соловьева («Научное Образованіе») и пр. и пр., всѣ вносятъ въ литературу о Бѣлинскомъ посильное освѣщеніе и уже однимъ своимъ появленіемъ на страницахъ періодическихъ органовъ ясно показываютъ, какъ велико значеніе въ нашей жизни Бѣлинскаго, сколькимъ мы ему обязаны, и какъ интересуется имъ еще до сихъ поръ наше общество.

Изъ названныхъ авторовъ я считаю долгомъ отмѣтить прекрасную работу г. Венгерова «Великое сердце», печатаемую въ «Русскомъ Богатствѣ». Статьи автора о Бѣлинскомъ подъ такимъ заглавіемъ еще не окончены, почему я и воздержусь высказать о нихъ мнѣніе окончательное. Судя, однако, по размѣрамъ вышедшихъ уже очерковъ и широко-поставленной программѣ, можно надѣяться, что г. Венгеровъ не ограничится появленіемъ лишь передъ читателями «Русскаго Богатства», а выступитъ и передъ болѣе обширной публикой съ отдѣльнымъ изданіемъ. Работа г. Венгерова въ той части, которая напечатана, главнымъ образомъ біографическаго характера и притомъ обрисовывающая Бѣлинскаго въ его дѣтскомъ и юношескомъ возростѣ, когда формировался его характеръ и обнаруживалось то «великое сердце», подъ рубрику каковаго названія и подведена вся эта часть журнальной работы. Съ особеннымъ вниманіемъ и обстоятельностью останавливается авторъ на комедіи Бѣлинскаго и первый въ нашей литературѣ дѣлаетъ ея историко-литературный анализъ. Рельефно составленъ имъ также тотъ историко-литературный фонъ, на коемъ обрисовывается значеніе литературной дѣятельности Бѣлинскаго. Обладая широкими библіографическими познаніями и уже много лѣтъ трудясь надъ различными монографіями по исторіи литературы, г. Венгеровъ несомнѣнно съ теченіемъ времени представитъ русскимъ читателямъ обстоятельное изслѣдованіе о всей жизни и дѣятельности Бѣлинскаго, въ которомъ особую цѣнность будетъ имѣть строго-выясненная точность и достовѣрность фактическаго матеріала.

Заслуживаетъ вниманія и работа И. И. Иванова, печатаемая на страницахъ «Міра Божьяго», по исторіи русской критики вообще. Къ настоящимъ юбилейнымъ днямъ молодой московскій ученый по-

дошелъ въ своемъ изслѣдованіи именно къ эпохѣ Бѣлинскаго и на его дѣятельности сосредоточилъ интересъ статей. Человѣкъ несомнѣнно талантливый, широко-образованный и трудолюбивый, г. Ивановъ даетъ читателямъ очень интересный матеріалъ по исторіи критики вообще и русской въ частности, съ широкими обобщеніями, любопытными параллелями и сопоставленіями. Къ сожалѣнію, многописаніе, а еще болѣе многоглаголаніе является однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ этого писателя, который, начиная говорить по одному вопросу, неожиданно для читателей сводитъ рѣчь на другой, на третій, не имѣющіе ничего общаго съ первымъ, и въ концѣ концовъ расхолаживаетъ совершенно интересъ къ своей работѣ и затемняетъ ея смыслъ и значеніе. Спѣшитъ ли онъ втиснуть въ рамки данной работы весь имѣющійся у него въ запасѣ матеріалъ знаній, или онъ во что бы то ни стало задается цѣлью написать какъ можно больше, трудно сказать, но во всякомъ случаѣ такое странное отношеніе къ своему дѣлу, гдѣ авторъ летитъ на курьерскихъ съ длиннымъ обозомъ клади, поднимая вокругъ шумъ и столбы пыли, страшно вредитъ непосредственной темѣ изслѣдованія и ослабляетъ ея историко-литературное значеніе. Я увѣренъ, откажись г. Ивановъ отъ избраннаго имъ метода работы, онъ могъ бы дать нашей литературѣ цѣнное историко-литературное изслѣдованіе о развитіи идей Бѣлинскаго и ихъ значеніи въ отечественной журналистикѣ, но теперь, я боюсь, онъ увлечется по обыкновенію длиннописаніемъ и сведетъ всю работу къ собранію многочисленнаго матеріала по исторіи критики, который въ будущемъ придется уже другому лицу расчищать и приводить въ порядокъ.

Очень мило написанъ очеркъ г. Мазаева въ майской книжкѣ приложеній къ «Недѣлѣ», гдѣ авторъ отмѣчаетъ общественное значеніе Бѣлинскаго, какъ «національнаго трибуна». Г. Мазаевъ утверждаетъ, что «Бѣлинскій не былъ ни философомъ, ни моралистомъ, ни даже критикомъ въ точномъ смыслѣ этого слова, онъ былъ общественнымъ трибуномъ своего времени, и если не сдѣлался политическимъ ораторомъ или по крайней мѣрѣ публицистомъ, то потому, что къ подобному направленію его дѣятельности условія эпохи оказались неподходящими, да и его личныя симпатіи склонялись въ сторону литературы». Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Имя Бѣлинскаго дорого для насъ потому, что имъ заложено въ каждаго изъ насъ, прошедшихъ школу и знакомыхъ съ литературою, чувство нѣкотораго самосознанія, человѣческаго и гражданскаго, которое должно бы стать закономъ, начертаннымъ въ сердцахъ всѣхъ людей. Бѣлинскій создалъ русскую интеллигенцію. Поэтому и юбилей его — праздникъ преимущественно русской интеллигенціи».

Литература о Бѣлинскомъ, по поводу Бѣлинскаго и изъ сочиненій Бѣлинскаго въ теченіе всего мая и іюня мѣсяцевъ расширяется и принимаетъ въ концѣ-концовъ очень почтенные размѣры. Я отмѣтилъ уже два труда, вышедшіе отдѣльными изданіями, какъ равно указалъ и на то главнѣйшее, чѣмъ отмѣтила ежемѣсячная пресса юбилейную память нашего великаго критика. Ради цѣльности и единства частей настоящей хроники исчерпаю, въ предѣлахъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи источниковъ, и остальной матеріалъ, пріуроченный къ юбилейнымъ торжествамъ, появившійся на страницахъ главнѣйшихъ столичныхъ газетъ и на прилавкахъ книжныхъ магазиновъ.

«Новое Время» дважды обращалось къ тѣни великаго критика. Подъ заглавіемъ «50 лѣтъ вліянія» г. Розановъ помѣстилъ въ газетѣ (№ 7988) любопытный фельетонъ, гдѣ, несмотря на свойственныя этому писателю консервативныя и мистическія тенденціи, отмѣчено великое практическое значеніе идеализма Бѣлинскаго даже для нашихъ дней. «Бѣлинскій есть не только «писатель»,—говоритъ г. Розановъ,—онъ есть «лицо», и какъ «лицо» онъ также свѣтитъ сейчасъ, какъ и въ вешнюю пору сороковыхъ годовъ. Ничего не умерло въ чертахъ его нравственнаго образа, и въ нихъ онъ несетъ столько значенія, что сталъ вѣчнымъ нужнымъ существомъ, «двѣнадцатымъ» гостемъ среди всякихъ 11 «пирующихъ» или «труждающихся и обремененныхъ». Всякое дурное дѣло имѣетъ, сверхъ упрека отъ живыхъ-честныхъ, еще и упрекъ отъ мертваго, Бѣлинскаго; и всякое доброе дѣло, сверхъ похвалы отъ живыхъ-добрыхъ людей, имѣетъ похвалу и отъ него. Онъ соучастникъ нашей жизни, какъ нравственное лицо—онъ вѣчно жилъ между нами и даже болѣе: въ немъ все тѣ же «100 гр. температуры», «200 пульсъ въ минуту» и онъ насъ спрашиваетъ: «живы ли вы?»

Г. Old Gentleman въ фельетонѣ (№ 7993) проводитъ параллель между Ломоносовымъ и Бѣлинскимъ и, подобно г. Мазаеву, подчеркиваетъ значеніе критика въ дѣлѣ созданія русской интеллигенціи. «Сколько бы ни издѣвались надъ интеллигенціею,—говоритъ онъ,—слово это хорошо уже тѣмъ, что, не требуя дальнѣйшихъ разъясненій и опредѣленій, совершенно понятно для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка, охватываетъ огромную общественную группу, безъ различія взглядовъ и направленій, разсѣянную въ средѣ русскаго народа, какъ нѣкій рыцарскій орденъ. Основателемъ и первымъ гросмейстеромъ этого ордена былъ безспорно Бѣлинскій, ибо ему на долю выпала высокая честь утвердить краеугольные камни въ храминѣ русской интеллигенціи: открыть демократизацію науки и литературы и создать общественное мнѣніе. Интеллигенція—элементъ повсемѣстный. Онъ растворился въ народѣ, какъ соль растворяется въ водѣ: смѣшанный съ народомъ, онъ самъ — не народъ,

но всюду, гдѣ народъ, и не можетъ и не долженъ быть почитаемъ за нѣчто отъ него органически оторванное. Для этого элемента общественнаго Бѣлинскій, быть можетъ, самое важное и дорогое литературное имя на Руси, и этотъ элементъ, конечно, щедро отозвался бы на всероссійскую подписку въ честь его законнаго отца и воспитателя».

Основное положеніе прекраснаго фельетона писателя то, что необходимо образовать и разрѣшить всенародную подписку для памятника Бѣлинскому отъ имени всего русскаго народа.

«Сейчасъ памятникъ Бѣлинскому, конечно, мужику ничего не скажетъ,—говоритъ онъ, — но, когда и народъ узнаетъ, — если и не прочтетъ сочиненій Бѣлинскаго, какъ, повторяю, мы знаемъ, но не читаемъ, Ломоносова,—истину о великомъ писателѣ своемъ, кто онъ былъ, что для Руси сдѣлалъ и какъ дѣятельность его на судьбахъ народа отозвалась,—памятникъ этотъ станетъ очень краснорѣчивымъ: «Ни одно растеніе», — сказалъ Викторъ Гюго, — «не выходитъ изъ земли съ большимъ трудомъ, чѣмъ статуя великаго человѣка, зато ни одно не разрастается пышнѣе, не даетъ больше плодовъ, не сѣетъ больше добрыхъ сѣмянъ вокругъ себя». И въ оны дни будетъ не совсѣмъ-то ловко, что на пьедесталѣ монумента человѣку съ всероссійскимъ значеніемъ будетъ красоваться не вся «Благодарная Россія», но «Кружокъ поклонниковъ и почитателей».

«Новости», слѣдя за всѣми чествованіями памяти Бѣлинскаго, имѣвшими мѣсто въ столицахъ и въ провинціи, особенно въ Пензѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ день годовщины, 26-го мая, помѣстили уже отмѣченный выше фельетонъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ воспроизведена его московская рѣчь въ засѣданіи общества любителей россійской словесности, а также стихотвореніе О. Чюминой «Памяти Бѣлинскаго», не прочитанное, за болѣзнью писательницы, на торжествѣ въ залѣ городской думы, устроенномъ союзомъ русскихъ писателей. Г-жа Чумина во 2-й части стихотворенія, обращаясь къ тѣни писателя, говоритъ:

Ты былъ борцомъ и истиннымъ героемъ,
Не тѣмъ борцомъ, кого вѣнчаетъ лавръ,
Ведущимъ въ бой дружину — строй за строемъ —
При звукахъ трубъ и грохотѣ литавръ.

Нѣтъ, бился ты съ невѣжествомъ и тьмою,
Съ недугомъ злымъ и злою нищетой,
И гордо шелъ дорогою прямою,
Не соблазнясь приманкой золотой.

Заслугъ твоихъ не въ силахъ мы исчислить:
Ты былъ за тѣхъ, кого гнететъ судьба,
Ты юношей училъ любить и мыслить
И требовалъ свободы для раба.

Ты ратовалъ о горькой женской долѣ;
Не знающій безсилья и тоски,
Въ сердцахъ людей, какъ въ одичавшемъ полѣ,
Ты добрыхъ чувствъ отыскивалъ ростки.

Ты весь горѣлъ восторгомъ вдохновеннымъ
И поражалъ ликующее зло,
Твой пылкій духъ былъ свѣточемъ священнымъ,
Сіяющимъ сквозь хрупкое стекло.

Разбилась жизнь; полвѣка миновало
Съ тѣхъ поръ, какъ ты безвременно угасъ.
Но что тебя такъ мощно волновало —
Попрежнему еще волнуетъ насъ.

Не доверщенъ твой подвигъ исполинскій,
И лозунгомъ въ предпринятой борьбѣ
Да будетъ имя славное: Бѣлинскій! —
Для всѣхъ борцовъ, идущихъ вслѣдъ тебѣ.

Къ сожалѣнію, на страницахъ той же газеты, такъ много содѣйствовавшей корреспонденціями г. Быстренина къ подготовкѣ столичной публики для внимательнаго отношенія къ пензенскимъ торжествамъ, нашло себѣ мѣсто и уродливое кривляніе г. Минскаго, подъ названіемъ «По прочтеніи сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Нѣчто, похожее на оду въ прозѣ». Поэтъ, облачившійся нынѣ въ тогу критика, спѣшитъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ періодъ спекуляціи на символизмъ, снова обратить на себя вниманіе оригинальничьемъ и развязнымъ заявленіемъ о своемъ, забытомъ публикою, существованіи. Онъ повѣдалъ читателямъ, что въ день торжественнаго чествованія памяти Бѣлинскаго петербургскими писателями критикъ не былъ съ ними душею, а съ ласковою грустью взиралъ на болѣзненныя корчи его, Минскаго, въ благодарность за что критикъ «Новостей» и счелъ долгомъ наговорить ему кучу вздора, граничащаго съ «оскорбленіемъ на словахъ». Въ своей рѣчи г. Минскій, видите ли, объявилъ Бѣлинскому, что лучшими его произведеніями должны считаться тѣ самыя, отъ которыхъ нашъ критикъ самъ отрекался и которыя считалъ деффектными страницами въ своемъ собраніи сочиненій; далѣе ораторъ объявилъ, что Бѣлинскій вовсе не былъ пылкимъ идеалистомъ съ великимъ сердцемъ и страстнымъ темпераментомъ, а человѣкомъ холодной разсудительности и анализа, мыслителемъ, никогда не мѣнявшимъ своихъ убѣжденій и заслуживающимъ безсмертія именно утвержденіемъ, что все существующее разумно, какъ какъ оно божественнаго происхожденія...

Если бы я писалъ сейчасъ памфлетъ, а не составлялъ хроники знаменательныхъ событій, то я повѣдалъ бы читателямъ, что

отвѣтилъ «неистовый Виссаріонъ» на весь словесный ералашъ, созданный надутымъ самолюбіемъ г. Минскаго, о чемъ послѣдній благоразумно, конечно, умолчалъ; но моя задача сейчасъ иная, и я, не входя въ препирательство съ 40-ти-лѣтнимъ молодымъ поэтомъ, не подающимъ никакихъ надеждъ на возвращеніе къ здравому смыслу, ограничусь лишь отмѣткой его дикой выходки. Она говоритъ сама о себѣ, подтверждая то положеніе, что во всякой семьѣ бываютъ уроды, позволяющіе себѣ непристойныя колѣнца, даже когда люди собираются не ради легкомысленнаго веселія и шутовства, а въ торжественные дни поминокъ у подножія могильнаго памятника...

Немало содѣйствовали успѣху торжествъ въ публикѣ «Биржевыя Вѣдомости», которыя изъ всѣхъ остальныхъ органовъ повседневной печати наиболѣе обстоятельно сообщали въ репортерскихъ отчетахъ и корреспонденціяхъ о засѣданіяхъ, обѣдахъ и спектакляхъ, посвященныхъ Бѣлинскому. Этими отчетами и корреспонденціями и я въ дальнѣйшей части моей лѣтописной работы пользуюсь, какъ наилучшимъ матеріаломъ изъ всего прочаго, посвященнаго тому же вопросу. Не мало корреспонденцій изъ разныхъ городовъ напечаталъ и «Сынъ Отечества», который, кромѣ того, отмѣтилъ день 26 мая обширной передовицей, напечатанной ветераномъ нашей критики А. М. Скабичевскимъ. Послѣдній сопоставляетъ обстановку, при которой хоронили 50 лѣтъ тому назадъ Бѣлинскаго, съ общей картиной всероссійскаго чествованія его имени нынѣ, отмѣчаетъ эти чествованія, какъ явленія отрадныя, и заключаетъ свою статью словами: «но при этомъ мнѣ все-таки кажется, чло забытъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ способовъ почитанія памяти Бѣлинскаго: именно горячее и слезное покаяніе на его могилѣ со стророны всего русскаго общества въ томъ, какъ оно грубо и черство съ безпечностью дикарей отнеслось къ его безвременной кончинѣ и какое рабское молодушіе выказывало оно по отношенію къ нему въ первые восемь лѣтъ послѣ его смерти. При этомъ, конечно, я подразумѣваю не одно лицемѣрно-платоническое раскаяніе въ фактѣ, давно уже совершившемся и который не сотрутъ со страницъ исторіи никакія торжественныя оваціи. Истинное покаяніе должно заключаться въ томъ, чтобы общество относилось впредь съ большимъ сочувствіемъ и участіемъ къ судьбѣ своихъ праведниковъ, чтобы никогда немыслимы были похороны лучшихъ людей земли русской въ такомъ постыдномъ унпчиженіи, въ какомъ хоронили Бѣлинскаго».

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» кн. Ухтомскаго въ тотъ же день появились три передовицы о Бѣлинскомъ.—«В. Г. Бѣлинскій», «Бѣлинскій и Достоевскій» и «Бѣлинскій и Гоголь». Первый изъ этихъ очерковъ оканчивается очень удачнымъ замѣчаніемъ, что

Бѣлинскій съ полнымъ правомъ могъ бы сказать словами Гейне—«на мой гробъ вы должны положить мечъ, потому что я былъ храбрый солдатъ въ войнѣ за освобожденіе человѣчества». Во второй статьѣ проведена параллель между нашимъ критикомъ и авторомъ «Преступленія и наказанія». «Они оба—сказано здѣсь—страстно, до мученія любили все то, что страдаетъ, любили русскую женщину, русскаго ребенка, русскаго простолюдина... любили уже по одному тому, что сами въ своей жизни прошли черезъ страданія, черезъ горнило, благодаря которому они уразумѣли и поняли, и возлюбили многое. Передъ такой многостраданой жизнью, передъ такимъ всеочищающимъ горниломъ нѣтъ мѣста общественнымъ партіямъ и не спорятъ о направленіи». Жизнь, полная страданія за человѣчество и высота нравственныхъ запросовъ, предъявленныхъ обоими писателями къ жизни—упраздняетъ, по мнѣнію газеты кн. Ухтомскаго,—вопросъ о принадлежности Бѣлинскаго къ западнической партіи, а Достоевскаго къ славянофильской.

Наша охранительная печать не осталась также непричастною шумнымъ общественнымъ празднествамъ. Подобно городовому и пожарному обозу въ мѣстахъ скопленія многочисленной публики, и «Московскія Вѣдомости» сочли долгомъ явиться съ своимъ словомъ на праздникъ русской литературы. Мнѣній газеты г. Грингмута и его сотрудника г. Медвѣдскаго приводить, конечно, не стоитъ: это были столь знакомые намъ крики: «горимъ!»—«пожаръ!»—«отечество въ опасности!»—«либералы разгулялись и пора ихъ обуздать!» и т. д. и т. д. все въ обычномъ духѣ и тонѣ. Важно въ данномъ случаѣ отмѣтить не содержимое этихъ криковъ и возгласовъ, а самый фактъ ихъ, показывающій, что общество дѣйствительно переживало нѣчто оригинальное и значительное, являющееся своего рода новымъ знаменіемъ въ нашей общественной жизни.

Наряду съ ежемѣсячными журналами и повседневною прессой и еженедѣльныя наши изданія дали на своихъ страницахъ не мало матеріала для ознакомленія читателей съ жизнью и дѣятельностью критика, причемъ большинство напечатанныхъ статей появилось иллюстрированными. Особеннымъ обиліемъ такихъ иллюстрацій блеснули «Нива» и «Живописное Обозрѣніе». Первый журналъ далъ не только хорошій очеркъ о Бѣлинскомъ, но и хронику торжественнаго чествованія его памяти въ Москвѣ и Петербургѣ.

Что касается «Живописнаго обозрѣнія», то оно, помимо руководящей статьи, посвященной жизни и дѣятельности нашего критика, помѣстило еще любопытнѣйшую статью П. К. Шугаева «Изъ колыбели замѣчательныхъ людей», гдѣ авторъ, будучи землякомъ знаменитаго критика, даетъ черезвычайно любопытныя свѣдѣнія о мѣстѣ его родины и главнымъ образомъ о его отцѣ. Самымъ же

цѣннымъ матеріаломъ въ этой статьѣ является «журналъ» Бѣлинскаго, который онъ велъ во время своей поѣздки въ Москву при опредѣленіи въ университетъ. «Журналъ» этотъ является новинкой въ нашей литературѣ и представляетъ собою цѣнный документъ для характеристики юнаго Виссаріона; документъ этотъ долженъ быть отнынѣ разсматриваемъ, какъ первое литературное произведеніе нашего критика, гдѣ несомнѣнно уже сказалось его литературное дарованіе. Въ виду новизны и интереса этого «журнала», я присоединяю его къ настоящей брошюрѣ въ видѣ особаго приложенія.

XI.

Что касается книжнаго рынка, то онъ къ 26 мая, кромѣ изданій, о коихъ говорено выше, обогатился еще слѣдующими. Вышли два тома «Дешевой библіотеки» А. С. Суворина, куда вошли статьи Бѣлинскаго «Обзоръ русской литературы отъ Ломоносова до Пушшина» (1-й т.) и «А. С. Пушкинъ» (2-й т.); два тома «Избранныхъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» въ изданіи О. Н. Поповой съ предисловіемъ и вступительною статьей Н. Котляревскаго; два тома «Сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» съ портретомъ и факсимиле автора, имѣющихъ выйти всего въ 4 томахъ; изданіе это принадлежитъ московской фирмѣ С. Мошкина и пущено въ продажу по 65 к. за каждый компактный томикъ; «Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго». Избранныя статьи для семьи и школы подъ редакціей В. П. Острогорскаго съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ, портретомъ и факсимиле. Изданіе библіотеки «Дѣтскаго чтенія»; Ц. Балталона «Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополненіями», и его-же «Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго»; В. Покровскаго «Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго по новой русской литературѣ», изданіе комиссіи преподавателей русскаго языка при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній; А. И. Сальникова—«В. Г. Бѣлинскій объ искусствѣ (основы эстетики)», «В. Г. Бѣлинскій для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности, съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзіи. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній»; Л. С. «Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи»; А. Алферова «Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій» (ц. 5 к. и 20 к.); И. Иванова—«Бѣлинскій»; С. Орловскаго; Я. В. Абрамова «Памяти Бѣлинскаго. 1. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго»; В. Александровскаго «Къ пятидесятилѣтію смерти В. Г. Бѣлинскаго». Вотъ все то главное, вышедшее отдѣльными изданіями, что поступило до первыхъ чиселъ іюня включительно на книжный рынокъ.

Біографическіе очерки гг. Алферова и Иванова, изданные по дешевой цѣнѣ (5 и 10 к.), должны служить средствомъ популяризаціи

имени Бѣлинскаго въ массѣ населенія. Въ этихъ цѣляхъ очерки и написаны общедоступно, самымъ простымъ языкомъ, примѣнительно къ пониманію простонародьемъ и школьниками въ элементарныхъ, первоначальныхъ училищахъ. Еще большее значеніе для массы имѣютъ два томика «Дешевой Библіотеки», Суворина гдѣ за 20—25 коп. читатели изъ неимущаго класса получаютъ возможность имѣть цѣльныя произведенія нашего критика, считающіяся по всей справедливости наиболѣе законченными и цѣнными его трудами по исторіи русской литературы. Такимъ образомъ, эти томики «Дешевой Библіотеки» какъ бы выполняютъ отчасти желаніе поэта, высказанное въ стихахъ:

Эхъ, эхъ, придетъ-ли времечко,
Когда (приди желанное!...)...
. . . мужикъ не Блюрела
И не Милорда глупаго —
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?

Изъ числа собраній сочиненій нашего критика вышло лишь два въ изданіи О. Н. Поповой и С. Мошкина. Г-жа Попова выпустила въ свѣтъ лишь «Избранныя сочиненія» Бѣлинскаго, имѣя въ виду важнѣйшія изъ нихъ, сохраняющія свое историко-литературное значеніе понынѣ. Къ числу такихъ отнесены: во-первыхъ, статьи, въ которыхъ наиболѣе ясно и полно отразилось послѣдовательное развитіе взглядовъ Бѣлинскаго на самые существенные вопросы жизни и духа, и, во-вторыхъ, критическіе разборы, посвященные Бѣлинскимъ самымъ выдающимся произведеніямъ русской словесности. Статьи, вошедшія въ настоящее изданіе, перепечатаны изъ изданія 1858—1862 г. Солдатенкова и Н. Щепкина, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ приведены не полностью, а лишь въ извлеченіяхъ—подъ особыми заглавіями, но съ указаніемъ, откуда эти извлеченія заимствованы. Изданіе это, конечно, представляетъ нѣкоторыя достоинства, къ числу каковыхъ, главнѣйшихъ, относится его дешевизна (1 р. 20 к. за томъ въ 800 слишкомъ страницъ двойнаго столбца) и малое количество опечатокъ, которыми такъ обильно извѣстное изданіе Павленкова, но рядомъ съ этимъ оно имѣетъ и немало неудобствъ и несовершенствъ. Произвольность классификаціи статей и искусственность рубрикъ—вотъ наиболѣе существенной изъянъ настоящаго изданія. Составитель собранія статей однѣ изъ нихъ относитъ, напримѣръ, къ статьямъ спеціально философскимъ, а другія къ категоріи работъ по литературѣ вообще (?), когда вмѣстѣ съ тѣмъ съ одинаковымъ правомъ, безъ всякаго нарушенія истины, можно бы было переставить и наименованія рубрикъ и содержимое въ этихъ рубрикахъ. Затѣмъ, по какому критерію имъ признаны одни произведенія писателя исчерпывающими «вопросы жизни и духа»,

а другія—нѣтъ? Наружныхъ или опредѣленныхъ данныхъ для того не имѣется въ наличности и просто приходится полагаться на вкусъ и пониманіе составителя. Что планъ изданія не имѣетъ какой нибудь строго обдуманной и систематической программы, видно также изъ того, что нѣкоторыя стороны творчества критика выдвинуты съ особенною силою, а другія совершенно отсутствуютъ. Приведены, напримѣръ, образцы «полемическаго остроумія» Бѣлинскаго, а образцы его поэтическаго паѳоса или задушевнаго лиризма опущены. Такимъ образомъ, читатели, совершенно незнакомые съ Бѣлинскимъ, врядъ ли восполнятъ пробѣлы своего незнанія изъ изданія г-жи Поповой. Къ числу достоинствъ послѣдняго должны быть отнесены два указателя, предметный и личный, впервые прилагаемые къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, а также попытка дать краткіе конспекты статей. Большую цѣнность придаетъ изданію содержательно написанный г. Котляровскимъ очеркъ о Бѣлинскомъ, приложенный въ началѣ. Почтенный ученый пытается въ постепенной эволюціи представить исторію роста и развитія умственной и нравственной силы Бѣлинскаго, зависимость ея отъ окружающей культурной обстановки и, наконецъ, ея рѣшающее вліяніе на современную ей жизнь. Результатомъ такой работы является у г. Котляровскаго то основное положеніе, что «изъ числа всѣхъ своихъ современниковъ Бѣлинскій былъ единственнымъ писателемъ, про котораго можно сказать, что его слова были голосомъ всей его эпохи, отзвукомъ на всѣ ея запросы и отраженіемъ всѣхъ колебаній ея мыслей и настроеній».

Къ величайшему удивленію и въ противность всѣмъ ожиданіямъ лишь совсѣмъ неизвѣстная фирма С. Мошкина въ Москвѣ приступила къ полному изданію сочиненій Бѣлинскаго по дешовой цѣнѣ, въ удобномъ форматѣ, хотя и съ немалымъ количествомъ опечатокъ, которыми начинается даже первая страница. Издатель не приложилъ сюда никакого предисловія или объясненія, откуда почерпается имъ текстъ, и по всѣмъ видимостямъ имѣетъ просто въ виду хронологическую перепечатку прежнихъ изданій. Какъ бы упрощенно ни поступалъ г. Мошкинъ, во всякомъ случаѣ за нимъ остается то преимущество передъ прочими «полными» изданіями сочиненій нашего критика, что онъ первый выпускаетъ свое изданіе дѣйствительно по доступной для массы цѣнѣ и тѣмъ наноситъ существенный ударъ всѣмъ предыдущимъ предпріятіямъ того же рода.

Бѣдность появленія въ продажѣ полныхъ собраній сочиненій Бѣлинскаго, когда послѣднія стали уже общественнымъ достояніемъ, повидимому, должна быть объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что недавно вышедшее (за годъ съ небольшимъ передъ тѣмъ) изданіе Павленкова, выпущенное по невысокой цѣнѣ и въ значительномъ числѣ экземпляровъ, вполнѣ удовлетворило потребностямъ и спросу рынка и надолго затормозило распродажу остальныхъ изданій.

Слѣдующія юбилейныя изданія содержатъ въ себѣ болѣе спеціальныя цѣли и задачи, нежели предшествовавшія. Изъ нихъ по всей справедливости должно быть поставлено на первомъ планѣ изданіе библіотеки «Дѣтскаго Чтенія» Д. И. Тихомирова «Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго», являющееся сборникомъ избранныхъ статей критика, составленнымъ В. Острогорскимъ. Эта книга въ 27 печатныхъ убористыхъ листа стоитъ всего 1 рубль, и вмѣстѣ съ тѣмъ она удовлетворяетъ ряду запросовъ, предъявленныхъ въ нынѣшніе дни на Бѣлинскаго. Во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь очень популярно, живо и интересно написанный біографическій очеркъ нашего критика, во-вторыхъ, рядъ статей (17) по теоріи искусства и поэзіи, взятыхъ изъ сочиненій Бѣлинскаго, съ точнымъ указаніемъ, откуда сдѣланы позаимствованія, въ-третьихъ, приведены главнѣйшіе его труды о нашихъ корифеяхъ новой литературы и очерки литературы сороковыхъ годовъ, въ-четвертыхъ, помѣщены четыре очерка о театрѣ, пламеннымъ истолкователемъ котораго и истиннымъ знатокомъ былъ, какъ извѣстно, Виссаріонъ Григорьевичъ. Такимъ образомъ, сборникъ, составленный г. Острогорскимъ, заключаетъ въ себѣ довольно разнообразный матеріалъ и съ большимъ успѣхомъ выполняетъ тѣ задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ потрудились остальныя лица порознь въ отдѣльныхъ книгахъ и брошюрахъ. Поэтому и г. Тихомировъ и г. Острогорскій могутъ считать цѣль настоящаго изданія вполнѣ удовлетворительно достигнутою, цѣль, резюмированную въ предисловіи слѣдующими словами: «дать ученикамъ гимназіи и вообще школы, а также народнымъ учителямъ и всѣмъ, чувствующимъ потребность въ литературномъ самообразованіи, такую доступную по цѣнѣ книгу, по которой бы можно было получить хотя нѣкоторыя основныя понятія объ искусствѣ, преимущественно—поэзіи, со стороны ея сущности и значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ознакомиться съ оцѣнкою Бѣлинскимъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ изъ новыхъ русскихъ писателей. Составитель книги смотритъ на нее, только какъ на средство первоначальнаго ознакомленія съ Бѣлинскимъ»... Кромѣ отмѣченнаго матеріала, г. Острогорскимъ добросовѣстно указаны и прочіе источники, полезные для ознакомленія съ личностью и дѣятельностью критика. Въ качествѣ приложенія въ изданіи помѣщено объясненіе и переводъ на русскій языкъ иностранныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, нашедшихъ себѣ мѣсто въ сборникѣ библіотеки «Дѣтскаго Чтенія».

Послѣ изданія г. Тихомирова по своимъ качествамъ и средствамъ достиженія намѣченной цѣли идутъ два труда, выпущенные въ продажу (тоже по 1 рублю каждый томъ) комиссіей преподавателей русскаго языка при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній — гг. Ц. Балталона «Эстетика В. Г. Бѣлинскаго» и

В. Покровскаго «Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго». Обѣ книги по содержанію матеріала близко прикасаются къ труду г. Острогорскаго, но представляютъ этотъ матеріалъ болѣе распространенно и въ одномъ случаѣ (у г. Балталона) болѣе примѣнительно къ потребностямъ школьнаго преподаванія. Г. Покровскій далъ серію статей (32) Бѣлинскаго о русской литературѣ, начиная съ Державина и кончая «Бѣдными людьми» Достоевскаго. Такимъ образомъ, читатели получаютъ здѣсь полно составленную портретную галлерею, которая въ прекрасномъ ея освѣщеніи Бѣлинскимъ даетъ возможность получить правильное понятіе о постепенномъ ростѣ отечественной литературы. Значеніе книги г. Покровскаго учебно-воспитательное, какъ равно таково же значеніе и труда г. Балталона, съ инымъ лишь характеромъ и иною задачей.

Какъ показываетъ само заглавіе этого труда — «Эстетика», оно имѣетъ значеніе теоретическаго руководства по ознакомленію съ принципами литературы и искусства, какъ отвлеченной науки философскаго порядка. «Изученіе сочиненій Бѣлинскаго внушило намъ мысль,—говоритъ г. Балталонъ,—не могутъ ли приведенные въ систему взгляды его на литературную критику и художественное творчество дать нѣкоторое основаніе положительной эстетикѣ нашего времени, или, по крайней мѣрѣ, послужить подготовительною къ ней ступенью? Предлагаемая книга имѣетъ цѣлью представить, въ сжатой и доступной формѣ, заслуги Бѣлинскаго въ области теоріи творчества: для этого мы выдѣлили въ ней изъ массы матеріала, отошедшаго въ исторію, наиболѣе цѣнные и неувядаемые элементы. Этотъ сборникъ, состоящій изъ двухъ отдѣловъ, текста, принадлежащаго Бѣлинскому, и дополнительныхъ къ нему статей, представляетъ собою попытку систематическаго расположенія и освѣщенія разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго матеріаловъ, относящихся къ психологіи художественнаго творчества и теоріи литературной критики».

Какъ бы оправдывая свое стремленіе возвести эстетическіе взгляды Бѣлинскаго въ стройную систему, г. Балталонъ утверждаетъ, что «потомству принадлежитъ право выражать, въ той или иной формѣ, свое пониманіе заслугъ Бѣлинскаго, свой взглядъ на значеніе его трудовъ для нашего времени; кромѣ того... сгруппированные здѣсь взгляды Бѣлинскаго представляютъ собою самую устойчивую и независимую часть его воззрѣній, менѣе всѣхъ другихъ измѣнявшуюся въ теченіе его литературной дѣятельности; мы воспользовались тѣми взглядами нашего критика, которые повторялись у него постоянно, высказывались часто и настойчиво по разнымъ поводамъ и въ разное время его писательской дѣятельности».

Второй отдѣлъ книги «Вопросы и дополненія» имѣетъ назначеніемъ содѣйствовать, съ одной стороны, болѣе сознательному отношенію читателей къ тексту Бѣлинскаго, критическому его изученію

какъ образовательнаго матеріала, вызывающаго къ активной умственной дѣятельности; съ другой — освѣтить значеніе эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго при помощи мнѣній нѣкоторыхъ авторитетныхъ художниковъ и критиковъ, такъ, чтобы для читателей выяснилось, какіе элементы въ разсужденіяхъ Бѣлинскаго отжили свой вѣкъ, какіе, наоборотъ, сохранили свой жизненный интересъ, и насколько вообще эстетика Бѣлинскаго можетъ представить эстетику нашего времени. Для достиженія первой цѣли служатъ вопросы, возбуждающіе критическую мысль и резюмирующіе содержаніе текста; для второй—примѣчанія съ избранными цитатами изъ сочиненій Тэна, Пелисье, Бурже, Гоголя, Пушкина, Тургенева, Островскаго, Гончарова, Буслаева. Приложеніемъ къ книгѣ служитъ самостоятельный психологическій очеркъ самого г. Балталона «Образность и сходство, какъ условія художественности».

Нельзя не признать, что изданіе «Эстетики» Бѣлинскаго является оригинальною новинкою въ нашей литературѣ и должно быть разсматриваемо, какъ первый опытъ созданія у насъ полнаго курса по теоріи словесности, въ чемъ ощущается значительный недостатокъ, какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, курсъ г. Балталона (если это названіе только примѣнимо въ настоящемъ случаѣ) нѣсколько одностороненъ, такъ какъ въ основаніе его положенъ всего одинъ, хотя и очень выдающійся писатель, но вѣдь и происхожденіе этого курса ведетъ свое начало именно изъ юбилейныхъ дней памяти этого писателя, почему и назначеніе его можетъ быть разсматриваемо двояко—и какъ дань памяти великому учителю и какъ первый вкладъ въ науку, которая нѣкогда въ лицѣ своихъ офиціальныхъ представителей отнеслась такъ высокомѣрно и близоруко къ одному изъ самыхъ выдающихся представителей русской мысли.

Тѣмъ же г. Балталономъ составлена, какъ дополненіе къ первому большому труду, небольшая популярная брошюра «Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго», гдѣ попадаются тѣ же положенія, которыя болѣе обстоятельно нашли свое мѣсто въ «Эстетикѣ».

Аналогичное значеніе съ изданіями «Дѣтскаго Чтенія» и «Комиссіи преподавателей русскаго языка» имѣютъ и два труда г. А. Сальникова — «В. Г. Бѣлинскій объ искусствѣ. Основы эстетики» и «В. Г. Бѣлинскій для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности, съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзіи. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній». Первая книга соотвѣтствуетъ «Эстетикѣ» г. Балталона, но беретъ задачу уже и даетъ ее читателямъ въ недостаточно систематизированномъ видѣ для полнаго курса по теоріи литературы. По графамъ и рубрикамъ она скорѣе выполняетъ задачу, положенную въ основаніе первой части работы г. Острогорскаго въ изданіи «Дѣтскаго Чтенія». Что касается второй книги,

то она болѣе сродни труду г. Покровскаго, но выполняетъ задачу болѣе полно, нежели «Сборникъ историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго». Въ то время, какъ г. Покровскій начинаетъ серію статей нашего критика съ Державина, г. Сальниковъ захватываетъ и до-Петровскій періодъ, а новую литературу ведетъ съ Кантемира. Кромѣ того, имъ вначалѣ взяты истолкованія Бѣлинскимъ общаго значенія слова «литература» и основныхъ понятій о поэзіи. Уступая книгѣ г. Острогорскаго въ систематичности теоретическаго матеріала и въ статьяхъ общелитературнаго содержанія, а также по театральному искусству, книга г. Сальникова даетъ больше мѣста разбору Бѣлинскимъ русскихъ авторовъ и дѣйствительно всѣхъ больше соотвѣтствуетъ программамъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Кромѣ перечисленныхъ отдѣльныхъ изданій, на книжномъ рынкѣ появилась и небольшая брошюра г. Л. С. «Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи» съ эпиграфомъ изъ Добролюбова:

И мертвый—живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣньи молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...

Работа г. Л. С. очень любопытна, давая сводъ мнѣній Бѣлинскаго по одному изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ русской жизни, столь волнующему о сю пору наше общество. Русская литература въ первый разъ, кажется, устами покойнаго профессора Ор. Ѳед. Миллера обратила серіозное вниманіе на педагогическія воззрѣнія Бѣлинскаго, и съ тѣхъ поръ эта сторона его литературной дѣятельности неоднократно бывала предметомъ журнальныхъ обсужденій, и ее же взялъ г. Острогорскій содержаніемъ своихъ рѣчей и на петербургскомъ торжествѣ въ думѣ, и на празднествахъ въ Пензѣ. Поэтому для лицъ, которымъ почему либо недоступны остальныя работы по тому же вопросу, брошюра г. Л. С. даетъ добросовѣстно и систематически сведенный матеріалъ о педагогическихъ воззрѣніяхъ нашего критика.

Что касается брошюры г. Абрамова «Памяти Бѣлинскаго», то значеніе ея можетъ быть сведено къ довольно пестро составленному собранію изреченій Бѣлинскаго по разнообразнымъ вопросамъ жизни, отчасти пригодному на случай необходимости цитированія мнѣній этого писателя. Тутъ читатель найдетъ опредѣленія, что такое, по мнѣнію Бѣлинскаго, «красота», «Европа и Азія», «театръ», «дѣтскій писатель», «истина» и проч. и проч. изъ самыхъ разнообразныхъ областей. Вторая часть брошюры «Романъ Бѣлинскаго» является

небольшимъ отрывкомъ изъ жизни критика, составленнымъ на основаніи извѣстной переписки его съ невѣстой, отрывки изъ которой приведены мною въ первой части настоящаго очерка.

Этимъ исчерпывается все, появившееся въ печатномъ видѣ до послѣдняго времени на журнальномъ, газетномъ и книжномъ рынкѣ двухъ столицъ въ качествѣ достойныхъ поминокъ нашего великаго критика. Теперь остается отмѣтить, въ какихъ общественныхъ проявленіяхъ послѣ описаннаго мною уже засѣданія въ обществѣ любителей россійской словесности была почтена память Бѣлинскаго въ день годовщины его смерти [1]).

XII.

Въ Петербургѣ иниціаторомъ чествованія памяти Бѣлинскаго явился «Союзъ русскихъ писателей», перенесшій, однако, и по соображеніямъ лѣтняго времени, и въ виду готовящихся торжествъ въ Пензѣ, свое празднество съ 26-го мая на воскресный день 10-го мая. Въ этотъ день утромъ «союзъ» устроилъ экстренное собраніе своихъ членовъ, въ залѣ городской думы въ присутствіи многочисленной публики, явившейся по спеціально разосланнымъ пригласительнымъ билетамъ; послѣ торжественнаго утренняго засѣданія послѣдовалъ въ ресторанѣ Контана обѣдъ по заранѣе составленной подпискѣ.

Какъ обстоятельно и вполнѣ точно описываютъ «Биржевыя Вѣдомости», къ двумъ часамъ дня многочисленная публика, въ томъ числѣ представители литературнаго міра, наполнила обширную думскую залу. Предъ бронзовымъ бюстомъ Бѣлинскаго, обставленнымъ растеніями, расположились участники торжества и представители комитета. Съ небольшимъ въ 2 часа предсѣдатель собранія, объявивъ собраніе открытымъ, предложилъ присутствовавшимъ почтить вставаніемъ память того выдающагося дѣятеля русской литературы, съ именемъ котораго такъ тѣсно связана ея судьба и котораго могло бы забыть только общество, совершенно чуждое любви къ литературѣ и безучастное къ своей славѣ.

Выступившій на каѳедру В. П. Острогорскій предложилъ рѣчь о «Бѣлинскомъ, какъ педагогѣ». По мнѣнію оратора, Бѣлинскій былъ такимъ же колоссально-великимъ человѣкомъ въ дѣлѣ поднятія просвѣщенія и облагороженія умовъ Россіи, какими были на

[1]) Ко времени выпуска настоящей брошюры въ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ также появились краткія хроники чествованій памяти Бѣлинскаго, имѣвшихъ мѣсто, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Хроники эти напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Богатствѣ» и «Мірѣ Божьемъ». Въ послѣднемъ журналѣ его редакторъ, В. П. Острогорскій, помѣстилъ свои воспоминанія о Пензенскихъ торжествахъ, въ коихъ онъ принималъ горячее участіе.

Западѣ Руссо, Шиллеръ и Гете. Этотъ «первый по времени и единственный доселѣ» русскій педагогъ, никогда не ставившій своею цѣлью писаніе спеціально педагогическихъ статей, слишкомъ, однако же, часто затрогивалъ вопросъ объ истинномъ воспитаніи человѣка и въ рѣшеніи его обнаружилъ свѣтлый умъ. Это былъ патріотъ-педагогъ, горячо вѣрившій въ силы своего народа, въ его предрасположенность ко всему прекрасному. «Зрѣютъ уже теперь прекрасныя сѣмена для будущаго»,—говорилъ онъ и высказывалъ твердое убѣжденіе, что не слишкомъ уже далеко то время, когда будетъ у насъ своя самостоятельная литература, и мы будемъ уже не подражателями, но соперниками Западу. Имя Петра I было для него священнымъ символомъ, и въ полемикѣ съ славянофилами онъ страстно бичевалъ допетровскій мракъ. Уже почти наканунѣ смерти онъ пламенно обличалъ Гоголя за его ретроградныя тенденціи. Показавъ, далѣе, по выдающимся типамъ русской литературы дѣйствительно печальную постановку у насъ воспитательнаго дѣла, ораторъ перешелъ къ частной характеристикѣ педагогическаго идеала критика. Первое, что отличаетъ его педагогику,—это гуманизмъ, стремленіе воспитать человѣка въ собственномъ смыслѣ, человѣка, отрѣшившагося отъ мелочныхъ интересовъ сословности, чуждаго исключительно матеріальныхъ соображеній. Чествуемый писатель былъ истиннымъ апостоломъ самой широкой гуманности. Другою чертою, рѣзко отмѣчающею его взгляды, былъ идеализмъ, казавшійся ему дѣйствительною основою воспитанія. Его идеаломъ было—воспитать человѣка, которому бы до старости не чуждо было ничто человѣческое, который бы отзывался сердцемъ на все, «что проситъ у сердца отвѣта». Въ дѣлѣ воспитанія чувства огромная роль удѣлялась имъ чувству религіозному и эстетическому. Только такое воспитаніе способно создать не отвлеченнаго человѣка, но горячаго патріота, сердце котораго живо бьется за интересы національности, борца за истину гражданина. «Теперь,—заключилъ ораторъ,—пробуждается въ обществѣ интересъ къ педагогикѣ. Какъ отрадно видѣть отзвуки его идей даже въ современныхъ педагогическихъ теченіяхъ. Пусть же онѣ и вѣчно будутъ намъ путеводною звѣздой!»

Послѣ шумныхъ аплодисментовъ, сопровождавшихъ рѣчь почтеннаго педагога, на каѳедру вошелъ г. Н. А. Котляревскій, избравшій темою: «В. Г. Бѣлинскій, какъ истолкователь главнѣйшихъ литературныхъ теченій своего времени». «Бѣлинскій, — говорилъ г. Котляревскій,—одно изъ тѣхъ лицъ, которымъ выпадаетъ счастіе быть какъ бы истолкователями своего вѣка, закрѣплять въ словѣ весь ходъ жизни современниковъ. Читая Бѣлинскаго, мы какъ бы переживаемъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ десятилѣтій, отмѣченныхъ такимъ полетомъ философской мысли, такимъ интенсивнымъ подъемомъ нравственнаго чувства и художественнаго творчества, какіе рѣдко повторяются.

Излагать измѣненія въ его міровоззрѣніи почти то же, что излагать движеніе нашей общественной жизни вообще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Бѣлинскій — горячій романтикъ, ревностный сторонникъ этого теченія, такимъ пышнымъ и роскошнымъ цвѣткомъ распустившагося на западѣ. Въ его душѣ разладъ съ дѣйствительностью, онъ живетъ мечтой и идеалами. Но этотъ цвѣтокъ, не имѣвшій въ Россіи достаточно подготовленной почвы, у насъ являлся только тепличнымъ растеніемъ, и Бѣлинскій первый понялъ странность этого увлеченія. Въ началѣ 30-хъ годовъ предъ нами уже новый человѣкъ, ведущій борьбу съ романтизмомъ, только мѣшающимъ жизни. Теперь это философъ-эстетикъ, повидимому, примирившійся съ жизнью и не осуждающій ея. Намъ теперь не понять, какъ сухія логическія построенія могли заглушить мучительный разладъ духа, но нужно признать, что увлеченія критика философіей были не увлеченіемъ только разсудочнымъ, но, главнымъ образомъ, обусловливались потребностью сердца. Усталое, истомленное и разочарованное, оно видѣло въ философіи успокоеніе и прибѣгало къ ней, какъ къ наркотическому средству. И снова черезъ 2—3 года предъ нами новая физіономія. Бѣлинскій— боецъ за опредѣленную соціальную программу, пытающійся согласить жизнь со своими понятіями объ идеалѣ и чрезъ изученіе жизни запада понявшій, что нужно прежде всего выработать общечеловѣческую личность, свободную отъ стѣсняющихъ традицій, и эмансипировать духовно и матеріально низшіе классы. Онъ радостно привѣтствуетъ Герцена, Тургенева, Достоевскаго и Григоровича потому именно, что въ ихъ рѣчахъ ему слышится жалоба за обездоленнаго и оскорбленнаго человѣка. Смерть прервала его дѣятельность, но онъ угадалъ идущее смѣнить его поколѣніе. Онъ выстрадалъ многое за этихъ людей, пришедшихъ ему на смѣну, онъ далъ имъ ту убѣжденность, съ какою они выступили на свое дѣло. И философія Гегеля, и славянофильство—все это теперь лишь историческія воспоминанія,—закончилъ лекторъ,— но память Бѣлинскаго жива, и отъ его могилы вѣетъ жизнью. И не больше ли, въ самомъ дѣлѣ, жизни въ иныхъ могилахъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ живыхъ людяхъ?»

«Великое сердце» чествуемаго писателя являлось темою слѣдовавшей затѣмъ рѣчи С. А. Венгерова. Оставляя въ сторонѣ уже отчасти оцѣненныя интеллектуальныя достоинства критика, ораторъ задался цѣлью охарактеризовать Бѣлинскаго, какъ душевный типъ, сказать нѣсколько словъ о томъ «Неистовомъ Виссаріонѣ»,—какъ его звали въ его частномъ кружкѣ,—въ каждой фразѣ котораго слышно біеніе самаго благороднаго сердца, который стоялъ на никѣмъ не достижимой высотѣ нравственнаго чувства, о томъ рыцарѣ безъ страха и упрека и великомъ страстотерпцѣ, который выстрадалъ свои убѣжденія. Уже въ юношескихъ драмахъ, сыграв-

шихъ печальную роль въ его жизни, сказался его рѣзкій, идущій прямо отъ сердца протестъ честнаго человѣка противъ злоупотребленій крѣпостного права. Позднѣе тѣ же качества великаго сердца рельефно проявились въ его «Литературныхъ мечтаніяхъ», по бурному и страстному тону которыхъ можно возстановить, какъ живую, личность этого восторженнаго мыслителя. Статьи «Молвы» и «Телескопа», часто писанныя по самымъ ничтожнымъ поводамъ, проникнуты тою же страстностью. Но всего ярче проявилась его восторженность въ философскихъ увлеченіяхъ, которыя возбуждали въ немъ не холодный академическій интересъ, но глубоко затрогивали его чувство. Онъ вѣровалъ въ откровенія Гегеля, а не только усвоялъ ихъ умомъ, и готовъ былъ на всякую жертву за свои убѣжденія, даже на потерю друга за несогласіе убѣжденій. Средній читатель, которому теперь доступны сочиненія критика, быть можетъ, смутится, читая ихъ. Быть можетъ, замѣтивъ раздвоенность въ его воззрѣніяхъ, онъ спроситъ, какой же Бѣлинскій изъ двухъ Бѣлинскихъ великъ и заслуживаетъ преклоненія? Но, въ сущности, не было никакого раздвоенія, и Бѣлинскій всегда былъ самимъ собою.

Вмѣсто указываемаго далѣе программою лектора А. Н. Пыпина приготовленная имъ рѣчь о литературныхъ и общественныхъ взглядахъ критика была прочитана г. Анненскимъ. Указавъ главнѣйшее враждебное Бѣлинскому теченіе славянофиловъ, выступившихъ съ проповѣдью о «гніеніи Запада», г. Пыпинъ отмѣтилъ характеръ борьбы покойнаго писателя со своимъ противникомъ, остановившись на словахъ Бѣлинскаго по поводу статьи Одоевскаго. Но, по словамъ автора рѣчи, Бѣлинскій вовсе не былъ тѣмъ крайнимъ западникомъ, какимъ его представляли и представляютъ иногда понынѣ. Въ послѣднихъ спокойныхъ статьяхъ онъ представляется довольно умѣреннымъ западникомъ, стремящимся къ европейскому «не потому, что оно не азіатское, но потому, что оно человѣческое». Реформаторъ Россіи казался Бѣлинскому лучшимъ представителемъ національности. Послѣ обсужденія значенія критика для Россіи и указанія оцѣнки его дѣятельности ближайшими современниками, авторъ закончилъ свой очеркъ словами человѣка противнаго Бѣлинскому лагеря — Аполлона Григорьева, призывающаго горячее сочувствіе общества на того, кто имѣлъ сочувствовать всему благородному, великому и прекрасному, никогда не отступать отъ правды, кто готовъ былъ ради нея на всякую жертву и смѣло и честно возставалъ противъ лжи.

Вслѣдъ за прочитаннымъ далѣе Е. П. Карповымъ извѣстнымъ отрывкомъ изъ стихотворенія Некрасова «Медвѣжья охота», посвященнымъ памяти великаго «либерала-идеалиста», Г. А. Джаншіевъ въ своей рѣчи сопоставилъ дѣятельность критика съ эпохою реформъ. Еще на студенческой скамьѣ бичевалъ онъ крѣпостничество, возмущаясь противъ него всею душой, съ замираніемъ сердца слѣдилъ

за всѣми попытками императора Николая возвратить народу свободу, вмѣстѣ съ Грановскимъ едва ли не первый заговорилъ «о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ». Въ приведенныхъ въ концѣ рѣчи словахъ славянофила Аксакова ораторъ отмѣтилъ то невольное признаніе значенія Бѣлинскаго, котораго не могъ не чувствовать даже человѣкъ враждебной ему стороны.

Рѣчь Н. К. Михайловскаго характеризовала покойнаго критика, какъ драматурга. Не скрывая невысокаго художественнаго значенія драмъ и даже видя въ этомъ подтвержденіе того положенія, что можно обладать высокимъ художественнымъ чутьемъ и въ то же время не быть художникомъ, ораторъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на то, что герои обѣихъ драмъ покойнаго являются въ значительной мѣрѣ изображеніями самого «неистоваго Виссаріона». Выражаемыя героями чувства, ихъ душевный складъ, даже самый эпиграфъ одной изъ драмъ—все это невольно вызываетъ въ умѣ образъ самого энтузіаста-критика. Въ драмахъ рѣзко сказывается съ одной стороны протестъ противъ несвободности крестьянства (и это за 30 лѣтъ до времени его освобожденія!) и сознаніе необходимости борьбы личности за свою свободу. Выдержками изъ переписки Бѣлинскаго г. Михайловскій показалъ, какимъ заклятымъ врагомъ «холопства» и подавленія личности всю свою жизнь былъ покойный, никогда не продававшій себя и предпочитавшій умереть съ голоду, чѣмъ сдѣлаться чьимъ либо рабомъ. Рѣчь закончилась пожеланіемъ «вѣчной памяти неистовому Виссаріону».

Г-жа О. Н. Чюмина по болѣзни въ собраніи не присутствовала, и послѣ рѣчи Н. К. Михайловскаго на каѳедру взошелъ П. И. Вейнбергъ, предложившій свою заключительную рѣчь. «День смерти писателя,—говорилъ онъ,—является для насъ днемъ свѣтлой радости. 17 лѣтъ назадъ во время чествованія памяти Пушкина, покойный драматургъ Островскій началъ свою рѣчь словами: «На нашей улицѣ праздникъ!» И эти чествованія памяти писателей, дѣйствительно, праздники, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о томъ, что есть высшая посмертная жизнь у тѣхъ тружениковъ пера, которые отмѣчены Божьимъ перстомъ, что ихъ трудъ, совершающійся незамѣтно для міра, высоко цѣнится соотечественниками, что и дальніе потомки будутъ чтить память ихъ «съ героемъ наравнѣ». Обратившись затѣмъ къ тому, что было 50 лѣтъ назадъ, г. Вейнбергъ прочувствованными стихами поэта изобразилъ печальное увяданіе и медленное угасаніе этого великаго, «по судьбѣ печальной безпримѣрнаго» человѣка, смерть котораго для многихъ была совершенно незамѣтною. «Затеряна давно твоя могила, и память благодарная друзей дороги къ ней не проторила»,—писалъ Некрасовъ по поводу смерти друга. Но теперь уже не то. Теперь знаютъ Бѣлинскаго, сочиненія его идутъ въ массу, ими зачитываются, и потомки его передадутъ своимъ по-

томкамъ его имя, окруженное ореоломъ величія, въ числѣ тѣхъ именъ, какими гордится Русская земля. «Разойдемся же отсюда,—заключилъ ораторъ,—не какъ съ печальныхъ поминокъ, но бодро и радостно, съ вѣрою, что невзгоды и препятствія, встрѣчающіяся русской мысли на пути къ свѣту и добру, преодолимы, что честные дѣятели удостоиваются все большаго и большаго признанія,—разойдемся со словами того поэта, котораго такъ прекрасно понималъ чествуемый нынѣ писатель, — словами Пушкина: «Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!».

Въ собраніи присутствовало немало представителей литературы и журналистики. Во время небольшого антракта П. И. Вейнбергомъ была прочитана телеграмма отъ племянниковъ и племянницъ критика, выражавшая благодарность комитету союза писателей и просьбу присоединить и ихъ, отсутствующихъ родственниковъ покойнаго, къ числу почитателей его памяти. Свояченица В. Г. Бѣлинскаго, г-жа Орлова, бывшая свидѣтельницею его послѣднихъ дней, лично присутствовала на торжествѣ.

Послѣ торжественнаго собранія въ Думѣ, состоялся въ ресторанѣ Контана обѣдъ, на которомъ присутствовали литераторы, адвокаты, педагоги, профессора и одинъ бывшій профессоръ, а нынѣ сановникъ, первоприсутствующій сенаторъ Н. С. Таганцевъ. Въ числѣ литераторовъ, участвовали въ обѣдѣ г-жи Шапиръ, Пѣшкова-Толивѣрова, Слѣпцова, Пименова, Ясевичъ-Бородаевская, гг. Михайловскій, Тимирязевъ, Максимовъ (С. В.), Карповъ, Василевскій, Нотовичъ, Вейнберъ, Венгеровъ, Барро, Глинскій, Лялинъ, Анненскій, Бернштамъ, Мякотинъ, Джаншіевъ, Ходневъ; въ числѣ профессоровъ: Карѣевъ, Свѣшниковъ, Поссе, Бороздинъ, Модестовъ, Коркуновъ; въ числѣ педагоговъ: гг. Гуревичъ, Анненскій, Острогорскій; въ числѣ адвокатовъ: гг. Спасовичъ, Турчаниновъ, Граціанскій, Берлинъ, Годлевскій. На обѣдѣ присутствовала затѣмъ, въ качествѣ почетной гостьи, свояченица Бѣлинскаго, Аграфена Васильевна Орлова.

Распорядителями обѣда были П. И. Вейнбергъ и Б. Б. Глинскій. Этотъ обѣдъ, по описанію хроникера «Новаго Времени», единственный въ своемъ родѣ, представлялъ собой дружескую трапезу учениковъ, собравшихся чествовать память общаго имъ дорогого учителя.

Тосты открылъ П. И. Вейнбергъ, предложивъ почтить память отсутствующаго амфитріона и виновника торжества вставаніемъ, послѣ чего предложилъ тостъ въ честь его свояченицы, А. В. Орловой. За этимъ первымъ тостомъ послѣдовали рѣчи, одинаково оживленныя, мѣстами краснорѣчивыя, произнесенныя гг. Тимирязевымъ, Острогорскимъ, Годлевскимъ, Джаншіевымъ, Михайловскимъ, Бороздинымъ, Таганцевымъ, Гуревичемъ, Анненскимъ, Щегловымъ, Ходневымъ и г-жей Пѣшковой-Толивѣровой.

Г. Тимирязевъ вспомнилъ въ своей рѣчи слова Бѣлинскаго:

«мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить». Эти надежды Бѣлинскаго, по мнѣнію автора, не оправдались: тяжело было жить дѣдамъ, да и внукамъ жить не легко. «Въ сегодняшній печальный день его смерти, — закончилъ свою рѣчь г. Тимирязевъ, — мы смѣло и увѣренно выскажемъ надежду, чтобъ въ недалекій свѣтлый день столѣтней годовщины его рожденія ученики Бѣлинскаго, если не мы, старые работники на вспаханной имъ нивѣ, то смѣняющая насъ молодежь, сказали бы, вызывая великую тѣнь своего дѣда: «Твои страданія принесли плодъ сторицей, твоимъ внукамъ наконецъ жить легко, ты попрежнему живъ между нами, но тебѣ нечего плакать горькими слезами, какъ говорилъ Добролюбовъ, настала желанная тобою минута, когда можно русскимъ писателямъ, по словамъ Гете:

На почвѣ свободной
Съ народомъ свободнымъ стоять.

Г. Годлевскій, присяжный повѣренный и публицистъ польскаго происхожденія, сказалъ, что онъ полюбилъ русскую литературу, благодаря сочиненіямъ Бѣлинскаго, и что такіе писатели, какъ Бѣлинскій, благородствомъ своихъ идеаловъ и возвышенностью стремленій всего лучше могутъ способствовать братскому единенію русскихъ съ поляками.

Г. Острогорскій замѣтилъ, что сегодня праздникъ не только русской литературы, но и русскаго просвѣщенія, что, благодаря удивительному критическому чутью Бѣлинскаго, русское общество впервые распознало и оцѣнило тѣхъ пятерыхъ писателей, которые «сдѣлали» современную русскую литературу: Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова и Гоголя.

Г. Таганцевъ, въ качествѣ пензяка, т. е. земляка Бѣлинскаго, вспомнилъ о своемъ пребываніи въ пензенской гимназіи, когда великовозрастные гимназисты учились думать и чувствовать по Бѣлинскому. Впослѣдствіи, въ университетскіе годы, вѣянія измѣнились, и г. Таганцеву съ его однокашниками-пензяками приходилось отстаивать Бѣлинскаго отъ нападокъ. Характеризуя Бѣлинскаго, ораторъ назвалъ его, между прочимъ, «истиннымъ юристомъ», доказывая, что онъ обладалъ настоящимъ «юридическимъ пониманіемъ общественной жизни», понималъ, что «идея и сущность человѣческаго общежитія — развитіе правъ человѣка и разумной свободы».

Г. Анненскій говорилъ о свободѣ слова, которую назвалъ «солнцемъ литературы», прибавивъ, что свободу нужно не только желать, но и заслужить.

Г. Гуревичъ предложилъ учредить при Литературномъ фондѣ капиталъ имени Бѣлинскаго, при чемъ тутъ же и собрано было по

подпискѣ свыше 300 рублей; г. Джаншіевъ разсказалъ о своемъ знакомствѣ на о. Корфу съ г-жей Орловой; г. Щегловъ говорилъ объ единеніи писателей; г. Михайловскій сравнилъ Бѣлинскаго съ виноградною лозой, которая дала многочисленные отпрыски, наличность которыхъ такъ наглядна въ современной литературѣ; г. Вейнбергъ предложилъ тостъ за современную критику въ лицѣ ея талантливаго представителя Н. К. Михайловскаго и предложилъ отправить въ Парижъ проживающей тамъ дочери Бѣлинскаго телеграмму.

Кромѣ торжественнаго собранія въ Думѣ и обѣда у Контана, «союзомъ писателей» въ день годовщины смерти критика была отслужена на Волковомъ кладбищѣ заупокойная обѣдня и панихида, на которыя собралось многочисленное общество, состоящее преимущественно изъ литераторовъ, профессоровъ и главнымъ образомъ учащейся молодежи.

По окончаніи панихиды, Л. Е. Оболенскій прочелъ стихотвореніе, которое заканчивалось слѣдующими строфами:

Ты солнцемъ былъ русской весны!
Расплавилъ ты льды вѣковые
Умовъ средь родимой страны,
Зажегъ ты въ нихъ думы иныя...

Засѣялъ ты ранней весной,
Милліоны кормящую, ниву,
Не многіе знаютъ о томъ,—
Кѣмъ свѣтлы, свободны и живы.

Но ждемъ мы, что новой весной —
Узнаетъ сторонка родная
Про подвигъ невидимый твой,
И крикнутъ отъ края до края:

«Нашъ сѣятель свѣтлый твой прахъ
Закопанъ въ холодной могилѣ,
Но живъ ты въ умахъ и сердцахъ,
Ты живъ въ нашей вѣрѣ и силѣ.

Порадуйся: свѣтъ не угасъ!
Твое сохраняемъ мы знамя,
И ярче горитъ между насъ
Тобой зароненное пламя...».

Затѣмъ поэтъ Н. Пановъ, прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

Полвѣка мінула со дня
Твоей безвременной кончины;
Все тѣ-же страсти, суетня,
Все тѣ-же скорби и кручины...
Все такъ же, сдѣлавъ шагъ впередъ,
Назадъ нерѣдко отступаемъ,
Плетемся ощупью въ разбродъ,
Но кто-то насъ порой зоветъ,
Кому-то, вѣщему, внимаемъ.

Памятникъ В. Г. Бѣлинскаго на Волковомъ кладбищѣ.

Не ты ли, слабыхъ, робкихъ, насъ
Зовешь изъ сумрачной пустыни
Туда, гдѣ жизнь, гдѣ не угасъ,
Горитъ огонь твой и донынѣ?
Ты насъ ведешь въ священный бой,
Въ борьбу съ упрямыми врагами —
Того, что начато тобой,
Что будетъ кончено не нами...
Намъ дороги твои мечты,
Мы знаемъ какъ въ былые годы
Неотразимъ вліяньемъ ты,
Защитникъ правды и свободы...
Не малодушье и не лѣнь,
Тоска по волѣ губитъ силы,
И съ ней пришли мы въ этотъ день
Къ тебѣ, страдальческая тѣнь;
Благослови насъ изъ могилы,
Идущихъ врозь соедини
Глаголомъ своего завѣта,
Чтобы на голосъ твой они
Шли въ царство истины и свѣта!

За г. Пановымъ говорилъ на могилѣ С. Н. Кулябко-Корецкій; ораторъ говорилъ о необходимости слѣдовать завѣтамъ Виссаріона Григорьевича любить русскій народъ такой же искренней любовью, какъ любилъ его почившій. По мнѣнію оратора, лучшей памятью покойнаго будетъ вѣра въ его идеалы и продолженіе той честной работы, которую началъ Бѣлинскій. «Нельзя вѣрить тому, сказалъ, между прочимъ, г. Кулябко, что теперь интеллигенція разъединена съ народомъ, что послѣдній разошелся съ ней окончательно; мы, старики, отживаемъ свое время; дѣло молодежи стойко и честно отдавать народу всѣ свои силы, свою душу и свои стремленія, и это будетъ лучшей наградой тому, память котораго мы всѣ, собравшіеся сюда, такъ благоговѣйно чтимъ сегодня».

П. И. Вейнбергъ, отъ имени литературнаго фонда, заявилъ, что за лучшее сочиненіе о В. Г. Бѣлинскаго названнымъ учрежденіемъ назначена денежная премія въ размѣрѣ 1,500 рублей, пожертвованныхъ для этой цѣли Л. Ф. Пантелѣевымъ.

Одинаково съ Петербургомъ и Москва почтила этотъ день церковными служеніями.

XIII.

Не менѣе столичныхъ городовъ отнеслась горячо къ чествованію памяти Бѣлинскаго провинція, гдѣ во многихъ центрахъ — Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Кишиневѣ, Саратовѣ, Казани, Самарѣ, Ставрополѣ, Чембарѣ, Пензѣ, Новочеркаскѣ, Тамбовѣ, Батумѣ, Екатеринбургѣ, Томскѣ и т. д., и т. д. были справлены болѣе или менѣе торжественные

поминки великаго критика. Несмотря на многія неблагопріятныя стороны общественной жизни провинціи, несмотря на многіе тормазы и препятствія къ проявленію свободныхъ чувствъ и думъ, однако, праздникъ русской интеллигенціи можно считать въ общемъ удавшимся, и имя славнаго писателя и интересъ къ нему въ теченіе нѣсколькихъ дней положительно заслоняли собою всѣ остальныя явленія и событія будничныхъ дней. Конечно, не вездѣ дѣло обошлось благополучно, гладко; кое-гдѣ сказались непріятныя шероховатости и неудачи, кое-гдѣ не оправдались въ полной мѣрѣ пылкія мечтанія и надежды, но всѣ эти прорухи могутъ быть разсматриваемы, лишь какъ печальныя исключенія и отступленія отъ остального свѣтлаго и безоблачнаго фона. Вѣдь надо же имѣть въ виду, какъ еще недавно имя Бѣлинскаго было запретнымъ, какъ еще и понынѣ нѣкоторые морщатся и чуть ли не негодуютъ при воспоминаніи объ одномъ только просвѣтительномъ и освободительномъ значеніи дѣятельности нашего критика. Посмотрите только, что еще понынѣ по тому же вопросу говорится въ «Гражданинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», служащихъ во всякомъ случаѣ извѣстнымъ отраженіемъ нѣкоторыхъ вѣяній, и при томъ вѣяній довольно вліятельныхъ, чтобъ стало яснымъ, сколько энергіи и какой затраты силъ потребовалось отъ русской интеллигенціи, чтобъ хоть что нибудь создать достойное вниманія и отмѣтки въ лѣтописи общественной жизни. Поэтому совершенно нельзя согласиться съ г. Абрамовымъ, нѣсколько преждевременно заявившимъ на столбцахъ «Недѣли» (№ 22), будто «празднованіе вышло далеко не соотвѣтствующимъ ни достоинству того, чья память чествовалась во время этихъ празднествъ, ни обязанностямъ тѣхъ, кто чувствовалъ себя имѣющимъ право принять участіе въ этомъ праздникѣ интеллигенціи». Я понимаю, что перомъ почтеннаго публициста руководило возвышенное желаніе видѣть празднованіе памяти Бѣлинскаго всенароднымъ, ярко-національнымъ и ознаменованнымъ рядомъ великихъ дѣяній со стороны современниковъ, дѣяній, долженствовавшихъ послужить вещественными памятниками великому критику. Что и говорить, конечно, желательно бы было видѣть какъ можно больше такихъ вещественныхъ памятниковъ, но... но надо быть нѣсколько терпѣливымъ и умѣреннымъ въ своихъ благихъ пожеланіяхъ—все это несомнѣнно будетъ, будетъ современемъ, а пока остается лишь порадоваться, что первыя попытки громкаго общественнаго признанія заслугъ передъ Русской землей со стороны незабвеннаго критика вышли удачными и свидѣтельствующими о несомнѣнной зрѣлости нашей интеллигенціи и о ея культурной возмужалости. Судить о торжествахъ Бѣлинскаго и оцѣнивать ихъ слѣдуетъ въ рамкахъ существующихъ условій русской жизни, а не внѣ пространства и времени, гдѣ нѣтъ ни препятствій, ни неожиданностей, ни всего того, что помѣшало

этимъ празднествамъ выйти такими, каковыми ихъ хотѣлось видѣть нетерпѣливымъ и поспѣшнымъ людямъ. Поэтому мнѣ кажется, что всякое брюзжаніе, хаяніе и фрондированіе по отношенію интеллигенціи за ея недостаточное вниманіе къ славному покойнику по меньшей мѣрѣ лишни и безполезны, чтобъ не сказать сильнѣе. Это вноситъ въ общее настроеніе холодную струю разочарованія и ослабляетъ тотъ подъемъ духа, для котораго въ будущемъ предстоитъ еще много дѣла. Предстоитъ организовать средства для постановки памятника на мѣстѣ родины критика, предстоитъ еще присутствовать при чествованіи его памяти Петербургскимъ университетомъ осенью, устраиваемомъ соединенными силами нѣсколькихъ ученыхъ обществъ при университетѣ, предстоятъ, по слухамъ, еще нѣкоторыя торжества и увѣковѣченія памяти писателя, необходимость которыхъ пока бродитъ въ сознаніи отдѣльныхъ представителей нашего общества. Поэтому, въ видахъ неполной законченности «праздника интеллигенціи», прерваннаго мертвымъ затишьемъ лѣтняго сезона, слѣдуетъ вносить въ общественное настроеніе не разочарованіе, тоску и охлажденіе, а бодрость духа, сознаніе своихъ сплоченныхъ силъ и вѣру въ непоколебимую крѣпость этихъ силъ. Весенній опытъ вышелъ удачнымъ, будемъ же бодро и съ неомраченнымъ чувствомъ ждать осенняго продолженія этихъ торжествъ, а теперь посмотримъ, гдѣ и какъ провинціальная жизнь отмѣтила памятный день 26-го мая.

Описаніе провинціальныхъ торжествъ, по всей справедливости, надо начать съ Кіева, гдѣ еще осенью 1897 г. въ коллегіи Павла Галагана преподаватель Г. В. Александровскій произнесъ рѣчь, посвященную Бѣлинскому. Ораторъ обстоятельно отмѣтилъ важнѣйшіе моменты критической дѣятельности Бѣлинскаго, указалъ на значеніе ея въ русской жизни и поскольку она содѣйствовала росту общественнаго самосознанія. Въ заключеніе г. Александровскій поставилъ вопросъ о необходимости изданія для учащагося юношества собранія избранныхъ сочиненій Бѣлинскаго, т. е. намѣтилъ ту задачу, которую дѣйствительно уже выполнили гг. Острогорскій, Покровскій, Сальниковъ и Балталонъ, въ указанныхъ мною выше трудахъ. Рѣчь г. Александровскаго вскорѣ поступила въ продажу отдѣльной брошюрой и на книжномъ рынкѣ явилась первою ласточкой въ нынѣшней обширной литературѣ о Бѣлинскомъ.

Въ томъ же Кіевѣ, въ день 26-го мая, была отслужена въ помѣщеніи литературно-артистическаго клуба панихида по критикѣ, а наканунѣ въ зданіи Университета состоялось торжественное засѣданіе, собравшее многочисленную публики. Особенно любопытною была здѣсь рѣчь проф. Романовича-Славатинскаго, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ совпавшая по мотивамъ съ выводами въ работѣ С. Венгерова «Великое сердце». 31-го мая въ залѣ купеческаго собра-

нія состоялось другое засѣданіе, посвященное памяти покойнаго, гдѣ было прочитано нѣсколько рефератовъ о его жизни и дѣятельности. Въ мѣстной газетѣ «Кіевское Слово», помимо обстоятельнаго отчета о торжествѣ въ залѣ купеческаго общества, былъ напечатанъ рядъ фельетоновъ г. М. М. о жизни и дѣятельности Бѣлинскаго главнымъ образомъ на основаніи извѣстнаго изслѣдованія Пыпина: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». Въ «Кіевскомъ Словѣ» же была воспроизведена полностью интересная рѣчь на засѣданіи «литературно-артистическаго общества» Н. Николаева, посвященная выясненію значенія Бѣлинскаго, какъ театральнаго критика. «Мы знаемъ,—заключилъ свою рѣчь г. Николаевъ,—что Бѣлинскій не дожилъ до созданія бытовой, національной комедіи, выступившей въ лицѣ А. Н. Островскаго на поприще общественнаго служенія въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но мы хорошо должны помнить, что пути къ этому служенію были расчищены вдохновеннымъ словомъ человѣка, который каждымъ біеніемъ своего сердца, стремился къ истинѣ, сгорая, какъ свѣточъ, зажженный рукою творца въ сумеркахъ человѣческой жизни!...»

Городская хроника Кишенева указала на чрезвычайно любопытное событіе: въ этомъ городѣ во всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ были отслужены панихиды, въ присутствіи учебнаго персонала и учащихся, преимущественно старшихъ классовъ. Особенно пріятно отмѣтить панихиду во 2-мъ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, на которой присутствовали: директоръ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи, инспекторъ 1-го раіона, смотрителя 1-го и 2-го уѣздныхъ и ремесленнаго училищъ, а также учителя уѣздныхъ, ремесленнаго и приходскихъ училищъ. Эти торжественныя панихиды заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что здѣсь къ участію въ поминкахъ Бѣлинскаго были именно привлечены учащіе и учащіеся, которые въ иныхъ центрахъ провинціи, не исключая и Пензы, какъ видно будетъ дальше, были старательно устраняемы отъ присутствія на празднествахъ мѣстной интеллигенціи. Такимъ образомъ, то, что въ однихъ мѣстахъ провинціи поощрялось, въ другихъ находило себѣ порицаніе. Очевидно, въ данномъ случаѣ все дѣло находилось въ зависимости отъ того или иного настроенія мѣстной администраціи, въ однихъ случаяхъ сознававшей все воспитательное значеніе такого торжества, какъ чествованіе Бѣлинскаго, въ другихъ не оказывавшейся на высотѣ своего просвѣтительнаго служенія обществу. Въ Кишиневѣ же была отслужена панихида въ тотъ день въ мѣстномъ каѳедральномъ соборѣ, при участіи хора архіерейскихъ пѣвчихъ.

Въ Одессѣ еще до наступленія 26-го мая были устроены два торжественныхъ засѣданія мѣстныхъ обществъ—литературно-артистическаго и славянскаго благотворительнаго, а также вечеръ въ на-

родной аудиторіи, посвященный памяти Бѣлинскаго. Одесскія торжества, по слухамъ, нельзя считать вполнѣ удавшимися; однако, нельзя не отмѣтить, что Одесса первая сдѣлала попытку сблизить образъ незабвеннаго писателя съ широкой аудиторіей изъ народа, попытку пропаганды Бѣлинскаго въ низшихъ слояхъ общества.

Въ Новочеркасскѣ, Ставрополѣ кавказскомъ и Самарѣ были устроены литературные вечера или утра въ память Бѣлинскаго причемъ особенно удачнымъ вышло чествованіе въ Самарѣ. Здѣсь «утро» началось панихидой, послѣ которой однимъ священникомъ была произнесена рѣчь; за этимъ послѣдовало вступительное слово, произнесенное извѣстнымъ писателемъ А. С. Пругавинымъ, рельефно обрисовавшимъ между прочимъ обстановку, въ которой нѣкогда дѣйствовалъ критикъ; публика горячо аплодировала оратору и нѣсколько разъ вызывала его. За Пругавинымъ вышелъ А. Смирновъ, прочитавшій весьма удачно рефератъ «В. Г. Бѣлинскій, его взгляды, литературное и воспитательное значеніе»; слѣдующій рефератъ А. А. Уманьскаго былъ прочтенъ не самимъ авторомъ, а однимъ изъ учителей мѣстной гимназіи. Торжество закончилось чтеніемъ отрывка изъ Некрасовской поэмы «Медвѣжья охота», артистически исполненнымъ М. С. Позернъ, но, къ сожалѣнію, почему-то съ пропусками.

Въ Рязани празднество въ память Бѣлинскаго было организовано мѣстной ученой архивной комиссіей. На торжество собралось до 400 человѣкъ публики; на эстрадѣ, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго попечителя комиссіи, Н. С. Брянчанинова, открылось засѣданіе его рѣчью, объявлявшею, что вліяніе Бѣлинскаго настолько широко распространялось въ свое время, что каждая мѣстность можетъ считать его своимъ; списки его статей расходились по рукамъ и въ Рязанской губ.; сохранились эти списки въ библіотекѣ комиссіи, которая потому, имѣя задачей охранять слѣды и реликвіи мѣстной исторической жизни, сочла долгомъ осмыслить вліяніе Бѣлинскаго въ день, когда его сочиненія перестаютъ быть частною собственностью наслѣдниковъ его. На эстрадѣ въ группѣ лавровъ и пальмъ высился портретъ Бѣлинскаго, и подъ нимъ его книги; все это было украшено лавровымъ вѣнкомъ съ лентами: «Бѣлинскому почитатели его таланта».

Далѣе былъ прочтенъ очеркъ жизни и литературной дѣятельности Бѣлинскаго Е. И. Воскресенскимъ, потомъ прочтенъ былъ очеркъ г. Джаншіева «Бѣлинскій и реформы 60-хъ гг.», далѣе слѣдовала рѣчь А. Н. Веселовскаго Orlando furioso (неистовый Виссаріонъ) и, наконецъ, рѣчь В. С. Вуимистрова о лицахъ, оберегавшихъ талантъ Бѣлинскаго. Огромное впечатлѣніе на публику произвели рѣчи гг. Джаншіева и Веселовскаго. Вообще этотъ вечеръ, какъ засвидѣтельствовалъ корреспондентъ «Биржев. Вѣдом.», и многолюдство аудиторіи, и оживленныя одобренія лекторовъ, и участіе въ

средѣ членовъ комиссіи офиціальныхъ лицъ—все это представляло нѣчто выходящее изъ ряда.

Въ Тамбовѣ чествованіе памяти Бѣлинскаго вызвало борьбу мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, представляющую то несомнѣнно любопытное явленіе, что именно центромъ этой борьбы было имя писателя и оцѣнка его дѣятельности. Пусть не всѣ общественные элементы, хотя бы даже и руководящіе, не оказались на высотѣ призванія,—согласенъ признать этотъ печальный фактъ, но здѣсь важно отмѣтить самую возможность уже въ провинціи сосредоточивать борьбу не около дрязгъ и низменныхъ интересовъ, а вокругъ вопросовъ просвѣтительнаго свойства и значенія. Это обстоятельство служитъ несомнѣннымъ показателемъ нѣкоторой умственной зрѣлости общества и его потребности возвышаться надъ уровнемъ повседневной тины жизни. Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ «Сына Отечества» любопытные эпизоды изъ исторіи этой борьбы и то чествованіе въ мѣстномъ театрѣ, которымъ отмѣтилъ Тамбовъ день 26-е мая.

Въ Тамбовѣ есть, какъ извѣстно, основанное камергеромъ Э. Д. Нарышкинымъ, «Общество по устройству народныхъ чтеній, библіотекъ и читаленъ», но правленіе этого общества, по заявленію предсѣдателя, не считало себя вправѣ созвать членовъ въ общее собраніе для обсужденія вопроса о чествованіи памяти В. Г. Бѣлинскаго, такъ какъ, по мнѣнію правленія, В. Г. Бѣлинскій не имѣлъ никакого отношенія ни къ народной литературѣ, ни къ народному просвѣщенію». Иными глазами взглянуло на заслуги Бѣлинскаго предъ Россіей скромное «общество взаимопомощи приказчиковъ». Оно не забыло, что В. Г. Бѣлинскій, говоря словами Некрасова, «едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ» въ своей дѣятельности критика и вдохновителя русской литературы. И вотъ отъ этого-то общества приказчиковъ было отправлено въ правленіе общества народныхъ чтеній приглашеніе взять на себя иниціативу въ чествованіи памяти Бѣлинскаго городомъ Тамбовомъ. Само общество приказчиковъ, еще ранѣе этого приглашенія, составило проектъ выписать изъ Москвы какого нибудь лектора (и вступило въ переговоры съ г. Алферовымъ) для прочтенія публичной лекціи о Бѣлинскомъ. Но правленіе «общества народныхъ чтеній» не удостоило своимъ отвѣтомъ «какое-то приказчичье общество». Въ общемъ собраніи членовъ тамбовскаго просвѣтительнаго общества предсѣдатель правленія заявилъ: «ниже нашего достоинства пользоваться услугами общества приказчиковъ; что можетъ быть общаго между нами и ими?»

Желавшіе чествовать память В. Г. Бѣлинскаго должны были спеціально собирать подписи для того, чтобы заставить правленіе созвать общее собраніе (по уставу общества народныхъ чтеній, экстренное собраніе немедленно созывается, если этого требуетъ 1/3

наличныхъ членовъ). Они выставляли широкую програму чествованія, состоявшую въ слѣдующемъ: 1) посылка телеграммы съ выраженіемъ сочувствія на родину Бѣлинскаго, въ городъ Пензу; 2) торжественное засѣданіе общества народныхъ чтеній, на которомъ бы всякій желающій изъ членовъ общества могъ прочесть рефератъ, сдѣлать устный докладъ или произнести рѣчь, посвященную памяти покойнаго критика; 3) публичная лекція о В. Г. Бѣлинскомъ, для прочтенія которой предлагалось пригласить одного изъ извѣстныхъ лекторовъ: г. Алферова, Якушкина, Иванова и т. п.; 4) ходатайство о включеніи въ министерскій каталогъ для общедоступныхъ, безплатныхъ библіотекъ и читаленъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго во всѣхъ изданіяхъ; 5) ходатайство о разрѣшеніи для публичныхъ народныхъ чтеній біографіи В. Г. Бѣлинскаго, и, наконецъ, 6) предлагалось чествованіе памяти Бѣлинскаго соединенными силами всѣхъ тѣхъ учрежденій и обществъ, которыя пожелаютъ принять въ немъ участіе; причемъ общество народныхъ чтеній принимаетъ на себя иниціативу этого предпріятія и приглашаетъ принять въ немъ участіе другія учрежденія и общества. Но правленіе общества и большинство членовъ почему-то заранѣе отнеслись къ предложеніямъ, перечисленнымъ выше, какъ къ направленной противъ нихъ партійной вылазкѣ. Отсюда—упрямое непризнаніе прикосновенности Бѣлинскаго къ народному просвѣщенію и народной литературѣ; затѣмъ вынужденное согласіе взяться за организацію чествованія его памяти, а въ видѣ возмездія стремленіе урѣзать програму чествованія. Такъ, для чтенія рефератовъ о В. Г. Бѣлинскомъ создана комиссія изъ такъ называемыхъ «спеціалистовъ», т. е., попросту, преподавателей русскаго языка и словесности; во главѣ ихъ поставленъ учитель гимназіи В. К. Вяжлинскій, громко заявлявшій, что онъ недоумѣваетъ, какое можетъ быть «торжество» по поводу воспоминанія печальнаго событія, т. е. смерти В. Г. Бѣлинскаго а также думавшій, что нельзя посылать въ Пензу «привѣтственную» телеграмму или адресъ, ибо то и другое опять таки возможно лишь въ случаѣ именинъ, бракосочетанія и т. п. радостныхъ событій. Приглашеніе лектора изъ Москвы предсѣдатель не поставилъ на голоса и прекратилъ его обсужденіе, внезапно удалившись изъ засѣданія.

Въ результатѣ—печальная вещь: тамбовская публика отплатила пренебреженіемъ за пренебреженіе. На торжественномъ засѣданіи общества народныхъ чтеній членовъ общества и публики, взятыхъ вмѣстѣ, было 42 человѣка. «Спеціалисты» же оказались ниже всякой критики. Одинъ, В. К. Вяжлинскій, прочелъ клочекъ изъ «Воспоминаній» И. С. Тургенева о Бѣлинскомъ; другой—г. Комлевъ—клочекъ изъ книги Пыпина, третій—В. И. Протасовъ—клочекъ изъ Некрасова. Читали скучно и плохо.

Къ счастію для г. Тамбова, въ настоящее время въ немъ гастролируетъ казанско-саратовское товарищество артистовъ подъ управленіемъ г. Бородая. Ему пришла въ голову прекрасная мысль устроить 26-го мая послѣ спектакля торжественный «апоѳеозъ Бѣлинскаго». Необычайно удачно загримированные артисты представляли собой портреты главнѣйшихъ литераторовъ и поэтовъ эпохи Бѣлинскаго, съ нимъ самимъ въ центрѣ группы. Артистъ г. Шумовъ съ большимъ чувствомъ прочелъ извѣстное стихотвореніе Некрасова. «Молясь твоей многострадальной тѣни, учитель, передъ именемъ твоимъ позволь смиренно преклонить колѣни»... Почти вся немногочисленная интеллигенція захудалаго Тамбова, собравшаяся въ зданіи театра, привѣтствовала группу и чтеца восторженными рукоплесканіями, настойчиво требуя поднятія занавѣса. Въ заключеніе публика шумно вызывала и благодарила самого устроителя «апоѳеоза», г. Бородая, давшаго ей случай ознаменовать день пятидесятилѣтія, протекшаго со дня кончины Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

Въ Екатеринбургѣ мѣстное общество любителей изящныхъ искусствъ устроило также литературный вечеръ, и, кромѣ того, въ этомъ же городѣ рѣшено основать общественную библіотеку имени Бѣлинскаго. Затѣмъ можно было бы отмѣтить рядъ торжествъ, большихъ и малыхъ, скромныхъ и шумныхъ и во множествѣ другихъ городовъ нашего отечества, но всѣ эти торжества (даже на уральскихъ заводахъ) болѣе или менѣе однородны, и перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много ненужнаго мѣста. Въ однихъ мѣстахъ чествованія выразились панихидами, въ другихъ засѣданіями съ произнесеніемъ рѣчей, въ третьихъ театральными представленіями. Короче, провинціальные центры отмѣтили этотъ день, какъ могли и тѣми средствами, которыя были въ ихъ распоряженіи. Но наибольшій центръ общественнаго вниманія въ тѣ дни сосредоточился на торжествахъ въ Чембарѣ, Пензѣ и Саратовѣ, описанія которыхъ, сдѣланныя мѣстными хроникерами и столичными корреспондентами, я и считаю долгомъ предложить читателямъ.

XIV.

Въ Чембарѣ, на мѣстѣ родины Бѣлинскаго, какъ сообщилъ корреспондентъ «Сына Отечества», городская дума единогласно утвердила выработанный комиссіей проектъ устава библіотеки имени Бѣлинскаго и постановила выдавать библіотекѣ ежегодную субсидію въ размѣрѣ 100 рублей. Въ виду доступности библіотеки имени Бѣлинскаго населенію Чембара и его уѣзда, плата за пользованіе книгами и періодическими изданіями предполагается сравни-

тельно низкая: съ городскихъ подписчиковъ 3 рубля въ годъ, или 30 коп. въ мѣсяцъ, а съ иногороднихъ—5 рублей въ годъ. Въ настоящее время будущая библіотека имени Бѣлинскаго въ матеріальномъ отношеніи до извѣстной степени уже обезпечена, такъ какъ, кромѣ ежегодной сторублевой субсидіи отъ города и членскихъ взносовъ, на нее поступило довольно крупное пожертвованіе отъ извѣстной московской благотворительницы В. А. Морозовой. Открытіе чембарской библіотеки имени Бѣлинскаго предполагалось въ день юбилея, 26 мая, но такъ какъ уставъ ея до сихъ поръ еще не утвержденъ, то волей-неволею открытіе должно быть отсрочено на нѣкоторое время и, по всей вѣроятности, состоится не ранѣе 1-го января 1899 года.

Программа празднованія памяти Бѣлинскаго заключалась въ слѣдующемъ: 1) 26 мая торжественная литургія въ соборѣ, затѣмъ молебенъ и панихида въ соборѣ по Бѣлинскомъ, въ присутствіи приглашенныхъ представителей города и уѣзда, а также, если окажется возможнымъ, и учащихся; 2) панихида по Бѣлинскомъ въ городской управѣ; 3) произнесеніе рѣчей и стихотвореній; 4) открытіе библіотеки имени Бѣлинскаго (если будетъ ко дню юбилея утвержденъ уставъ ея) и помѣщеніе въ ней портрета нашего знаменитаго критика; 5) наименованіе главной улицы Чембара, гдѣ находится домъ, принадлежавшій когда-то отцу Бѣлинскаго, «улицей Бѣлинскаго»; 6) вечеромъ иллюминація городской управы, училищъ и городского сада. На необходимые расходы дума ассигновала 200 рублей.

Въ Пензѣ, гдѣ протекли учебные годы Бѣлинскаго и съ именемъ которой неразрывно связано имя нашего критика, торжество вышло осебенно пышно и вполнѣ достойно оправдало ожиданія русскаго общества, столь внимательно въ теченіе цѣлаго сезона прислушивавшагося къ приготовленіямъ, здѣсь совершавшимся. Пензенскія празднества были разбиты на два дня и, по показаніямъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», протекли въ слѣдующемъ порядкѣ и при слѣдующей обстановкѣ.

Въ теченіе перваго же дня пензенскій городской праздникъ какъ-то внезапно превратился въ праздникъ всероссійскій, праздникъ всероссійскаго просвѣщенія и прогресса. Со всѣхъ концовъ Россіи стеклись почитатели Бѣлинскаго либо лично, либо прислали телеграммы, которыми они присоединяются къ чествованію великаго критика. Однако, какъ выяснила практика Пензенскихъ дней, и теперь, черезъ 50 лѣтъ послѣ кончины, надъ Бѣлинскимъ тяготѣетъ какое-то роковое недоразумѣніе.

На извѣстную программу было получено разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, именно 26-го мая—богослуженіе, освященіе читальни и литературный вечеръ. Казалось бы, тутъ уже не могло

быть никакихъ затрудненій, но забыли, что, кромѣ свѣтской власти, есть еще духовная: былъ сдѣланъ по телеграфу запросъ въ Петербургъ, и оттуда получился отвѣтъ, что духовное начальство «не считаетъ нужнымъ церковное торжество». На этомъ основаніи въ просьбѣ о литургіи въ соборѣ было отказано.

Далѣе, французскій скульпторъ Капланъ, берущійся безплатно составить проектъ будущаго памятника Бѣлинскаго въ Пензѣ, изваявшій уже бюстъ «неистоваго Виссаріона», отправилъ этотъ послѣдній съ нарочнымъ въ Россію съ такимъ расчетомъ, чтобы бюстъ попалъ къ торжеству. Вмѣстѣ съ нимъ были отправлены фототипіи картины Леруа «Апоѳеозъ Бѣлинскаго». Фототипіи эти были предназначены для продажи, и сборъ ихъ долженъ былъ пойти на будущій памятникъ Бѣлинскаго. Цензурное разрѣшеніе на ихъ обращеніе въ Россіи было уже получено—и, тѣмъ не менѣе, таможенное вѣдомство, по какимъ-то формальнымъ основаніямъ, не разрѣшило ни бюсту, ни фототипіямъ ѣхать вмѣстѣ съ нарочнымъ, отправило ихъ быстрой скоростью, и бюстъ и фототипіи запоздали. Благодаря запозданію бюста г. Каплана, распорядители рисковали совсѣмъ остаться безъ изображенія великаго критика, а одинъ изъ нихъ нарисовалъ даже портретъ масляными красками. Выручилъ бюстъ, присланный предсѣдателемъ московскаго общества любителей русской словесности проф. Н. И. Стороженко, работы Н. Н. Ге, который и фигурировалъ на всѣхъ торжествахъ.

Чествованіе 26-го мая началось съ литургіи въ Петропавловской приходской церкви, находящейся на базарѣ, вдали отъ центральной части города, почти на выѣздѣ къ вокзалу. Однако, къ панихидѣ набралось очень много почитателей. Кромѣ пріѣхавшаго къ панихидѣ пензенскаго губернатора, камергера графа Адлерберга, изъ офиціальныхъ лицъ присутствовали жандармскій полковникъ и начальница женской прогимназіи. Не удостоили храма своимъ присутствіемъ директоры среднихъ учебныхъ заведеній, а таковыхъ въ Пензѣ четырнадцать.

Счастливая случайность устроила такъ, что богослуженіе происходило тотчасъ же послѣ праздниковъ Троицы, и храмъ былъ украшенъ зеленью. Зелень эта осталась и на панихидѣ по Бѣлинскомъ, какъ будто символизируя великую весну русской жизни, русскаго прогресса, русскаго просвѣщенія, вышедшую изъ сороковыхъ годовъ, славнымъ борцомъ которыхъ былъ поминаемый «рабъ Божій Виссаріонъ».

Послѣ панихиды всѣ почетные гости направились на выставку, устроенную обществомъ любителей россійской словесности въ память В. Г. Бѣлинскаго сначала въ Москвѣ, а теперь перевезенную въ Пензу и помѣщенную здѣсь въ зданіи пензенской рисовальной школы. Выставка была открыта съ 10 час. утра до 5 час. дня и съ пер-

ваго же дня стала привлекать большую массу публики, такъ что трудно было протискаться. Въ тотъ же день поступилъ въ продажу и изданный московской автотипiей Фишера альбомъ выставки, чистый сборъ съ котораго поступитъ въ фондъ на постройку въ Пензѣ зданiя для просвѣтительныхъ учрежденiй—народнаго дворца.

Въ часъ состоялось наименованiе въ честь В. Г. Бѣлинскаго безплатной народной библiотеки-читальни, существующей уже свыше двухъ лѣтъ. Послѣ молебствiя, совершеннаго въ красиво декорированной зеленью и украшенной бюстомъ великаго критика читальной залѣ читальни, Н. Р. Евграфовъ познакомилъ съ тѣмъ, что уже сдѣлала читальня, за что она имѣетъ право претендовать на присвоенiе ей имени Бѣлинскаго. Она успѣла уже прiобрѣсти прочныя симпатiи и насчитываетъ свыше 400 читателей, остающихся ей вѣрными за все время ея существованiя. Конечно, есть у нея много недочетовъ, между прочимъ—незначительное количество книгъ, невозможность организовать опросъ читателей о читанномъ и проч. Сильно вредитъ безплатной читальнѣ-библiотекѣ неопредѣленность средствъ и, между прочимъ, отсутствiе мѣста. Это привело оратора къ пожеланiю, чтобы скорѣе удалось осуществить идею постройки въ Пензѣ зданiя для просвѣтительныхъ учрежденiй имени В. Г. Бѣлинскаго. Затѣмъ Н. Р. Евграфовъ, замѣтивъ, что настоящая библiотека является первымъ живымъ памятникомъ великому критику, объявилъ, что отнынѣ она будетъ именоваться безплатной библiотекой-читальней В. Г. Бѣлинскаго. На торжествѣ присутствовалъ пензенскiй губернаторъ камергеръ графъ Адлербергъ.

Этимъ и закончилось оффицiальное утреннее торжество, послѣ котораго состоялся завтракъ, правильнѣе обѣдъ по подпискѣ, прошедшiй очень оживленно и сопровождавшiйся цѣлымъ рядомъ тостовъ.

Какъ обстоятельно описываетъ этотъ обѣдъ г. Б. Марковичъ въ № 112 «Саратовскiй Дневникъ», на немъ присутствовало болѣе ста человѣкъ изъ мѣстнаго общества, по преимуществу—представителей «служилаго сословiя». Изъ гостей были—гг. В. Острогорскiй, Потапенко, Быстренинъ (представитель «Новостей»), Грузинскiй, Балталонъ, Ермиловъ, проф. Архангельскiй, г-жа Билибина (отъ «Спб. Вѣдомостей»), А. Н. Кремлевъ, С. А. Орлинъ (петербургскiй педагогъ) и Б. Марковичъ (представитель «Саратовскаго Дневника). Надѣялись на прiѣздъ гг. Короленки, Михайловскаго, Таганцева, И. Иванова, П. Вейнберга и другихъ, но никто изъ нихъ не явился на Пензенское торжество и лишь первые три прислали привѣтственныя телеграммы.

Послѣ тоста за Государя Императора, провозглашеннаго предсѣдателемъ правленiя Лермонтовскаго общества, д-ромъ К. Р. Евграфовымъ, покрытаго громкимъ ура при звукахъ народнаго гимна, произнесенъ былъ тостъ за августѣйшаго покровителя Лермонтов-

скаго общества, великаго князя Константина Константиновича, принятый собраніемъ съ антузіазмомъ. Затѣмъ К. Р. Евграфовъ поднялъ бокалъ за живыхъ родственницъ Бѣлинскаго, — его дочь О. В. Бензи и сестру жены, А. В. Орлову. Тутъ же отправлена была Ольгѣ Виссаріоновнѣ Бензи телеграмма слѣдующаго содержанія: «Лица, собравшіяся въ Пензѣ чествовать пятидесятилѣтіе смерти Вашего отца, приносятъ Вамъ выраженіе своей глубокой благодарности и живой симпатіи. Они душевно сожалѣютъ о невозможности въ настоящее время закладки памятника» [1]. Отправлена также телеграмма А. В. Орловой съ выраженіемъ сожалѣнія объ ея отсутствіи въ Пензѣ и привѣтствіемъ по поводу чествованія ея великаго родственника. Гласный Думы и членъ организаціонной комиссіи по устройству празднествъ П. П. Львовъ поднялъ бокалъ въ честь городского головы, г. Евсгифѣева. Тяжелое семейное несчастье—смерть дочери—не позволило ему присутствовать на празднествахъ, къ которымъ онъ относился съ такимъ дѣятельнымъ сочувствіемъ. (Нужно замѣтить, что если инниціатива празднествъ принадлежитъ Лермонтовскому обществу, то осуществленіе ихъ является дѣломъ пензенской Думы, единокласно принявшей проектъ празднованія и ассигновавшей необходимую сумму). Тостъ въ честь городского головы былъ покрытъ громкими и продолжительными рукоплесканіями. Затѣмъ поднялся В. Острогорскій.

«Между нами нѣтъ современниковъ Бѣлинскаго — сказалъ онъ. Мы, старики, были дѣти, когда онъ проводилъ послѣдніе дни. И я не удостоился великой чести видѣть или слышать его, но съ дѣтства самого я слышалъ имя Бѣлинскаго, произносимое съ яркимъ сочувствіемъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ. Такъ относились къ этому имени во многихъ петербургскихъ кружкахъ того времени. Я сейчасъ помню, какъ однажды вошелъ мой отецъ и сказалъ мнѣ: «Знаешь ли, кто померъ? Нѣтъ, ты не знаешь, не можешь понять, что умеръ великій человѣкъ!—Мнѣ жалко его, отецъ, отвѣтилъ я.— Да жалѣй, жалѣй; помни его цѣлую жизнь». И это имя насъ, многихъ петербургскихъ юношей, сопровождало всю жизнь. Гимназистами мы читали Бѣлинскаго украдкой. Въ старшихъ классахъ мы уже знали всего Бѣлинскаго, хотя имя это не могло еще проникнуть въ гимназическія программы. Но мы его и въ гимназіи услышали. Однажды, мой учитель въ 3-й гимназіи, Стоюнинъ пришелъ въ классъ подготовлять насъ къ экзамену. «Знаете ли, какой сегодня день? Сегодня—26-е мая, годовщина смерти Бѣлинскаго!» Мы знали, мы были подготовлены и услышали въ гимназіи живое, убѣжденное слово Стоюнина, котораго, вмѣстѣ съ Ушинскимъ, Пирого-

---

[1]) Дѣло идетъ о памятникѣ въ честь Бѣлинскаго работы Каплапа. Закладка этого памятника, какъ еще не оконченнаго, признана несвоевременною.

вымъ и Водовозовымъ нужно считать преемниками Бѣлинскаго въ области русской педагогіи, куда они внесли идеи и завѣты великаго критика.

«Что же внесъ Бѣлинскій какъ въ педагогію, такъ и въ нашу критику, въ литературу, во всѣ области, которыхъ касался его мощный умъ? Самый возвышенный, самый благородный идеализмъ. Мы, русское образованное общество, не отличаемся практическими свойствами, но у насъ есть драгоцѣнный капиталъ—это нашъ идеализмъ. Этимъ идеализмомъ мы обязаны Бѣлинскому. Все, все мы отъ него получили. Принесемъ же, господа, нашу глубокую благодарность устроителямъ праздника Бѣлинскаго, чествованія лучшихъ, гуманныхъ идей. Да стоитъ долго этотъ градъ, съумѣвшій почтить память великаго Бѣлинскаго; да процвѣтетъ его народная библіотека; да помнятъ и дѣти наши этотъ знаменательный день! Пусть они потомъ повторятъ наше глубокое, сердечное спасибо за этотъ великій праздникъ!».

Эта рѣчь, къ концу которой голосъ оратора, достигъ патетической силы, наэлектризовала собраніе. Почти всѣ, при громѣ аплодисментовъ и восклицаній, вскочили съ мѣстъ и спѣшили привѣтствовать оратора.

Извѣстный художникъ К. А. Савицкій, завѣдующій теперь художественнымъ училищемъ и музеемъ въ Пензѣ, подтвердилъ своимъ личнымъ воспоминаніемъ потрясающее впечатлѣніе, произведенное смертью Бѣлинскаго въ Петербургѣ и произнесъ тостъ въ честь молодого своего собрата Каплана, работающаго теперь надъ памятникомъ великому писателю. Тутъ же была составлена привѣтственная телеграмма талантливому скульптору: «Собравшіеся на чествованіе Бѣлинскаго сожалѣютъ о Вашемъ отсутствіи и шлютъ искренній привѣтъ Вамъ — безкорыстно отдающему талантъ и трудовое время идеѣ увѣковѣченія памяти великаго писателя». К. Р. Евграфовъ, упомянувъ о живомъ сочувствіи, которое встрѣтила въ печати и въ обществѣ мысль о чествованіи Бѣлинскаго, предложилъ тостъ за извѣстную благотворительницу В. А. Морозову, выразившую свое глубокое почитаніе памяти Бѣлинскаго и предложившую организаторамъ празднества 2,000 руб. на библіотеку въ честь Бѣлинскаго. Собраніе долгими аплодисментами привѣтствовало этотъ отрадный даръ и отправило телеграмму, въ которой, кромѣ глубокой благодарности, выразило надежду увидѣть В. А. Морозову на торжествѣ открытія памятника Бѣлинскому въ Пензѣ.

Большое впечатлѣніе произвела рѣчь хорошо извѣстнаго и саратовцамъ В. Е. Ермилова, сотрудника «Руск. Вѣд.» и нѣсколькихъ изданій. Вступленіемъ было взято изреченіе о пророкѣ въ своемъ отечествѣ. Пророкъ — Бѣлинскій, отечество — Пенза. Пенза признала своего пророка и съумѣла исправить странную непрости-

тельную ошибку одного «богоспасаемаго города», имѣющаго самое большое и роскошное въ Россіи зданіе для народныхъ чтеній. Правленіе этого «народнаго дворца» отказалось чествовать память великаго писателя на томъ основаніе, будто Бѣлинскій не имѣлъ никакого отношенія къ русскому народу, къ народной литературѣ. Пора стряхнуть этотъ невѣжественный предразсудокъ—онъ очевидно существуетъ, хотя бы въ томъ «богоспасаемомъ градѣ». Нѣкоторые идутъ дальше и утверждаютъ, что Бѣлинскій не признавалъ народа, относился къ нему съ высокомѣреніемъ, съ презрѣніемъ. Эта неправда, грубая неправда. Напротивъ, Бѣлинскій первый въ Россіи заговорилъ мощно и властно о народѣ и народной литературѣ. Онъ съ благовѣніемъ относился къ народу, онъ вдохновенно говорилъ объ изумительныхъ способностяхъ русскаго народа. Ораторъ приводитъ цитату, въ которой Бѣлинскій сравниваетъ русскій народъ, по силѣ его духа, съ Петромъ Великимъ. Кто привѣтствовалъ народно-литературную дѣятельность кн. Одоевскаго, какъ не Бѣлинскій? Пусть же замолкнутъ невѣжественные голоса. Просвѣщеніе народа, народныя права всегда воодушевляли Бѣлинскаго. И Пенза, устроившая Лермонтовскую общественную библіотеку, и безплатную народную библіотеку-читальню и настоящія празднества слѣдуетъ завѣтамъ именно своего пророка Бѣлинскаго!

Другой гость Пензы, проф. Архангельскій, въ нѣсколько длинной рѣчи, охарактеризовалъ Бѣлинскаго не только какъ замѣчательнаго литературнаго дѣятеля вообще, но и какъ перваго въ Россіи публициста и закончилъ свое слово тостомъ за процвѣтаніе русской прессы, принятый собраніемъ съ большимъ одушевленіемъ.

В. Н. Ладыженскій, поэтъ, сотрудникъ нѣсколькихъ журналовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщикъ пензенской и саратовской губерній, подчеркнулъ просвѣтительную дѣятельность Бѣлинскаго. Огромный успѣхъ имѣло его указаніе на скромныхъ, незамѣтныхъ продолжателей дѣла Бѣлинскаго, на «маленькаго человѣка» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эпическаго героя — на народнаго учителя, который осуществляетъ завѣтную мечту Бѣлинскаго «ученье, ученье, ученье». За здоровье того маленького человѣка, который коллективно—великанъ!

К. Р. Евграфовъ дополняетъ эту рѣчь тостомъ за другихъ посредниковъ между книгой и народомъ, за скромныхъ, незамѣтныхъ, но безкорыстныхъ и неутомимыхъ труженицъ народной читальни.

Съ момента первой рѣчи В. Острогорскаго обѣдъ пересталъ быть обѣдомъ, превратившись въ рядъ тостовъ и рѣчей.

Раздались громкіе аплодисменты, когда В. П. Острогорскій вторично всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ В. Е. Ермилову.

«Вы привели прекрасную цитату Бѣлинскаго о способностяхъ русскаго народа—сказалъ онъ. Какъ это ни странно, но до сихъ остались люди, которые сомнѣваются въ этихъ способностяхъ, несмотря на массу

всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о громадныхъ дарованіяхъ нашего народа. И сегодня особенно ярко выступаетъ блестящее доказательство, въ лицѣ самого Бѣлинскаго. Какая громадная величественность этого таланта, какая всеобъемлемость его дарованій, — и эта всеобъемлемость называется геніемъ! Вспомните все, что написалъ Бѣлинскій, постарайтесь найти какую-либо широкую область человѣческаго духа, о которой бы онъ не писалъ. Все, все вы найдете у Бѣлинскаго. Не говорю уже о массѣ статей по поводу самыхъ разнообразныхъ литературныхъ событій своего времени. Возьмемъ общіе вопросы. Женскій вопросъ. Кто же поставилъ въ Россіи этотъ вопросъ, какъ не Бѣлинскій, первый адвокатп за Пушкинскую Татьяну? Всѣ основныя положенія этого вопроса—а многіе считали и считаютъ, что онъ принадлежитъ къ позднѣйшему времени,—были горячо, краснорѣчиво и опредѣленно поставлены Бѣлинскимъ. Возьмите музыку. Казалось бы, что общаго между музыкою и Бѣлинскимъ, который о своемъ слухѣ самъ выразился, будто «медвѣдь ему на ухо наступилъ». А между тѣмъ, кто въ Россіи первый вдохновенно писалъ о значеніи музыки, кто пропагандировалъ необходимость музыкальнаго образованія и распространенія музыки въ массахъ? Опять Бѣлинскій. О критическомъ геніи Бѣлинскаго нечего говорить, но возьмите вы научную основу литературы, возьмите, такъ называемую, теорію словесности. Боже правый, сколько онъ тутъ сдѣлалъ! Вѣдь, всѣ, всѣ мы, присяжные педагоги,—и Стоюнинъ, и Ушинскій, и Водовозовъ и прочіе, имъ же нѣсть числа, отъ Бѣлинскаго взяли лучшее; всѣ отъ него и теперь «побираемся», и беремъ... и часто забываемъ при этомъ ставить «ковычки».

«Странное было бы требовать,—продолжалъ В. П. Острогорскій,— чтобы Бѣлинскій намъ далъ какія-либо подробныя, точныя системы по вопросамъ политическимъ и общественнымъ,—въ 40-хъ годахъ это было немыслимо,—но вспомните, что Бѣлинскій писалъ о правахъ и обязанностяхъ человѣка, какъ члена общества... И «всечеловѣкъ» окажется у Бѣлинскаго гораздо раньше и опредѣленнѣе, чѣмъ у Достоевскаго. Все есть у Бѣлинскаго, цѣлая энциклопедія знаній! Вдумайтесь же въ эту изумительную многосторонность Бѣлинскаго—развѣ она не доказываетъ огромную духовную силу, колоссальныя способности росскаго народа, сыномъ котораго былъ Бѣлинскій!».

Взрывъ аплодисментовъ и продолжительная овація сопровождали и эту вторую рѣчь В. П. Острогорскаго.

Когда возстановилось спокойствіе, поднялась съ мѣста В. П. Билибина, сотрудница «С.-Петерб. Вѣдом.» и произнесла небольшую рѣчь, имѣвшую громадный успѣхъ: «Насъ только двѣ женщины [1]) въ нашемъ собраніи, но я не могу промолчать, когда рѣчь зашла о

[1]) Г-жи Билибина и Е. Я. Острогорская, супруга педагога.

томъ, что Бѣлинскій сдѣлалъ для русской женщины. Послѣ блестящей рѣчи В. П. Острогорскаго, который, такъ сказать, предвосхитилъ то, что я могла сказать, скажу лишь нѣсколько словъ. Прошло пятьдесятъ лѣтъ отъ Бѣлинскаго и за это время мы, русскія женщины, не остались позади общаго теченія развитія русской жизни. Въ медицинской сферѣ женщина работала и ея заслуги уже признаны: женщины-врачи сравнены въ правахъ съ медиками-мужчинами, кромѣ мундировъ и орденовъ. Въ артистическихъ сферахъ мы уже давно завоевали равноправность съ мужчиною. Въ педагогіи мы тоже работали и, если учительницъ не пускаютъ дальше первыхъ четырехъ классовъ женской гимназіи, то нужно надѣяться, что очень близко то время, когда и учительницы будутъ сравнены въ правахъ съ учителями. Наконецъ, и въ сферѣ общественной самодѣятельности можно отвѣтить появленія нѣсколькихъ, исключительно женскихъ обществъ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что русская женщина слѣдовала, по мѣрѣ возможности, безсмертнымъ завѣтамъ Бѣлинскаго!».

Одинъ изъ пензинскихъ жителей предложилъ тостъ за В. П. Острогорскаго—стараго учителя и носителя свѣтлыхъ традицій Бѣлинскаго. В. Е. Ермиловъ подчеркнулъ значеніе рѣчи г-жи Билибиной, которой ораторъ отвелъ выдающую роль въ празднествѣ Бѣлинскаго, какъ одно изъ первыхъ свободныхъ, энергичныхъ, смѣлыхъ словъ русской интеллигентной женщины. Одушевленіе, съ которымъ былъ принятъ тостъ, показало, что и собраніе раздѣляло чувства оратора.

С. А. Орлинъ, отъ имени нѣкоторыхъ петербургскихъ педагоговъ, привѣтствовалъ празднество, получившее всероссійское значеніе, въ честь Бѣлинскаго. Дальше г. Орлинъ указалъ на объединяющее значеніе литературы и закончилъ свою рѣчь тостомъ за присутствующихъ представителей литературы, принятый собраніемъ съ шумными привѣтствіями по адресу гг. Острогорскаго, Потапенко, Ладыженскаго и прочихъ гостей русской прессы. Съ такимъ же одушевленіемъ встрѣченъ тостъ г. Шульгина за возрастающее и просвѣщающееся юное поколѣніе русскаго народа. Съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ была встрѣчена рѣчь предсѣдателя Лермонтовскаго общества, К. Р. Евграфова, остановившагося на просвѣтительномъ значеніи идей Бѣлинскаго и звавшаго образованное общество въ провинцію, на работу народнаго просвѣщенія. «Оставимъ электрическій свѣтъ, который будетъ ярко горѣть и безъ насъ, оставимъ газовое освѣщеніе большихъ промышленныхъ городовъ, и обратимъ свои силы туда, гдѣ еле тлѣетъ дымная лучина, скудно освѣщающая народную темноту; поддержимъ тѣхъ маленькихъ свѣтляковъ, которые еле начинаютъ мерцать въ вѣковѣчной темнотѣ народныхъ массъ».

Послѣднею рѣчью было слово В. П. Острогорскаго, съ восхищеніемъ отмѣтившаго единодушіе, съ которымъ чествуется въ Пензѣ свѣтлое имя Бѣлинскаго. Затѣмъ въ прочувствованныхъ словахъ онъ, отъ имени гостей, и также всего общества, глубоко благодарилъ иниціаторовъ и организаторовъ празднества, вынесшихъ на своихъ плечахъ всю трудную, обставленную, какъ всѣмъ извѣстно, и осложненіями, и непріятностями, подготовительную работу, блестящіе плоды которой несомнѣнно проявятся въ громадномъ всероссійскомъ значеніи пензенскихъ празднествъ.

Этимъ окончился обѣдъ, который, имѣлъ огромное вліяніе на успѣхъ послѣдующихъ празднествъ. Онъ,—по словамъ г. Марковича,—объединилъ и воодушевилъ активныхъ дѣятелей праздника; онъ же создалъ въ средѣ, непривычной къ подобнаго рода общественнымъ торжествамъ, сочувственную публику, уже подготовленную къ пониманію значенія оффиціальныхъ празднествъ, прошедшихъ положительно блестяще, съ неожиданнымъ общимъ одушевленіемъ.

Въ $8^1/_2$ часовъ въ зданіи дворянскаго собранія состоялся, въ присутствіи губернатора и многихъ официальныхъ лицъ, литературный вечеръ. Программа этого вечера украшена виньеткой. Вверху ея значится: «Памяти Бѣлинскаго 1848—26 мая—1898 года». Слѣва, въ боку, портретъ великаго критика въ лавровомъ вѣнкѣ, а ниже интеллигентъ, пожимающій руку рабочаго и надъ ними надпись: «Знаніе и любовь».

Далѣе слѣдовали чтенія приватъ-доцента А. Е. Грузинскаго «Личность В. Г. Бѣлинскаго», В. П. Острогорскаго «В. Г. Бѣлинскій, какъ педагогъ» и Ермилова «О міросозерцаніи Бѣлинскаго». Второе отдѣленіе вечера началось съ чтенія Ц. П. Балталона «В. Г. Бѣлинскій, какъ эстетикъ». Затѣмъ А. Н. Кремлевъ прочиталъ извѣстный, посвященный Бѣлинскому, отрывокъ изъ «Медвѣжьей охоты», И. Н. Потапенко—стихотвореніе А. Н. Плещеева, а г. Ладыженскій—свое собственное стихотвореніе.

Послѣ чтенія стихотвореній были прочитаны телеграммы и адреса отъ различныхъ лицъ и учрежденій.

Отъ правленія общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова (въ Пензѣ):

Правленіе отъ лица общества библіотеки имени М. Ю. Лермонтова проситъ пензенское городское управленіе принять сердечныя привѣтствія по поводу праздника, посвященнаго памяти В. Г. Бѣлинскаго. Наше общество, основанное во имя другого великаго земляка нашего М. Ю. Лермонтова, не можетъ не быть особенно признательнымъ городскому управленію за его сочувственное отношеніе къ иниціативѣ членовъ общества по поводу чествованія В. Г. Бѣлинскаго,—отношеніе, благодаря которому мы имѣемъ счастіе видѣть осуществившійся праздникъ во имя одного изъ самыхъ безупречныхъ борцовъ за гуманность и просвѣщеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Пенза чествовала Лермонтова, у всѣхъ на

устахъ было другое родное имя, неразрывно связанное съ именемъ и памятью Лермонтова. Бѣлинскій первый указалъ Россіи Лермонтова; онъ первый объяснилъ значеніе его поэзіи русскому обществу; первый оплакалъ преждевременную невознаградимую для Россіи его утрату, и на праздникѣ Лермонтова невольно вспоминались заслуги Бѣлинскаго. Поздно въ нашемъ отечествѣ получаютъ всеобщее признаніе заслуги выдающихся дѣятелей; поздно увѣковѣчивается ихъ память. Тѣмъ болѣе отрадны такіе факты, какъ постановка памятника Лермонтову и созданіе общественной библіотеки, посвященной его имени. Пусть же скорѣе осуществятся хлопоты города по постановкѣ въ Пензѣ памятника Бѣлинскому. Будемъ надѣяться, что фондъ его имени, основанный при нашемъ обществѣ, въ самомъ близкомъ будущемъ дастъ возможность упрочиться и расцвѣсти просвѣтительному учрежденію, безплатной народной библіотекѣ-читальнѣ имени В. Г. Бѣлинскаго, этому живому памятнику, призванному во имя его служить родному просвѣщенію. Воздавъ должное тому, кто всю жизнь кипѣлъ благородной любовью къ правдѣ, просвѣщенію и человѣчеству и душу свою положилъ за нихъ, благородное потомство пусть загладитъ вины современниковъ по отношенію къ писателю, личность и жизнь котораго могутъ служить лучшимъ образцомъ нравственной чистоты и согласованія честной мысли и слова со всею жизнью. Пусть приметъ городъ привѣтъ нашъ и глубокую признательность въ тѣ счастливыя минуты, которыя мы, благодаря ему, имѣемъ возможность пережить здѣсь «на праздникѣ Бѣлинскаго», на праздникѣ русскаго просвѣщенія.

Отъ учрежденной по высочайшему повелѣнію постоянной комиссіи народныхъ чтеній произнесъ привѣтствіе представитель А. Н. Кремлевъ:

Мм. Гг.! Въ общемъ собраніи своемъ 21 сего мая комиссія единогласно постановила просить меня, какъ своего члена, на предстоящемъ чествованіи высокоталантливаго критика и ревнителя народнаго просвѣщенія, В. Г. Бѣлинскаго, въ городѣ Пензѣ произнести отъ лица комиссіи привѣтствіе и быть во время предстоящаго чествованія ея представителемъ».

Съ искреннимъ удовольствіемъ принявъ на себя это порученіе, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, къ кому именно обратить свое привѣтствіе—къ иниціатору ли чествованія незабвеннаго критика—правленію лермонтовской библіотеки, къ городскому ли самоуправленію, отъ имени котораго чествованіе происходитъ, ко всему ли кружку лицъ, сплотившихся вмѣстѣ, во имя великаго гражданина Русской земли. И я остановился на мысли обратить привѣтствіе свое ко всѣмъ этимъ лицамъ и учрежденіямъ—ко всѣмъ здѣсь собравшимся, такъ какъ всѣ мы здѣсь собрались во имя одной общей идеи, во славу одного и того же великаго имени. И такъ позвольте привѣтствовать васъ, мм. гг., въ день исполняющагося 50-лѣтія кончины знаменитаго писателя критика, привѣтствовать всѣхъ и заявить, что высочайше учрежденная комиссія горячо присоединяется къ вашему чествованію памяти Бѣлинскаго.

Когда Вилльямъ Пеннъ основалъ американскія колоніи, первымъ его увѣщаніемъ были слова: «Воспитывайте народъ!». Когда Георгъ Вашингтонъ спасъ американскую націю, его первымъ завѣтомъ были слова: «Воспитывайте народъ!». И всѣ мы, собравшіеся здѣсь, можемъ сказать отъ души общимъ хоромъ: «Воспитывайте народъ!». Вотъ та общая идея, общая задача, во имя которой мы высоко прославляемъ народныхъ представителей и воспитателей. Педагоги говорятъ

намъ: нѣтъ ничего возвышеннѣе, какъ создать человѣческую душу. Мы скажемъ имъ: нѣтъ ничего величественнѣе, какъ создать и организовать истинное національное воспитаніе и образованіе. Въ Россіи, которая по неграмотности стоитъ ниже Турціи, образованіе и воспитаніе народа составляютъ дѣло особой важности и имѣютъ огромное государственное значеніе. Дайте русскому народу грамотность—и онъ сдѣлается воистину великимъ народомъ.

Средства воспитанія народа различны. Ему одинаково служатъ и наука, и искусство, и нравственность, и политика. Тому же народному воспитанію служитъ и здравая литературная и общественная критика, а блестящимъ представителемъ ея былъ Бѣлинскій. Съ другой стороны, въ силу особаго рода условій громадное просвѣтительное значеніе получили въ настоящее время въ Россіи сильно развивающія чтенія для народа—и представителемъ этой скромной дѣятельности является наша комиссія народныхъ чтеній.

На этомъ пунктѣ—на идеѣ просвѣщенія народа—пути наши сходятся, и комиссія, подобно драматургу Островскому на праздникѣ Пушкина, можетъ сказать: «Сегодня на нашей улицѣ праздникъ».

Но мы чествуемъ Бѣлинскаго не только какъ великаго критика и ревнителя народнаго просвѣщенія, но еще и какъ великаго человѣка и гражданина. Какъ критикъ, онъ создалъ цѣлую эпоху, цѣлый методъ, цѣлую школу,—и никто до сихъ поръ не превзошелъ его по искренности, глубинѣ и яркости мысли и убѣжденія. Какъ ревнитель народнаго просвѣщенія, Бѣлинскій сослужилъ Россіи великую службу, и далеко еще не все изъ того, что проповѣдывалъ онъ въ области педагогики, морали, науки и искусства, осуществилось теперь, многое и теперь еще можно извлечь изъ богатой сокровищницы его сочиненій для пользы народа и общества. И однако, заслуги и качества его, какъ человѣка и гражданина, едва ли уступятъ его заслугамъ въ области критики и просвѣщенія. Какъ человѣкъ, Бѣлинскій былъ однимъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ жизнь и ученіе, личность и дѣятельность, человѣкъ и работникъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Его идеалы, его завѣтныя мечты, надежды и вѣра были средствами его жизни, а жизнь была средствомъ для достиженія этихъ идеаловъ и надеждъ. Въ этомъ смыслѣ онъ могъ бы съ полнымъ основаніемъ сказать, какъ шекспировскій герой: «Когда отнимете мои вы средства къ жизни, отнимете вы жизнь мою!». Какъ ни великъ его критическій талантъ, его эрудиція, его умъ и способность понимать истинныя красоты искусства во всѣхъ его видахъ, но все это не оказало бы такого могучаго вліянія на общество и не наложило бы на всѣ произведенія Бѣлинскаго печати особой симпатіи и прелести, если бы у него не было особаго свойства, чисто человѣческаго, а не писательскаго. Это средство—искренность.

Наконецъ, какъ гражданинъ, Бѣлинскій можетъ служить образцомъ непоколебимаго мужества и стойкости убѣжденій. Какъ ни гнели его тяжелыя условія окружающаго, какъ ни страдалъ онъ за свои взгляды и мнѣнія, онъ остался твердъ и ни разу не измѣнилъ своимъ принципамъ. А основной принципъ его можно было бы выразить словами британскаго поэта: «прекрасно имѣть силу великаго, но было бы тираніей злоупотреблять ею повеликански».

Вотъ какова была рыцарская фигура этого борца за правду и честность въ литературѣ и жизни.

Оглядывая эту фигуру однимъ взглядомъ, отыскивая въ критикѣ, просвѣтителѣ, человѣкѣ и гражданинѣ общую всѣмъ имъ черту, мы можемъ видѣть, что

во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и твореніяхъ, въ совокупности дѣлъ всей своей жизни Бѣлинскій былъ всегда и вездѣ гуманистомъ, и въ этомъ словѣ заключаются какъ его личность, такъ и его дѣла.

50-лѣтіе смерти Бѣлинскаго совпало со смертью еще двухъ великихъ гуманистовъ XIX вѣка: 7-го (19-го) текущаго мая умеръ въ Лондонѣ великій англійскій гуманистъ Гладстонъ, а 11-го (23-го) мая умеръ въ Бостонѣ великій американскій гуманистъ Эдвардъ Беллями. Такимъ образомъ, почти одновременно въ трехъ пунктахъ земного шара идеи гуманизма привлекаютъ горячее сочувствіе человѣческихъ обществъ. И если бы Бѣлинскій былъ извѣстенъ за границей Россіи такъ же, какъ у насъ извѣстны Гладстонъ и Беллями, конечно, и Европа, и Америка почтили бы память великаго русскаго гуманиста съ подобающимъ торжествомъ.

Итакъ, вѣчная память незабвенному Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому! Вѣчная слава его критическому таланту и его великимъ гуманнымъ идеямъ! И горячій привѣтъ всѣмъ вамъ, собравшимся во имя его!

Отъ товарищества пензенскихъ врачей было сказано въ адресѣ:

«Если вамъ нужно истиннаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго». Такъ писалъ около 50 лѣтъ тому назадъ не сторонникъ его партіи, а принадлежавшій къ литературному кружку, враждебно относившемуся къ Бѣлинскому. Это писалъ человѣкъ, высокая честность мысли и слова котораго, его неподкупная правдивость, горячій патріотизмъ и непреклонность убѣжденій стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Это писалъ И. С. Аксаковъ. Изъ этихъ словъ ясно, какое громадное нравственное вліяніе на современное общество имѣли личность и литературная дѣятельность Бѣлинскаго. Наши учителя воспитались на сочиненіяхъ Бѣлинскаго, ихъ дѣятельность—отраженіе въ жизни животворной мысли и проповѣди Бѣлинскаго. Дѣятельность врачебная должна быть всецѣло одушевлена идеалами гуманности, отзывчивостью къ страданіямъ ближнихъ, уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству. А кто же, какъ не Бѣлинскій, съ такою страстностью, съ такимъ талантомъ и настойчивостью проводилъ эти идеалы въ сознаніи русскаго общества! Мы, врачи, не можемъ не привѣтствовать съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія и радости городское управленіе и пензенское общество, чествующе память великаго учителя-идеалиста, вдохновенныя слова котораго, отъ юности нашей, даютъ намъ запасъ свѣтлыхъ, гуманныхъ идеаловъ, облегчающихъ трудный путь врача. Выскажемъ пожеланіе нашему городу, чтобы его стремленіе увѣковѣчить подобающимъ памятникомъ образъ великаго критика — пензяка по происхожденію — скорѣе увѣнчалось желаннымъ и полнымъ успѣхомъ».

Отъ Императорскаго Варшавскаго университета.

Въ день исполнившагося пятидесятилѣтія преждевременной кончины великаго русскаго критика, В. Г. Бѣлинскаго, совѣтъ Императорскаго Варшавскаго университета шлетъ комитету по закладкѣ памятника въ Пензѣ свой искренній привѣтъ и единодушныя пожеланія успѣшнаго выполненія предпринятаго дѣла. Взирая на изображеніе неутомимаго труженика, да поучаются грядущія поколѣнія, что пламенная любовь къ родинѣ и беззавѣтное стремленіе работать съ нею на благо

человѣчества возносятъ высоко безсмертный духъ нашъ надъ немощью тѣла и другими не менѣе тяжкими условіями жизни. Въ сравнительно короткій, четырнадцатилѣтній періодъ своей дѣятельности Бѣлинскій самъ воздвигалъ себѣ несокрушимый памятникъ въ лѣтописяхъ русской художественной мысли. Надѣленный эстетическимъ чувствомъ, исполненный дивнаго благородства и пылкости, онъ не зарылъ въ землю дарованнаго ему таланта, а посвятилъ его на служеніе прекрасному, на неустанное проведеніе въ сознаніе читателей существенныхъ понятій объ истинныхъ законахъ художественности, причемъ не только впервые у насъ оцѣнилъ съ глубиною и мѣткостью цѣлый рядъ произведеній русской словесности, но положилъ пробныя начала самой обработкѣ исторіи русской литературы, какъ особой науки, и намѣтилъ пути позднѣйшаго развитія русской литературной критики, Восторгаясь твореніями великихъ русскихъ поэтовъ, Бѣлинскій чутко угадалъ, что истинно геніальное въ области искусства достигается расцвѣтомъ національныхъ особенностей духа, и дабы печать русскаго духа сіяла въ идеальной чистотѣ на произведеніяхъ русскихъ писателей, онъ не прекращалъ горячей проповѣди о необходимости дать у насъ широкое распространеніе просвѣщенію, но просвѣщенію, не внѣшнимъ образомъ заимствованному, а созданному собственными усиліями и возращенному на родной почвѣ. Самъ Бѣлинскій глубоко вѣрилъ въ наше свѣтлое будущее и его неразрывную связь съ успѣхами просвѣщенія, онъ вѣрилъ въ наше всемірно-историческое назначеніе и часто высказывалъ это въ своихъ сочиненіяхъ. Для него основою такой вѣры было сохраненіе несокрушимой мощи и творческихъ силъ русскаго духа, проявленіе которыхъ онъ указывалъ то въ нашей народной словесности, то въ историческихъ подвигахъ всего русскаго народа, то въ богатырской дѣятельности отдѣльныхъ русскихъ людей, особенно Петра Великаго, этого яркаго выразителя русскаго національнаго генія. Бѣлинскій былъ страстный боецъ за водвореніе правды въ литературѣ и жизни; но онъ не ограничивался обличеніемъ неправды въ другихъ, а съ суровой искренностью осуждалъ и самого себя, какъ только убѣждался, что искалъ правды не тамъ, гдѣ она кроется, или же что впадалъ въ крайности по увлеченію. Свои мысли и чувства, насколько они вызывались поэтическими образами, свои сужденія объ изящномъ и, наконецъ, свои думы о благѣ собственнаго и другихъ народовъ Бѣлинскій излагалъ со свойственной истинному художнику увлекательностью, огонь горѣлъ въ статьяхъ его и переливался изъ нихъ въ сердца читателей. Этотъ огонь, возженный искрой Божьей благодати, да не угасаетъ и впредь въ русскомъ обществѣ, да пламенѣетъ онъ на благо и просвѣщеніе русскаго народа и да возрастаетъ и крѣпнетъ на этомъ просвѣщеніи величіе и слава Русскаго государства!

Отъ Императорской академіи наукъ:

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяется къ чествованію великаго критика по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины. Своей литературной дѣятельностью нашъ знаменитый критикъ навсегда связалъ свое имя съ исторіей отечественной словесности, развитіемъ которой онъ такъ дорожилъ.

Отъ Харьковскаго университета:

Императорскій Харьковскій университетъ, вспоминая великія заслуги В. Г. Бѣлинскаго въ исторіи развитія русскаго самосознанія, горячо присоединяется къ чествованію его памяти по случаю истеченія пятидесятилѣтія со дня его кончины.

От общества любителей русской словесности:

Общество любителей российской словесности и почитатели памяти В. Г. Бѣлинскаго въ Москвѣ, собравшись послѣ заупокойной обѣдни и панихиды, шлютъ привѣты вашему свѣтлому празднику въ честь великаго учителя правды и добра, вѣруя, что настоящее торжество предзнаменуетъ ясное будущее родной литературы.

Эта телеграмма имѣетъ между прочими подписями и подпись А. В. Орловой.

Отъ Союза писателей:

Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей, благодарно чтя память Бѣлинскаго, присоединяется къ сегодняшнему ея чествованію на родинѣ незабвеннаго писателя.

Отъ Литературнаго фонда:

Комитетъ Литературнаго фонда, участвуя душой и мыслью въ прекрасномъ чествованіи памяти Бѣлинскаго на его родинѣ и сердечно сожалѣя о невозможности ни одному изъ членовъ лично выразить горячее сочувствіе, можетъ подѣлиться отрадной вѣстью, что Л. Ѳ. Пантелеевъ въ ознаменованіе празднества вноситъ въ литературный фондъ $1^1/_2$ тысячи рублей для учрежденія преміи за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ.

Харьковское историко-филологическое общество

присоединяется къ чествованію великаго сѣятеля правды и славнаго дѣятеля отечественной литературы.

Г-жа Прозорова прислала слѣдующую телеграмму:

Считаю долгомъ искренно благодарить за оказываемыя почести незабвенному моему дядѣ; грущу, что не удостоена раздѣлить съ вами это торжество.

Читались далѣе телеграммы отъ историко-филологическаго общества при Нѣжинскомъ институтѣ, западно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, рязанской ученой архивной комиссіи, литературно-артистическаго кружка, бывшаго воспитанника пензенской гимназіи сенатора Таганцева, князя и княгини Святополкъ-Мирскихъ. Кромѣ всего этого, были лично принесены привѣтствія В. П. Острогорскимъ отъ журнала «Дѣтское Чтеніе» и постоянной комиссіи по техническому образованію, В. П. Билибиной отъ имени женскаго взаимно-благотворительнаго общества, причемъ ораторша указала на проповѣдь Бѣлинскимъ женской эмансипаціи и на то, что съ тѣхъ поръ сдѣлали въ этомъ направленіи русскія женщины. Всѣ рѣчи и чтенія телеграммъ сопровождались возложеніемъ вѣнковъ, которыхъ было много, между прочимъ отъ гор. Пензы, общества Лермонтовской библіотеки, Сергѣевской мануфактуры, «Самарской Газеты», «Саратовскаго Листка» и проч. Ве-

черъ закончился стихотвореніемъ А. Н. Кремлева, посвященнымъ памяти Бѣлинскаго и прочитаннымъ самимъ авторомъ.

Всѣ чтенія и привѣтствія сопровождались громомъ апплодисментовъ, а по окончаніи офиціальнаго чествованія молодежь устроила свое—подлѣ бюста былъ зажженъ комнатный бенгальскій огонь — и такъ и посыпались къ его подножью вѣтки зелени.

XV.

Второй день чествованія памяти великаго критика начался съ литературнаго утра въ залѣ дворянскаго собранія. Это утро было повтореніемъ 26 мая, съ тою лишь разницей, что читались привѣтствія, полученныя послѣ литературнаго вечера или тѣ, которыхъ не успѣли прочитать вечеромъ.

Прекрасное чествованіе покойному критику устроили жители станціи Ртищево, въ томъ числѣ священникъ, учитель и желѣзнодорожное начальство.

Мы, нижеподписавшіеся, жители станціи Ртищево, просимъ васъ принять и наше привѣтствіе и посвященіе памяти великаго, честнѣйшаго и благороднѣйшаго русскаго писателя, В. Г. Бѣлинскаго, чествуемаго нынѣ. Дабы память объ этомъ великомъ праздникѣ русской литературы и просвѣщенія русскаго сохранилась и въ нашемъ глухомъ уголкѣ, мы постановили устроить общественную библіотеку-читальню въ поселкѣ при станціи Ртищево имени незабвеннаго В. Г. Бѣлинскаго.

Кромѣ того, полученъ адресъ отъ спб. общества счетоводства и телеграммы: отъ города Петербурга, казанской городской думы, русскаго женскаго общества, сословія петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, оренбургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, пироговскаго общества русскихъ врачей, земскихъ врачей Московской губерніи, медицинскаго персонала серпуховской земской больницы, отъ «земскихъ работниковъ Московскаго уѣзда», тверского общества поощренія труда и разумнаго отдыха «Парусъ», отъ курской женской воскресной школы, отъ спб. педагогическаго общества взаимной помощи и комиссіи по устройству курсовъ обще-образовательныхъ предметовъ, отъ томскаго общества попеченія о начальномъ образованіи, общества по устройству народныхъ чтеній тамбовской губерніи, красноярскаго общества попеченія о начальномъ образованіи, общества содѣйствія начальному образованію Курской губерніи и отъ елисаветградскаго общества распространенія грамотности.

Изъ періодическихъ изданій привѣтствія получены отъ «Русскаго Богатства», «Русской Мысли», казанской періодической печати, «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Сибирской Жизни», «Курской Газеты»,

«Бессарабца», «Уральца» и «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; отъ отдѣльныхъ литераторовъ: гг. Якушкина, Мачтета, Загоскина, Рубакина, Генкеля, Бѣлоконскихъ и Златовратскаго. Наконецъ, учащаяся молодежь прислала массу телеграммъ изъ Вѣны, Берна, Женевы, Маріуполя и т. д. Есть нѣсколько телеграммъ даже изъ далекой Якутской области.

Литературное утро, какъ и предшествовавшій день, собралъ очень много слушателей; въ апплодисментахъ тоже недостатка не было.

Въ часъ дня въ пензенскомъ народномъ театрѣ начался школьный праздникъ. Праздникъ этотъ былъ устроенъ городской комиссіей по устройству чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго, и на него получили приглашеніе всѣ воспитанники городскихъ школъ и различныхъ пріютовъ. Исключенными оказались только воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ ни одинъ не попалъ на милое, оживленное торжество. Само собой разумѣется, не было допущено никакого истолкованія дѣтямъ значенія происходившаго торжества, и дѣти только случайно могли слышать о Бѣлинскомъ, не зная притомъ, что же онъ собственно такое. На сценѣ шла «Женитьба» Гоголя—и она была очень кстати на праздникѣ критика гоголевскаго періода, но еще болѣе кстати было бы нѣсколько живыхъ словъ, посвященныхъ памяти этого самаго критика. Молодая публика замѣчательно отзывчиво относилась къ каждой остротѣ, къ каждому смѣшному положенію комедіи. Восторгамъ ея конца не было. Свѣжіе, щебечущіе голоса звонко раздавались въ воздухѣ, требуя «всѣхъ», «всѣхъ». И эти рученки, говоритъ корреспондентъ «Бирж. Вѣд.», не привыкшія къ нашему выраженію театральнаго удовольствія, не просто апплодировали, а какъ-то особенно плескали въ воздухѣ выше головъ ихъ обладателей.

По окончаніи спектакля, дѣтишки выстроились попарно, и каждая школа подъ предводительствомъ своего учителя. Вся эта длинная лента потянулась подъ звуки музыки мѣстнаго военнаго оркестра отъ народнаго театра по лѣсу, такъ называемаго, Верхняго Гулянья. Тѣ же щебечущіе, веселые голоса раздавались повсюду, веселье, святое, дѣтское веселье царило вокругъ, и радостнымъауканьемъ будило лѣсъ. Четыре тысячи дѣтей вытянулись въ ленту чуть не съ версту, такъ что шедшая въ головѣ музыка едва была слышна въ хвостѣ. Но, вотъ наконецъ, колонна достигла той поляны, на которой были предположены дѣтскія игры и угощенье дѣтей. Ряды были разорваны, съ неистовымъ радостнымъ визгомъ бросились дѣтишки, какъ будто бы на штурмъ, черезъ ровъ, отдѣляющій лѣсъ отъ поляны. Мгновенье—и вся публика разсыпалась по полянѣ. Однако, дѣтишекъ тотчасъ же снова собрали по школамъ, музыка съиграла нѣсколько нумеровъ, затѣмъ имъ было предложено угощеніе, и начались игры—веселыя, беззаботныя игры... Право, если у десятой части

этихъ дѣтишекъ западетъ имя Бѣлинскаго, ради котораго имъ устроили такой свѣтлый, радостный праздникъ, то и это уже большое пріобрѣтеніе. Придетъ пора — захотятъ и воплотить это имя, познакомиться съ завѣтами его носителя...

Заключительнымъ аккордомъ чествованія былъ парадный спектакль для взрослыхъ. Шла та же «Женитьба», и на этотъ разъ уже надъ занавѣсью красовался портретъ «неистоваго Виссаріона». На спектаклѣ присутствовалъ пензенскій губернаторъ, камергеръ графъ Адлербергъ, и масса публики. Этимъ и закончилось торжество. «Если вспомнить всю массу полученныхъ телеграммъ изо всѣхъ концовъ Россіи, даже изъ Якутской области, если представить себѣ воодушевленіе присутствовавшихъ и, наконецъ, вспомнить о центральномъ пунктѣ торжества—освященіи народной библіотеки-читальни, то, какъ справедливо утверждаетъ сотрудникъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», нельзя не прійти къ убѣжденію, что это было всероссійское торжество просвѣщенія, торжество идей великаго публициста, что растетъ количество людей, вскормленныхъ этими идеями...»

Чрезвычайно колоритнымъ и знаменательнымъ вышло чествованіе Бѣлинскаго, устроенное въ Саратовѣ мѣстнымъ обществомъ вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Хроникеръ «Саратовскаго Листка» даетъ слѣдующее его описаніе.

Еще съ утра 26-го мая зданіе театра украшено было флагами, что невольно приковывало вниманіе приходящихъ. Къ 8-ми часамъ вечера театръ наполнился самой разнообразной публикой. Торжественное чествованіе памяти покойнаго писателя посѣтили начальникъ губерніи князь Б. Б. Мещерскій, представители разныхъ учрежденій и вѣдомствъ, городской голова Н. П. Фроловъ, предсѣдатель губерской земской управы В. В. Круберъ, члены городской управы, гласные думы и т. д.; немало было и «простой» публики. Всѣ мѣста въ театрѣ розданы были на вечеръ 26-го мая безплатно. Входъ въ театръ, зрительный залъ и сцена роскошно были декорированы зеленью, коврами и тропическими растеніями; все это освѣщалось разноцвѣтными электрическими лампочками. Убранство театра было роскошно и дѣлало честь П. Г. Бойчевскому и Г. П. Баракки, которые любезно приняли на себя всѣ хлопоты и труды по декоративной и художественной обстановкѣ театра для этого вечера. При входѣ въ коридоръ партера поставленъ былъ бюстъ Бѣлинскаго, работы художника-скульптора г. Волконскаго; здѣсь же продавались фотографическіе снимки съ бюста. Сцена театра представляла собою эффектную картину: по срединѣ на убранныхъ зеленью и гирляндами постаментѣ и пьедесталѣ красовался удачно выполненный съ посмертной маски бюстъ писателя; вся сцена убрана была гирляндами изъ зелени, а по стѣнамъ, между входами за кулисы, развѣшаны были портреты-медальоны наиболѣе выдаю-

щихся писателей, современниковъ Бѣлинскаго, изготовленные художникомъ Баракки: здѣсь, вокругъ бюста чествуемаго писателя, предстали передъ публикой Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Некрасовъ, Достоевскій, Кольцовъ, Григоровичъ.

Передъ открытіемъ занавѣса оркестръ военной музыки Лѣсного баталіона, помѣщенный за кулисами, тихо началъ играть похоронный маршъ. Въ зрительномъ залѣ воцарилась полная тишина, и занавѣсъ былъ поднятъ. Члены всѣхъ депутацій, помѣщавшіеся на сценѣ вокругъ бюста Бѣлинскаго, встали съ своихъ мѣстъ... Встала и вся публика... Когда всѣ заняли свои мѣста, начался вечеръ. Вступительное слово о Бѣлинскомъ сказалъ А. О. Немировскій, рѣчь котораго покрыта была апплодисментами. Затѣмъ, С. К. Экснеръ исполнилъ на концертномъ роялѣ Шредера похоронный маршъ Шопена. Публика тоже апплодировала.

Послѣ этого, депутаціи отъ разныхъ учрежденій, обществъ и лицъ возлагали вѣнки на бюстъ Бѣлинскаго, произнося надписи на лентахъ. Порядокъ этого церемоніала установленъ былъ такой: все время играетъ оркестръ; депутаціи выходятъ съ лѣвой стороны изъ-за сцены, подходятъ съ вѣнками къ бюсту, произносятъ надписи на лентахъ и кладутъ вѣнки на постаментѣ бюста. Возложены вѣнки: 1) отъ города Саратова (М. И. Кротковъ и В. А. Коробковъ); 2) Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ (редакторъ-издатель «Саратовскаго Листка» П. О. Лебедевъ и сотрудникъ газеты, прис. пов. В. Н. Полякъ) съ надписью: «Учителю правды, добра и красоты», и изъ Бѣлинскаго: «Литературѣ русской моя жизнь и кровь»; 3) Общества любителей изящныхъ искусствъ (А. Ф. Александровъ и А. А. Токарскій) — «Великому критику»; 4) редакціи «Саратовскаго Листка» (издатель И. П. Горизонтовъ и сотрудникъ-секретарь К. К. Сарахановъ) — съ стихотвореніемъ изъ Некрасова:

«Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!».

5) отъ редакціи «Саратовскаго Дневника» (издатель Н. П. Штерцеръ и сотрудникъ Н. М. Архангельскій) — «Рыцарю правды»; 6) отъ редакціи журнала «Братская помощь» (Е. П. Шебуева); 7) отъ редакціи «Земской недѣли» (Н. Н. Сиротининъ); 8) саратовскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества (И. Я. Славинъ, С. К. Экснеръ и Ф. М. Достоевскій); 9) саратовскаго отдѣленія императорскаго русскаго техническаго общества (М. А. Малишевскій, Е. М. Алексѣевъ и А. С. Кнушевицкій) — «Поборнику просвѣщенія и гуманности»; 10) физико-медицинскаго общества (В. И. Парусиновъ и А. Е. Романовъ) — «Безсмертному Бѣлинскому»; 11) обще-

ства санитарныхъ врачей (А. Н. Сахаровъ, Н. И. Кондратьевъ и В. И. Алмазовъ) — «Пламенному борцу за правду и человѣческое достоинство»; 12) комиссіи народныхъ чтеній при санитарномъ обществѣ (А. М. Масленниковъ, М. И. Милашевская и В. И. Серебряковъ)—изъ Некрасова:

Придетъ ли времечко (приди желанное!...),
Когда дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,
Что книга книгѣ розь.
Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ.

13) Общества трезвой и улучшенной жизни (А. А. Чивкуновъ, Б. А. Булатовъ и Н. И. Семеновъ)—

«Прочелъ всѣ черныя страницы
И сохранилъ полетъ орла
И сердце чистой голубицы—
Вотъ человѣкъ!..»

14) Отдѣла народныхъ развлеченій при обществѣ трезвой и улучшенной жизни (Ф. А. Пальчинскій и П. И. Шиловцевъ)—«Истинному другу народа и вдохновенному побórнику театра»; 15) Общества книгопечатниковъ (Ф. Л. Орловъ, В. И. Герасимовъ-Ивановъ и П. К. Крахмалевъ)—«Великому свѣтильнику мысли»; 16) отъ саратовскихъ учителей русскаго языка (Ф. Е. Пактовскій и А. М. Добровольскій)—«Отцу благородной русской мысли»; 17) отъ саратовской молодежи, учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (О. А. Александрова, В. И. Глинчиковъ и Л. О. Малецкій) произнесено привѣтствіе: «Сегодня, въ 50-ю годовщину смерти В. Г. Бѣлинскаго, саратовская молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, приноситъ цвѣты къ бюсту этого великаго студента, выразителя завѣтныхъ думъ лучшихъ людей прошедшаго и настоящаго времени... Пусть этотъ вѣнокъ будетъ откликомъ благодарности нашей на могучій призывъ горячаго энтузіаста, который принесъ намъ неоцѣнимый даръ, пробудивъ въ насъ самосознаніе и внеся новую живую струю въ теченіе русской жизни своею защитою правъ женщины и пріобщеніемъ ея къ плодамъ высшаго образованія»; 18) Общества вспомоществованія молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію (А. Л. Морозовъ и Е. И. Флеровскій); 19) отъ учащихъ въ саратовскихъ воскресныхъ школахъ (С. Н. Брюханенко, В. К. Архангельская и А. Д. Львова); 20) отъ саратовскаго коммерческаго собранія (Я. В. Ивановъ и И. Т. Миловидовъ); 21) отъ товарищества малорусскихъ артистовъ (Е. Ф.

Зарницкая и г. Самаринъ)—«Незабвенному радѣтелю родного театра»; 22) отъ кружка саратовскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ (А. М. Масленниковъ и А. А. Токарскій); 23) отъ служащихъ губернскаго земства (В. Я. Тугаринова и М. И. Семеновъ)—«Памяти великаго русскаго критика и учителя»; 24) отъ саратовскихъ рабочихъ (Я. А. Потыльчинскій и А. П. Григорьевъ).

Отъ редакціи «Саратовскаго Листка» и отъ санитарнаго общества возложены были серебряные вѣнки, отъ другихъ учрежденій и обществъ—металлическіе, лавровые и изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложеніе вѣнковъ и привѣтствія отъ всѣхъ депутацій вызывали аппло-дисменты со стороны публики.

Затѣмъ, Б. А. Араповъ прочелъ рѣчь профессора Веселовскаго «Неистовый Роландъ», а Е. П. Шебуева—стихотвореніе Плещеева «На смерть писателя», начинающееся словами:

«Я помню домъ»....

Прочитавши это стихотвореніе, артистка преклонила колѣни передъ бюстомъ великаго писателя, и въ это время на бюстъ спустился вѣнокъ... Сцена эта вызвала бурные апплодисменты.

Послѣ антракта Э. Н. Цеделеръ проигралъ на скрипкѣ «Элегію» Эрнста, а В. А. Марковскій прочелъ отрывокъ изъ стихотворенія Некрасова «Медвѣжья охота», начинающійся словами:

Еще добромъ должны мы вспомнить тогдашнюю литературу...

Е. М. Алексѣевъ прочелъ рѣчь о Бѣлинскомъ профессора Стороженко, сказанную послѣднимъ на московскомъ чествованіи великаго писателя.

Въ заключеніе вечера А. А. Лукьяновъ (мѣстный авторъ) продекламировалъ слѣдующее свое стихотвореніе:

Бѣлинскій былъ далекъ житейской суеты...
Онъ отдалъ родинѣ и молодость и силы
И свѣточъ знанья несъ; въ завѣтныя мечты
    Онъ страстно вѣрилъ до могилы.
Великимъ смерти нѣтъ... Его душа жива,
Онъ съ нами вѣрный другъ, учитель поколѣній,
И слышимъ мы его могучія слова,
    И видимъ пылъ его стремленій!
Онъ былъ всегда правдивъ,—бездарность не щадилъ;
Но сколько было въ немъ восторженнаго чувства,
Когда онъ въ комъ нибудь даръ Божій находилъ:
    Никто такъ не цѣнилъ искусства!
Онъ покорялъ сердца и покорялъ умы,
И свѣтлый духъ его царитъ здѣсь величаво...
Онъ славы не искалъ, но всѣ воскликнемъ мы:
    Тебѣ, Бѣлинскій, слава, слава!!!

Чтеніе статей и стиховъ, а также исполненіе музыкальныхъ №№ программы вызывало апплодисменты публики, вызывавшей также г. Волконскаго, приготовившаго бюстъ Бѣлинскаго. Вечеръ окончился въ $11^1/_2$ час. ночи и прошелъ въ замѣчательномъ порядкѣ.

Саратовскимъ торжествомъ закончились весеннія чествованія Бѣлинскаго, какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ.

Я полагаю, что изъ всѣхъ приведенныхъ описаній того, какъ русское общество отнеслось къ памяти своего выдающагося вождя и учителя, можно смѣло заключить, что это общество сумѣло въ предѣлахъ современной возможности обратить день 26-го мая въ настоящій праздникъ мысли, который несомнѣнно благодарнымъ потомствомъ будетъ занесенъ на скрижали исторіи наравнѣ съ страницею извѣстныхъ поминокъ Пушкина въ Москвѣ. Торжественные поминки этихъ двухъ писателей, изъ коихъ одинъ явился въ нашей исторіи основателемъ новой русской литературы, а другой — ея блестящимъ истолкователемъ и пророкомъ ея грядущихъ судебъ на долгія времена, служатъ лучшими указателями, что русское общество достойно своихъ великихъ учителей, и что работа ихъ не осталась безплодною. Они расширили и укрѣпили наше самосознаніе, нашу гражданственность и права на свободу, создали и воспитали русскую интеллигенцію въ благодарность за каковыя великія услуги потомство и увѣнчало ихъ изваянія лаврами и воздвигло ихъ именамъ памятники, громко свидѣтельствующіе, что торжество солнца и просвѣщенія вѣчно, и что правда жизни рано или поздно, но всегда должна восторжествовать.

„Журналъ моей поѣздки въ Москву и пребываніе въ оной“ [1].

Я разстался съ вами съ чувствомъ совершенной холодности и спокойствія: мнѣ казалось, что я ѣду не далѣе Владыкина. Разговаривая, шутя и смѣясь съ Иваномъ Николаевичемъ [2]), мы непремѣтно доѣхали до онаго. Я тотчасъ пошелъ къ Степану Михайловичу. Изъ его словъ и изъ послѣдующихъ обстоятельствъ я очень ясно увидѣлъ, что еслибы не онъ, то не ѣхать бы мнѣ въ Москву съ Иваномъ Николаевичемъ. Николай Михайловичъ весьма преизобильно нагруженный дарами щедраго Бахуса, узнавши, что я ѣду съ его сыномъ, ужасно разсвирѣпѣлъ. Не смотря на присутствіе Степана Михайловича, онъ то кричалъ, то говорилъ мнѣ въ глаза, что я ничего не могу описать вамъ, а только скажу, что никакое перо не въ состояніи описать тѣхъ чувствъ, которыя возбудило во мнѣ его плѣнительное, очаровательное краснорѣчіе. Окруженный его придворнымъ штатомъ, я ничего не помнилъ и ничего не чувствовалъ, только въ умѣ моемъ невольнымъ образомъ вертѣлся стихъ Долгорукова: О бѣдность, горько жить съ тобою! И хотя я и вспомнилъ другой стихъ сего же писателя: терпи—и будешь атаманъ! однако, онъ меня очень мало утѣшалъ. На другой день часовъ въ девять, мы выѣхали изъ Владыкина и ночью часовъ въ одиннадцать пріѣхали въ Ломовъ, до котораго провожала насъ съ дѣтьми Лукерья Савельевна [3]). На другой день по утру, простившись со всѣми, мы отправились на Спасскъ, въ который и пріѣхали ночью. Увидѣвши Ломовъ, такъ сказать, мелькомъ, я подумалъ, что нѣтъ въ Россіи города хуже Чембара по строенію; увидѣвши же Спасскъ, я узналъ всю несправедливость и неосновательность моего

[1]) Заимствовано изъ журнала «Живописное Обозрѣніе» 1898 г. № 21.

[2]) Сынъ помѣщика Николая Михайловича Владыкина. Г.

[3]) Жена Н. М. Владыкина. Г.

заключенія. Этотъ городишко не стоитъ и того, чтобы объ немъ говорить: представьте себѣ, онъ не имѣетъ казеннаго дома для присутственныхъ мѣстъ, которыя размѣщены по разнымъ лачугамъ, нѣтъ ни одного каменнаго дома, только домовъ десятокъ, крытыхъ тесомъ; одна только церковь; словомъ, Спасскъ есть ни что иное, какъ довольно хорошее село и довольно гнусный городишко. Впрочемъ, я это говорю о наружномъ, а не внутренномъ его достоинствѣ. Постоялые дворы въ немъ превосходны. Отъ Ломова до Спасска 50 верстъ. Отъ Спасска пойдетъ дорога песчанная, и земля принимаетъ цвѣтъ свѣтло-сѣрый. Чѣмъ далѣе ѣдешь, тѣмъ болѣе песчаность умножается. На дорогѣ отъ Спасска до старой Рязани мы переправлялись на паромѣ черезъ Цну. Вы не можете себѣ представить, въ какомъ я былъ восхищеніи, но оное еще болѣе усугубилось, когда мнѣ сказали, что будемъ еще два раза переправляться чрезъ Оку. Цна довольно быстра и широка: по ней ходятъ барки, которыя я въ первый разъ увидѣлъ. Отъ Цны дорога такъ песчана, что въ иныхъ мѣстахъ колеса увязали почти по ступицу. Чѣмъ земля песчанѣе, тѣмъ лѣсистѣе. Однимъ лѣсомъ мы ѣхали около 15 верстъ, и весь этотъ лѣсъ состоитъ по большей части изъ строевого сосняку. По сему изобилію въ лѣсѣ въ деревняхъ, чрезъ которыя мы проѣзжали, не только избы построены изъ прекраснаго сосноваго лѣса и покрыты тесомъ, но и самые сараи и амбары построены изъ онаго.

Не могу упомнить, во сколько дней мы доѣхали до старой Рязани. Но доѣзжая до оной за полверсты, я увидѣлъ два земляные вала въ очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи, изъ коихъ ближайшій къ старой Рязани гораздо выше. Впрочемъ, оба довольно поразвалились, и на нихъ пасутся стада. Старая Рязань есть ни что иное, какъ деревня, едва-ли состоящая дворовъ изъ пятидесяти, но селеніе, достопримѣчательное своею древностію. Это былъ прежде большой пограничный городъ. Прежде владѣнія Россіи, отъ сердца ея—Москвы, простирались на востокъ только до старой Рязани. А теперь?..

Всѣмъ извѣстно происшествіе, назадъ тому около семи лѣтъ случившееся въ старой Рязани: одинъ мужикъ, копая въ валу землю, нашелъ нѣкоторое количество драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра. Все сіе онъ, представилъ правительству, отъ котораго и получилъ 10.000 р. награжденія. Хозяинъ постоялаго двора, на которомъ мы остановились, сказывалъ намъ, что часто, копая землю, находятъ здѣсь огромные своды. Изъ этого должно заключить, что здѣсь былъ нѣкогда большой городъ. Какія плѣнительныя и, можно сказать, единственные виды представляетъ старая Рязань съ своими окрестностями. Представьте себѣ высокую равнину, которая оканчивается такою крутою, неприступною горою, что пѣшій чело-

вѣкъ едва можетъ, и то въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ, взобраться на оную. Въ лѣвой сторонѣ на покатой горѣ, и какъ бы въ ямѣ, стоитъ Рязань, а при подошвѣ течетъ широкая Ока, которая, раздѣляясь на двѣ части, дѣлаетъ довольно большой островъ и одною своею частію омываетъ живописный берегъ стоящаго противу старой Рязани городка Новоспасска. Ежели станете на горѣ лицомъ къ Окѣ, то какое величественное и восхитительное зрѣлище представится изумленнымъ очамъ вашимъ: у подошвы крутизны, подъ ногами вашими гордо разстилается быстрая Ока, покрытая барками; низкій, почти равный съ Окою противоположный берегъ, желтый, песчаный, какъ необразимое море, теряется въ своемъ пространствѣ и граничитъ съ горизонтомъ въ лѣвой сторонѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, которое, однакожь гораздо ниже крутизны, на которой вы стоите, стоитъ Новоспасскъ. О, съ какимъ восторгомъ, съ какою гордостію, стоя на помянутой крутизнѣ, я обозрѣвалъ сіи восхитительные виды! Эти мѣста достойны, чтобы на нихъ стоялъ столичный городъ. Если бы хотя уѣздный хорошо выстроенный городокъ стоялъ на горѣ, то бы и тогда былъ видъ превосходящій всякое описаніе! Новоспасскъ строеніемъ хуже нашего Чембара, но лучше Спасска: въ немъ довольно каменныхъ домовъ. Сей городъ стоитъ почти весь въ лѣсу, и изъ-за деревъ виднѣются бѣлые домишки съ красными крышами, и потому онъ представляетъ прелестнѣйшій ландшафтъ, чѣмъ самымъ болѣе возвышаетъ прелесть и плѣнительную красоту сихъ мѣстъ. Отъ старой Рязани до него не болѣе полуверсты. Мы въ старой Рязани останавливались кормить лошадей, и потому я имѣлъ довольно времени для осмотрѣнія сихъ окрестностей. День былъ прекраснѣйшій, солнце было на полуднѣ. Отъ Спасска до старой Рязани 150 верстъ.

Отъ старой Рязани до губернскаго города Рязани ничего достопримѣчательнаго я не замѣтилъ, кромѣ того, что въ селахъ и деревняхъ избы построены изъ прекраснаго сосноваго лѣса и крыты тесомъ, что въ оныхъ много есть двухъэтажныхъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ, особенно въ первыхъ, въ которыхъ видна вся прелесть русской деревенской архитектуры. Ворота, окошки и крыши изукрашены рѣзьбою. Постоялые дома почти всѣ безъ исключенія двухъэтажные. Таковы села и деревни почти до самой Москвы. Въ одной изъ комнатъ постоялаго дома, между площадными, мазанными картинами, коими обита была вся комната, я увидѣлъ портреты: Паскевича Эриванскаго и Конари, одного изъ полководцевъ новой Греціи. Отъ старой Рязани до новой 50 верстъ.

На сей дорогѣ случилось со мною небольшое приключеніе, которое стоитъ того, чтобъ разсказать вамъ его. Однажды въ полдень, уснувши въ своей кибиткѣ, я былъ пробужденъ громкимъ разговоромъ Ивана Николаевича съ кѣмъ-то незнакомымъ. Встаю, гляжу

и вижу ѣдущую позади насъ цыганку. Взглянувши на меня, она сказала, что уменъ, доброе лицо, что (признаюсь въ слабости) мнѣ было непріятно. По обыкновенію, она предложила мнѣ извѣстную услугу: поворожить. Отъ скуки и для смѣха я согласился на ея предложеніе и подалъ ей руку. Между многими глупостями, которыя обыкновенно врутъ сіи пророчицы, меня чрезвычайно удивили слѣдующія слова: «Люди почитаютъ и уважаютъ тебя за разумъ, только языкомъ не сшибайся. Ты ѣдешь получить и получишь, хотя и сверхъ чаянія». Неудача моя въ разсужденіи поступленія въ университетъ заставила меня смѣяться надъ послѣдними словами сей пифіи, но принятіе въ оный привело мнѣ на память ея слова, довольно удивительныя. Наконецъ, мы пріѣхали въ Рязань. Не буду много хвалить сей городъ, только скажу, какъ Чембаръ хуже Пензы, такъ Пенза хуже Рязани. Но пока довольно; въ слѣдующій разъ буду писать пространно объ Рязани и продолжать мой журналъ.

Рязань есть первый истинно хорошій городъ, который я увидѣлъ. Правильное расположеніе улицъ, ихъ чистота, прекрасныя строенія, гостиные ряди, лавки,—все это привело меня въ крайнюю степень восторга и удивленія. Я тутъ въ первый разъ собственнымъ своимъ опытомъ, узналъ, что въ Россіи есть прекрасные города. Въ Рязани улицы часто пересѣкаются глубокими оврагами, но черезъ эти овраги, во всю ширину ихъ, проведены прекрасные мосты, столь длинные, что улицы черезъ нихъ дѣлаются совершенно ровными. Изъ великаго числа прекрасныхъ строеній мнѣ особенно понравилась губернская гимназія, которая наружнымъ видомъ гораздо лучше московской. По пріѣздѣ на постоялый дворъ, я первымъ долгомъ поставилъ побродить по улицамъ Рязани для осмотрѣнія оной. Едва отошелъ отъ своей квартиры на десять шаговъ, какъ увидѣлъ подходящую ко мнѣ духовную особу. Служитель алтарей, поровнявшись со мною, снялъ шляпу, какъ со стариннымъ знакомымъ лицомъ, раскланялся и, пожелавъ добраго здоровія, козлинымъ голосомъ проблеялъ: «Милостивый государь! Пожалуйте отцу Ивану на бѣдность двѣ копеечки». Я догадался, что въ карманѣ достопочтеннѣйшаго отца Ивана обрѣтается только шесть копеекъ и слѣдовательно недостаетъ двухъ. Молча подалъ я ему два гроша. Тронутый и удивленный такою необычайною щедростію, онъ осыпалъ меня благословеніями, благодареніями и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать... куда же? Въ кабакъ, который находился отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Пожелавъ мысленно святому отцу повеселиться въ храмѣ Бахуса, я пошелъ далѣе. Не могу вамъ описать всѣхъ достопримѣчательностей Рязани, всѣхъ впечатлѣній, которыя она на меня произвела... Скажу вамъ только, что я почиталъ себя перенесеннымъ невидимою силою въ прелестное царство очарованій

и такъ разгулялся по этому царству, что съ большимъ трудомъ могъ найти свою квартиру и то уже случайно. Петръ увидѣлъ меня въ окно, идущаго, по противоположной сторонѣ, и кликнулъ. Измученный усталостію и голодомъ, я вошелъ въ нашу комнату, гдѣ увидѣлъ сопутниковъ моихъ, расположившихся обѣдать, и, не заставляя себя долго просить, бросился на лавку, схватилъ ложку и началъ очень прилежно работать. Долго смѣялись насчетъ моей прогулки и того, что я запутался. Наконецъ, мы выѣхали и черезъ день или два пріѣхали въ Коломну (уѣздный городъ Московской губерніи).

Коломна хуже Рязани, но лучше Пензы, и вся состоитъ изъ двухъ и трехъэтажныхъ домовъ. Въ ней живетъ по большой части купечество. Мы только проѣзжали чрезъ этотъ городъ. Онъ имѣетъ порядочную крѣпость, но услужливые господа французы разорили оную, и теперь она находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Отъ Коломны до Бронницъ 50 верстъ.

Бронницы довольно плохой городишко, однако, лучше Чембара. Онъ почти весь состоитъ изъ каменныхъ строеній, но главный его недостатокъ въ томъ, что въ оныхъ виденъ мѣщанскій вкусъ. Присутственныя мѣста онаго построены по плану нашихъ чембарскихъ, только менѣе оныхъ. Впрочемъ, я очень доволенъ остался этимъ городкомъ, ибо нашелъ въ немъ прекрасный трактиръ. Закусивши въ ономъ, мы пошли походить по городу. Онъ стоитъ при рѣкѣ Москвѣ. Долго мы ходили около новопостроенной церкви и отъ скуки читали надгробныя надписи, которыхъ нашли очень много. Почти всѣ эти эпитафіи написаны стихами, по красотѣ и изяществу коихъ не трудно было догадаться, что онѣ сочинены записнымъ сего города риѳмачемъ (и достойнымъ соперникомъ двухъ чембарскихъ).

Вотъ вамъ двѣ изъ нихъ:

1.

О другъ! Твой милый прахъ
Давно въ сырой землѣ лежитъ;
Но огонь любви въ сердцахъ
Всегда у насъ къ тебѣ горитъ.

2.

Здѣсь два птенца, съ сестрою братъ, положены,
Одна свѣтъ видѣла не многи дни,
Другъ едва взглянулъ—
Заснулъ.

Отъ сего города до Москвы, кажется 50 верстъ. Выѣхавши изъ онаго, мы ночевали въ одномъ селѣ. По утру, часовъ въ 8-ми, мы пріѣхали въ Москву. Еще вечеромъ наканунѣ нашего въ нее въѣзда,

за нѣсколько до нея верстъ, какъ въ туманѣ, виднѣлась колокольня Ивана Великаго.

Мы въѣхали въ заставу. Сильно билось у меня ретивое, когда мы тащились по звонкой мостовой. Смѣшеніе всѣхъ чувствъ волновало мою душу. Утро было ясное. Я протиралъ глаза, старался увидѣть Москву, и не видѣлъ ее, ибо мы ѣхали по самой средственной улицѣ. Наконецъ, приблизились къ Москвѣ-рѣкѣ, запруженной барками. Неисчислимое множество народа толпилось по обѣимъ сторонамъ набережной и на Москворѣцкомъ мосту. Одна сторона Кремля открылась предъ нами. Шумные клики, говоръ народа, трескъ экипажей, высокій и частый лѣсъ мачтъ съ развѣвающимися разноцвѣтными флагами, бѣлокаменныя стѣны Кремля, его высокія башни,— все это вмѣстѣ поражало меня, возбуждало въ душѣ удивленіе и темное смѣшанное чувство удовольствія. Я почувствовалъ, что нахожусь въ первопрестольномъ градѣ,—въ сердцѣ царства русскаго.

Долго мы стояли на набережной, ибо Петръ ходилъ къ Владиміру Ѳедоровичу и Надеждѣ Матвѣевнѣ для испрошенія у нихъ позволенія остановиться на время въ ихъ домѣ. Получивши оное, Петръ пришелъ къ намъ; мы поворотили направо и черезъ ворота каменной стѣны, окружающей Китай-городъ въѣхали въ Зарядье. Такъ называются нѣсколько улицъ, составляющихъ часть Китая-города. Сіи улицы такъ худы, что и въ самой Пензѣ считались бы посредственными, и такъ узки, что двѣ кареты никоимъ образомъ не могутъ въ нихъ разъѣхаться. При самомъ въѣздѣ въ оныя мое обоняніе было поражено такимъ гнуснымъ запахомъ, что и говорить очень гнусно... Наконецъ, мы доѣхали и въѣхали на дворъ. Я съ И. Н. взошелъ въ комнаты, гдѣ увидѣлъ хозяйку дома, очень обрадованную пріѣздомъ И. Н., который отрекомендовалъ ей меня, какъ своего родственника, пріѣхавшаго въ Москву для поступленія въ университетъ. Она очень ласково обошлась со мною. Подали самоваръ, и мы напились чаю. Едва ли успѣли передѣться, какъ пришелъ и хозяинъ дома, который равнымъ образомъ обошелся со мною какъ нельзя лучше. Потомъ мы пошли въ книжныя лавки. Иванъ Николаевичъ имѣлъ порученіе отъ Алексѣя Михайловича купить книгъ рублей на 60. Комиссію эту онъ исполнилъ въ одной изъ лавокъ Глазунова. Сидѣльцами оной мы увидѣли двухъ молодыхъ людей, довольно образованныхъ, какъ видно, начитанностію. Ихъ вѣжливость, ихъ разговоры о литературѣ плѣнили меня. Взявши одну книгу и разогнувши оную, я увидѣлъ, что это есть томъ сочиненій пресловутаго Хвостова. «Расходятся ли у васъ толстотомныя творенія сего великаго лирика?»—спросилъ я.—«О, милостивый государь,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ съ насмѣшливой улыбкой, мы отъ нихъ никогда въ накладѣ не бываемъ, ибо имѣемъ самаго усерднѣйшаго покупателя оныхъ, и этотъ покупатель есть самъ Хвостовъ!!!».

Такимъ образомъ во время нашего трехдневнаго пребыванія въ домѣ Владиміра Ѳеодоровича мы безпрестанно бродили по Москвѣ. На третій день къ Надеждѣ Матвѣевнѣ пришла сестра ея Ольга Матвѣевна. Иванъ Николаевичъ сказалъ ей о затрудненіи, въ которомъ я находился въ разсужденіи квартиры. Такъ какъ въ домѣ ея есть маленькая свѣтелка, то она и согласилась принять меня къ себѣ. Свѣтелка мнѣ чрезвычайно понравилась; она довольно просторна для помѣщенія одного человѣка и имѣетъ большое венеціанское окно. Поблагодаривъ В. Ѳ. и Н. М. за хлѣбъ за соль и ласки, я на другой же день перебрался на свою квартиру. Тутъ-то я началъ смотрѣть на Москву, какъ говорится, въ оба глаза. Священный Кремль, набережная Москвы, каменный мостъ, монументы Минина и Пожарскаго, воспитательный домъ, Петровскій театръ, университетъ экзерциргаузъ, — вотъ что удивляло меня. Какъ такъ? А Успенскій соборъ, а колокольня Ивана Великаго? говорите вы. Погодите, друзья мои, до всего дойдетъ очередь. Всѣ прекрасныя достопримѣчательныя мѣста въ Москвѣ разбросаны, а потому она не можетъ при первомъ на нее взглядѣ производить сильнаго впечатлѣнія даже на такого человѣка, который не видывалъ города лучше Пензы. Иногда идешь большою извѣстною улицею и забываешь, что она московская, а думаешь, что находишься въ какомъ нибудь уѣздномъ городѣ. Часто въ этихъ улицахъ встрѣчаешь превосходныя по красотѣ и огромности строенія, а между ними такія, какія и въ самомъ Чембарѣ почитались бы плохими и которыя своею гнусностію умножаютъ красоту зданія, возлѣ котораго стоятъ. Глядя на подобное зрѣлище приводишь на память стихи Долгорукаго:

Иной въ огромнѣйшей палатѣ
Даетъ вседнeвный пиръ друзьямъ,
А рядомъ съ нимъ, въ подземной хатѣ,
Другой не ѣстъ по цѣлымъ днямъ.

Часто улицы бываютъ такъ узки, что двое саней съ трудомъ могутъ разъѣхаться. Вообще, во всей Москвѣ улицы узки. Самая широкая едва ли можетъ равняться съ чембарскою. Часто попадаются переулки, такіе гнусные, что и въ самыхъ концахъ Пензы невозможно такихъ найти. Вся Москва состоитъ изъ камня и желѣза. Улицы выложены камнемъ, тротуары кирпичные, дома кирпичные, крыши и заборы по большей части желѣзные. Хотя Москва сначала и не нравится, но чѣмъ болѣе въ ней живешь, тѣмъ болѣе ее узнаешь, тѣмъ болѣе ею плѣняешься. Изо всѣхъ россійскихъ городовъ Москва есть истинный русскій городъ, сохранившій свою національную физіогномію, богатый историческими воспоминаніями, ознаменованный печатью священной древности, и зато нигдѣ сердце русскаго не бьется такъ радостно, какъ въ Москвѣ. Ни

что не можетъ быть справедливѣе этихъ словъ, сказанныхъ великимъ нашимъ поэтомъ:

Москва! какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Какія сильныя, живыя, благородныя впечатлѣнія возбуждаетъ одинъ Кремль! Надъ его священными стѣнами, надъ его высокими башнями пролетѣло нѣсколько вѣковъ. Я не могу истолковать себѣ тѣхъ чувствъ, которыя возбуждаются во мнѣ при взглядѣ на Кремль. Видъ ихъ погружаетъ меня въ сладкую задумчивость и возбуждаетъ во мнѣ чувство благоговѣнія. Съ почтеніемъ смотрю я на ихъ старинную архитектуру. Видъ ихъ переноситъ меня въ священную древность, въ милую русскую старину. Часто случалось мнѣ мимоходомъ видѣть древній дворецъ русскихъ царей. Онъ не очень великъ, окошки сдѣланы и украшены тоже такимъ образомъ, какимъ украшаются наши сельскія строенія. На праздникъ Пасхи пускаютъ любопытныхъ во всѣ извѣстныя кремлевскія зданія, какъ-то: въ грановитую палату, арсеналъ, дворецъ и проч., и тогда я подробно опишу вамъ все, что достойно особеннаго вниманія.

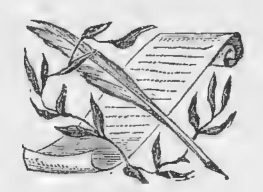
Монументъ Минина и Пожарскаго стоитъ на Красной площади, противъ Кремля. Пьедесталъ онаго сдѣланъ изъ цѣльнаго гранита и вышиною будетъ не менѣе четырехъ аршинъ. Статуи вылиты изъ бронзы. Пожарскій сидитъ, опершись на щитъ, а Мининъ передъ нимъ стоитъ и рукою показываетъ на Кремль. На передней сторонѣ пьедестала вылито изъ бронзы изображеніе людей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, приносящихъ на жертву отечеству свои имущества. Вверху сего изображенія находится слѣдующая краткая, но выразительная надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія».

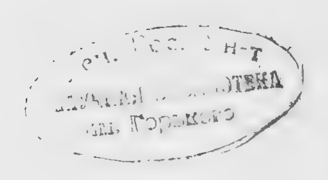
Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я разсматриваю его, друзья мои, что со мною тогда дѣлается! Какія священныя минуты доставляетъ мнѣ это изваяніе. Волосы дыбомъ подымаются на головѣ моей, кровь быстро стремится по жиламъ, священнымъ трепетомъ исполняется все существо мое, и холодъ пробѣгаетъ по тѣлу. «Вотъ, думаю я, вотъ два вѣчно сонныхъ исполина вѣковъ, обезсмертившіе имена свои пламенною любовью къ милой родинѣ. Они всѣмъ жертвовали ей: имѣніемъ, жизнью, кровью. Когда отечество ихъ находилось на краю пропасти, когда поляки овладѣли матушкой Москвой, когда вѣроломный король ихъ бралъ города русскіе,— они одни рѣшились спасти ее, одни вспомнили, что въ ихъ жилахъ текла кровь русская. Въ сіи священныя минуты забыли всѣ выгоды честолюбія, всѣ разсчеты полной корысти — и спасли погибающую отчизну. Можетъ быть, время сокрушитъ эту бронзу, но священныя

имена ихъ не исчезнутъ въ океанѣ вѣчности. Поэтъ сохранитъ оныя въ вдохновенныхъ пѣсняхъ своихъ, скульпторъ въ произведеніяхъ волшебнаго рѣзца своего. Имена ихъ безсмертны, какъ дѣла ихъ. Они всегда будутъ воспламенять любовь къ родинѣ въ сердцахъ своихъ потомковъ. Завидный удѣлъ! Счастливая участь!»

Друзья мои, не почитайте эти строки слѣдствіемъ холоднаго низкаго желанія.

В. Бѣлинскій.





C2γ]

Рузовская ул.